ПИОНЕР 2

1986

Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи.

В. И. Ленин

Зоя **ВОСКРЕСЕНСКАЯ**,
лауреат Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола,
член КПСС с 1929 года

Ленин и теперь живее всех живых...

Октябрьская площадь на высоком холме Москвы. Грандиозный величественный памятник Владимиру Ильичу Ленину как бы увенчал столицу. Отсюда начинается многокилометровый Ленинский проспект. В эти дни с Внуковского аэродрома прибывают по этому проспекту со всех концов нашей Родины делегаты XXVII съезда КПСС. Машины притормаживают ход, и делегаты впервые воочию видят недавно открытый памятник вождю Революции. Удивительное творение великого мастера монументальной скульптуры Л. Е. Кербеля. В разных ракурсах Ленин видится по-разному. Вот он говорит, пальцы левой руки сжаты, правая в кармане пиджака, но вот-вот он выбросит руку вперед и на раскрытой ладони вынесет новую идею, будет отстаивать свой тезис, подчеркнув его жестом руки, и время покажет, что только этот тезис был единственно правильный. Смотришь в профиль — Владимир Ильич, чуть приподняв подбородок, зорко всматривается вдаль, угадываешь даже такой характерный для Ильича прищур глаза и понимаешь, что Владимир Ильич видит коммунистическое Далеко. А вот в новом ракурсе Ленин обращается к нам — людям сегодняшнего дня, он как бы оценивает наши и твои дела, юный читатель, смотрит, как изменился советский человек, каким он идет в третье тысячелетие. С какой бы стороны ни глядел на этот памятник, видишь Ленина в движении, деятельным, мыслящим, зовущим на новые подвиги.

У основания памятника — скульптурная группа. Прекрасны изваянные из темной бронзы фигуры и лица красногвардейца, красноармейца, рабочего, крестьянина, ученого... И над ними женская фигура в вихре развевающихся знамен. Она вся порыв, вся призыв. Что хотел изобразить этой фигурой художник — Революцию? Славу? Свободу? В моем восприятии — это символ Победы. Победа ленинских идей, ленинских предвидений. Победа в Великом Октябре, гражданской войне, победа в борьбе с голодом и разрухой, безграмотностью, нищетой, победа колхозного строя, превращение отсталой России в передовую промышленную державу, победа в Великой Отечественной войне, победа социализма в

нашей стране. Трудно оторвать глаза от этого полного мысли, вызывающего волнение и раздумье ансамбля, особенно сейчас, в февральские дни 1986 года, когда в Кремле на партийном съезде прокладывается путь к коммунизму. Мысленно листаешь страницы истории.

1895

Декабрь. 90 лет назад. Камера № 193 в тюрьме на Шпалерной улице в Петербурге. Двадцатипятилетний Владимир Ульянов, арестованный за революционную деятельность, продолжает и здесь напряженную работу. Он пишет проект первой Программы революционной партии рабочего класса России; пишет тайнописью, молочными чернилами между строк книги, макая перо в чернильницу из хлебного мякиша. Если тюремная администрация сумеет раскрыть тайнопись, тогда сибирская каторга на многие годы, а Владимиру Ульянову так нужна свобода, со свободой Ульянова связана победа народа. Вполне мы только теперь сознаем это. Как далеко умел видеть Ленин! В этом первом проекте Программы он определяет конечную цель борьбы пролетариата — завоевание политической власти, уничтожение частной собственности на средства производства, создание социалистического общества. Над этим проектом Программы Ленин работал восемь лет, вынеся его на обсуждение рабочего класса России через газету «Искра».

Старый большевик, член партии с 1903 года, Григорий Степанович Соколов рассказывал, как по заданию социал-демократической организации Петербурга летом 1903 года он создал на Обводном канале подпольную типографию. Самым торжественным днем своей жизни он считает августовский день и ночь, когда они, молодые помощники партии, размножали текст первой Программы, принятой II съездом партии. Текст Программы привез делегат съезда от тульских рабочих Дмитрий Ильич Ульянов.

— О, с каким волнением мы читали Программу партии,— говорил Григорий Степанович.— У рабочего класса России появился мудрый и могучий руководитель — марксистская партия. Это была первая партия в истории человечества, которая провозгласила и обосновала идею диктатуры пролетариата, союз рабочих и крестьян, дружбу народов, определила путь к победе социалистической революции. Мы читали и, признаюсь, плакали от счастья, хотя я далеко не сентиментальный человек. Ночью, когда печатали Программу нашей Российской социал-демократической рабочей партии, тихонько напевали: «Это будет последний и решительный бой...» Как мы работали! Сейчас бы сказали, что мы были ударниками коммунистического труда. Я и раньше считал себя социал-демократом, страстным приверженцем Ленина, но с этой ночи стал действительным членом партии, большевиком.

Почетное звание «большевик» первым получил Владимир Ильич Ленин. Когда родилось это новое, ставшее теперь интернациональным слово «большевик», кто придумал его? Раньше ни в одном словаре русского языка такого слова не было. В своих работах, посвященных II съезду партии, Владимир Ильич не употребляет слов «большевик», «большевистская партия». Творцом этого нового слова стал рабочий класс. «Большевик» происходит от хорошего старого русского корня, от слова «большой», что значит старший в семье, в коллективе, от слова «большак», что значит большая столбовая дорога к заветной цели, от слова «большинствовать», то есть быть головою дела, первенствовать, брать перевес влиянием, могучим разумом.

Четырнадцать лет бытовало это слово в народе, и в апреле 1917 года во «Введении к резолюциям апрельской всероссийской конференции РСДРП(б)» записано: «Товарищи рабочие! Всероссийская конференция Российской социал-демократической рабочей партии, объединенной Центральным Комитетом и в просторечии называемой партией «большевиков», закончилась». С апреля 1917 года партия стала официально называться партией большевиков — РСДРП(б).

Жизнь подтвердила великое предвидение Ленина. Партия готовила рабочий класс к решительной схватке с царизмом и капитализмом. В Февральской революции 1917 года был сброшен царизм, то есть осуществлена программа-минимум, а в октябре 1917 года была решена программа-максимум. Рабочий класс завоевал политическую власть.

1919

Над молодым Советским государством нависла смертельная угроза. Белогвардейцы и иностранные интервенты стягивали кольцо вокруг Москвы. Весной 1919 г. хорошо вооруженные вражеские армии насчитывали на нашей земле более миллиона человек. Владимир Ильич руководил организацией обороны страны и, веря в победу, готовил партию и народ к созидательной работе. Он был творцом новой, первой в истории Программы ставшей у власти партии коммунистов. Эта Программа была вынесена на обсуждение VIII съезда партии в марте 1919 года.

Программа определяла пути и средства строительства социализма, раскрывала величайшую роль диктатуры пролетариата, опирающейся в со-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

зидательной работе на союз рабочего класса и крестьянства.

Об этом съезде подробно рассказывал делегат, член партии с 1914 года, бывший шлиссельбургский узник Михаил Петрович Ремизов. В 1917 году он устанавливал Советскую власть в своем родном Гжатске, ныне городе Гагарине, был первым большевистским председателем уисполкома и укома партии.

«Владимир Ильич говорил легко и свободно, как бы думая вслух, он, как великий зодчий, сквозь хаос войны, голод, холод, безграмотность, видел прекрасное творение — новое социалистическое общество свободных людей под мирным небосводом. Он видел дальше и больше, он видел еще одну программу партии — план электрификации России, который уже готовился и был принят в 1920 году,— рассказывал товарищ Ремизов.— Ленин увлек всех нас, зарядил могучей энергией. Ленину, его прозорливости, его гению мы обязаны тем, что в 1961 году ракета в 20 миллионов лошадиных сил подняла первого человека в космос, и не случайно это был советский человек — Юрий Гагарин».

1961

В Кремле заседает XXII съезд КПСС. Сколько же необозримых событий и перемен произошло за эти 42 года в нашей стране и во всем мире! Советский Союз стал могучей индустриальной державой, наши дети уже стали забывать слово «крестьянин», в быт прочно вошло новое слово — колхозник, произошли глубокие культурные преобразования в стране. Разве встретишь сейчас у нас неграмотного? Сбылось предвидение Ленина, что началась эра всемирной пролетарской коммунистической революции. Советский народ одержал Великую Победу над фашизмом. Возникла мировая социалистическая система. Социализм в нашей стране победил окончательно.

Партия разработала новую, третью Программу. В этой новой, третьей Программе определялись задачи совершенствования социализма, превращение государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство.

1986

За четверть века, прошедшие со дня принятия третьей Программы партии, произошли глубокие изменения как в нашей стране, так и в международных отношениях. «Жизнь подтвердила правильность основного содержания третьей Программы партии»,— говорил товарищ М. С. Горбачев на Пленуме ЦК КПСС в октябре 1985 года. Но жизнь также показала, что некоторые формулировки не выдержали испытания временем. И здесь партия руководствовалась ленинскими указаниями о том, что критика отдельных пунктов и формулировок Программы — «вполне законная и необходимая вещь во всякой живой партии».

Третья Программа партии в новой редакции, так же как Устав и экономическая программа,— это дальнейшее совершенствование социализма, продвижение нашего общества к коммунизму. Это программа борьбы партии за упрочение мира. Это программа действий во имя человека и мира на Земле.

В Программе большое внимание уделено воспитанию и укреплению здоровья подрастающего поколения, заботе о семье, женщине-матери. В ближайшее время для малышей будет построено дополнительно столько детских садиков, чтобы каждая мама имела возможность устроить туда своего ребенка.

Будут созданы новые пионерские, трудовые и спортивные лагеря, дома пионеров, дома и станции научно-технического и художественного творчества.

Увеличатся нормы расхода на питание в дошкольных учреждениях и профессионально-технических учебных заведениях.

Советские дети отвечают на заботу партии своим посильным вкладом.

Вот краткие выдержки из трех писем из «глубинки» нашей страны от школьников, полученных мною в ноябре прошлого года.

Камчатская область, село Средние Пахачи. Бескрайняя тундра. «В тундре пасутся стада оленей,— пишут школьники.— Летом с сопок спускаются свирепые медведи. Они ловят красную рыбу в реке и рвут сети». Летом школьники отдыхали в пионерлагере. вырастили в теплице 200 килограммов огурцов, 300 килограммов зеленого лука, 100 килограммов укропа, 1000 комнатных цветов, устроили зимний сад в школе. В совхозе собрали картофель с трех гектаров, заготовляли сено и силос.

А вот письмо от моих давних друзей из села Баяга (Якутия).

Ребята пишут, что в лагере труда и отдыха они заготовили 266 тонн сена. Начав учебный год, занимались заготовкой дополнительного корма для скота, собрали 2,2 тонны листьев, 6 тонн ягеля и 52 тонны кочек (болотный мох). «Ученые подсчитали,— пишут ребята,— что один килограмм желтых листьев содержит больше витаминов, чем один килограмм сена».

Из Полтавы школьники Шербанёвской средней школы сообщают, что 30 октября 1985 года по Киевскому (республиканскому) радио «прозвучала передача об Ульяновском саде», который школьники высадили несколько лет назад, как живое дополнение к Музею В. И. Ленина.

Я раскрываю свой партийный билет. На нем портрет Владимира Ильича Ленина... Каждый раз с волнением вдумываюсь в такие емкие и ко многому обязывающие слова: «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи».

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Владимир КОЖЕМЯКИН

Рисунки А. БОРИСОВА.

ЧЕЛОВЕК РАСТИТ ЗЕЛЁНЫЙ ГОРОД

Рассказ о коммунисте Н. А. Злобине

Здания в лесу

Удивительный город Зеленоград. Он вырос в двадцати километрах к северу от Москвы прямо посреди леса. Вернее, не вырос, а пророс. Как прорастают среди травы деревья, так проросли здесь среди деревьев дома. Ну посудите сами. Идёшь по лесу и вдруг... упираешься в четырнадцатиэтажный кирпичный дом. Проходишь дальше, и снова высотный дом — уже крупнопанельный. Пушистые лапы елей тянутся к окнам. Любопытные осины и берёзы заглядывают в уютные квартиры. Скачут белки. Здорово жить в лесу... к тому же со всеми удобствами. Или, может быть, дома не проросли из земли, а опущены сверху вертолётом?

Как же здесь разворачивались мощные строительные машины и не повредили зелени? Кто этот волшебник-строитель? Кому под силу такое? Вот какие невольно возникают вопросы. Но, оказывается, в этом сказочном городе всё обошлось без волшебства. Просто старались строители не потревожить, не поранить деревья, когда растили эти удобные современные дома. Строительную площадку не сразу расчищали бульдозерами. Сначала работали вручную. Выкапывали и пересаживали деревья, которые потом снова аккуратно переносили поближе к дому.

Иду, любуюсь городом-лесом. Наверное, у всех жителей Зеленограда и у всех его гостей никогда не бывает плохого настроения. Но я сегодня не просто праздно брожу по асфальтированным тропинкам. Я решил отыскать одного из тех строителей, кто своими руками смог сделать чудо. Он где-то здесь. Недалеко уже. Строит со своей бригадой двадцатидвухэтажный жилой дом. Я хорошо знаю имя этого человека. Да и кто этого имени теперь не знает?

Его зовут Николай Анатольевич Злобин. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, пламенный боец Ленинской партии, член Президиума Верховного Совета СССР, строитель...

Человек дела из села Дельное

Вообще-то село называется Дельное-Дубрава. Хотя дубравы возле него никакой нет. И дальше, сколько хватит взгляда, тоже нет ни одного дуба. Почему же в названии села слово «дубрава»? Была она здесь когда-то. Да в войну спилили её. Не могли не спилить. Лес ой как далеко! Не на чем было

дрова возить: на всё большое некогда село осталось тогда две-три лошади. Да и некому. В селе одни старики, бабы да детишки. И все с утра до ночи на работах. Вернутся с фермы, с поля, а дома-то холодно, голодно. Где уж тут уцелеть дубраве!

Эти места — черноземная область России. Плодородные почвы. Но и труда они требуют немалого. Издревле смекалкой и трудолюбием были наделены местные люди. Дело прежде всего. Быть может, поэтому первое слово в названии села — «Дельное»?

В этом-то селе, что затерялось среди просторов Тамбовщины, и родился Николай Злобин.

Богата тамбовская земля. Сколько великих имён связано с ней! Именно эти места, где раскинулось село Дельное-Дубрава и посёлок Сосновка — теперешний районный центр,— в 1922 году освобождал от антоновских банд Аркадий Гайдар. Он тогда командовал 58-м полком. А было командиру 18 лет. В годы Великой Отечественной войны 42 уроженца тамбовской земли за форсирование Днепра получили Золотые Звёзды Героев. Этот край — родина Героев Советского Союза Зои и Шуры Космодемьянских. Десять декабристов родились на земле тамбовской, и среди них М. С. Лунин. Родились здесь писатели С. Н. Сергеев-Ценский, А. С. Новиков-Прибой, Н. Е. Вирта, изобретатель лампочки накаливания, академик А. Н. Лодыгин, первый советский дипломат Г. В. Чичерин...

Вот какая это земля! Случайность ли это, что судьба Николая Злобина и судьбы стольких других людей-самородков были связаны с ней? Нет, это закономерность для великой земли, щедрой и вечной.

Лицо дома

С детства мне казалось, что у каждого дома есть своё лицо. Вполне человеческое. Идёшь по улице. Смотришь. Вот дом весёлый. Вот задумчивый. Вот насупившийся. Этот дом — простак. Этот — хитрец. Этот — задира. Этот — тихоня. Но что определяет лицо дома, я никак не мог понять. Растолковал мне это Николай Анатольевич. Он только что прикрепил стропы к железобетонному блоку, который башенный кран сразу же потащил наверх, и, скинув рукавицы, обернулся ко мне.

— Ничего удивительного,— сказал он, поправив синюю защитную каску и внимательно взглянув лучистыми васильковыми глазами.— Конечно, дома имеют каждый своё лицо. Пусть теперь они строятся по типовым проектам, но лицо своё всё равно не теряют. А лицо это — коллективный портрет строителей, возводивших дом. С каким настроением, с какой душой они его строили, таким дому и быть. Больше того, и жильцам передаётся настроение дома.

Что же, если дом строили с плохим настроением и он получился угрюмый и неаккуратный, значит, и жильцам быть мрачными и раздражительными? Выходит, так. Наверняка в доме полно недоделок. А какое уж тут может быть хорошее настроение, если в квартире то батарея потечёт, то кран загудит, то штукатурка с потолка посыплется, то паркет вздуется?

Дома, которые строит бригадир Злобин со своей бригадой, что входит в строительное управление № 111 «Зеленоградстроя»,— как орешки: один к одному. Ладные, плотные, улыбчивые. Не нарадуются на них новосёлы.

...Как всё начиналось

В безлесных районах с древности самым распространённым строительным материалом был с а м а н. Вот что это такое. Брали глину, добавляли в неё резаную солому, костру[1], мякину[2]. Лепили из этой смеси кирпичи, сушили и строили из них

[1] Костра — так называются части стеблей прядильных растений — льна, конопли, кенафа, отвердевшие и не пригодные для переработки.

[2] Мякина (полова) — отходы после очистки и обмолота злаковых и бобовых растений.

домики (точнее сказать — хижины), покрывая крышу соломой.

Из таких вот домиков и состояло довоенное село Дельное-Дубрава. В одном из них жила семья Злобиных. Бабушка, мать, Коля, две его сестры. Отца не было. Лучшими друзьями Николая были Степан Семикин, Алексей и Фёдор Поповы, двоюродный брат Фёдора Гавря, Вася Щеглов... Почти все одногодки, но Коля был ниже всех ростом, худой, с белёсыми густыми вихрами. Вместе росли, вместе в школу бегали, вместе вступали в пионеры, вместе работали.

На трудодни выдавали совсем мало. Понятно: война...

Как-то мать сказала Коле:

— Мал ты ростом, щупленький, а всё же сила в тебе есть. И лет не так уж мало. Двенадцатый пошёл,— и продолжала:— Помогать уж мог бы. И семье, и колхозу...

И Николай пошёл работать. Выгребал навоз, убирал ферму, чистил коров...

В село стали приходить похоронки с фронта. Одна за другой. Начали Николай, Гавря, Фёдор, Василий и Алексей помогать семьям погибших. То хвороста наберут для печки, то торфа немного раздобудут, то воды принесут.

В 1945 году, четырнадцати лет, вступил Николай в колхоз. И все его друзья тоже колхозниками стали. Делали самую что ни на есть взрослую работу. Работали плугочистами (была такая работа — очищать зубья бороны, плуга от земли и поднимать плуг на разворотах), сеяли, косили траву...

В том же 45-м вступили Николай и Гавря в комсомол. Секретарь райкома, когда вручал Николаю билет, сказал:

— Видишь этот портрет на билете? Ленин. Значит ты продолжатель его дела. Помни всю жизнь: ты ленинец, и это звание накладывает на тебя огромные обязанности. Запомни — долг перед Лениным, перед Родиной, перед партией превыше всего.

Возвращаясь из райцентра, меряя пешком долгие километры, Николай всё время нёс билет в руке, не доверяя его карману, и нет-нет, да и поглядывал на портрет Ленина. «Ленин теперь всегда со мной»,— с гордостью думал Николай.

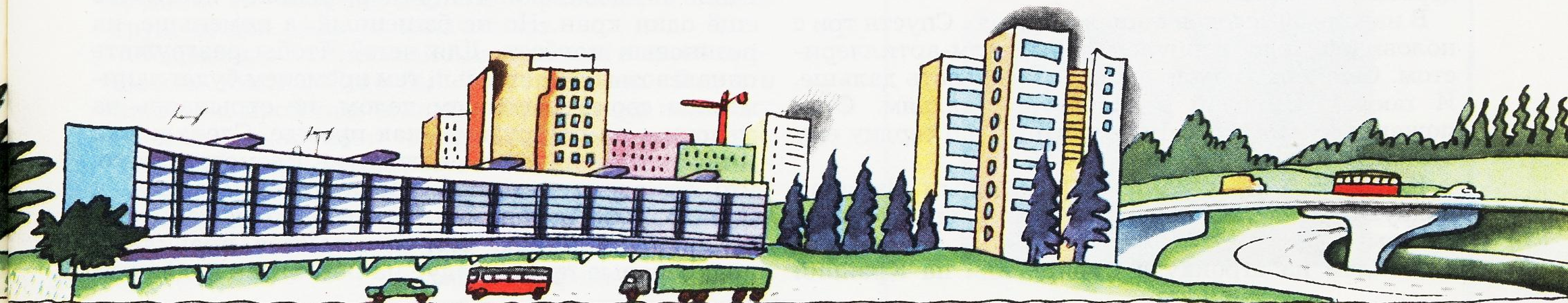
Всё чаще и чаще всматривался Николай в окрестные поля и перелески. Взор его проникал и дальше — в незнакомую жизнь, о которой знал только понаслышке. Что видел он? Дорогу. Пойдя по ней, он познает и огорчения, и радость, и боль, и любовь... Может быть, в его воображении вставали не ясные пока очертания огромных домов? Может быть, поднимаясь один за другим, эти дома вырастали в красивый зелёный город? Может быть...

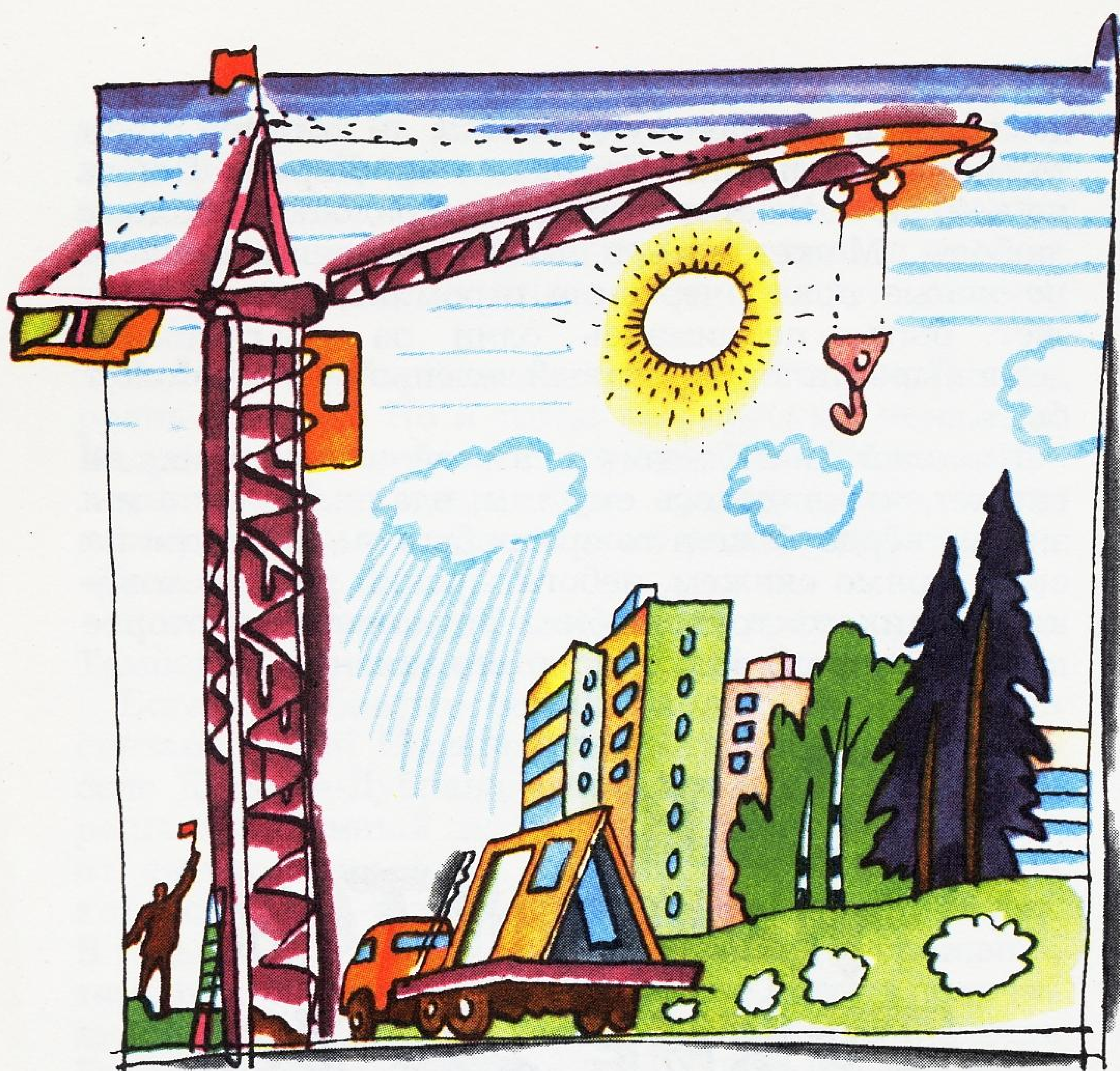
Николай Анатольевич и сам сейчас наверняка не скажет, что виделось ему там, вдали. Но одно мы знаем твёрдо. Уже в то время был он, несмотря на свой, прямо скажем, небогатырский рост, человеком великого трудолюбия. Трудолюбия, которое потом и определило линию его жизни.

Как получаются такие дома

Николай Анатольевич снова весь в работе. Прикрепляет стропы, что свисают с огромного крюка башенного крана, к железобетонной панели. Её только что сгрузили с мощного панелевоза. Панелевоз ещё не успел исчезнуть из вида, как уже два других, отфыркиваясь, подползают к стройке. Их прицепы, как верблюжьи спины, навьючены тяжёлыми панелями — целыми стенами с оконными рамами и стёклами в них. Работа идёт. Только успевай разгружать. Наверху монтажники ловко вставляют панели в специальные пазы и гнёзда, плотно подгоняют, а сварщики «намертво» сваривают их со всей конструкцией дома. Ходит по рельсам кран, поднимает и поднимает панели. Брызжут во все стороны голубые искры электросварки. Растут и растут этажи. Растёт и растёт город. И днём, и ночью. И зимой, и летом...

В бригаде Злобина 67 человек. Разного возраста народ. Есть и молодёжь, есть и ветераны. Но и те, и другие — люди заслуженные. Многие награждены орденами и медалями. Каждый из них владеет несколькими специальностями. К примеру, бригадир. Он сейчас работает стропальщиком. А надо





будет — поднимется наверх помогать монтажникам, заменит товарища у сварочного аппарата. Хотя основная-то специальность Николая Анатольевича — каменщик. Вернее, эта специальность была основной. Теперь для него все они равны, всеми он владеет с одинаковой сноровкой. Но вовсе это не означает, что нет среди его многочисленных специальностей самой любимой.

И члены его бригады тоже на все руки мастера. Но дело не только в этом.

Где пролегала дорога

Было холодно. Стужа ленинградская пробирала до косточек. Это не тот бодрящий родной тамбовский морозец, который на щеках зажигает румянец...

Работал грузчиком. А фигура-то совсем не грузчицкая. Когда впервые пришёл в общежитие, ребята, взглянув на него, невольно сказали:

— Ты хоть чайник-то наш поднять сможешь?

Но шутка шуткой, а отнеслись они к Николаю с вниманием. И работа пошла. Тяжело было, что там говорить! После смены — в первые дни — только до койки добраться. Но зато матери каждый месяц — денежный перевод. Как эти деньги ждали в деревне, Николай знал.

В начале 50-х годов пошёл в армию. Спустя три с половиной года вернулся сержантом-артиллеристом. Снова надо было решать, что делать дальше. И поехал Николай в Москву, к дядьям. Стал пожарным. Но скоро понял, что не по сердцу ему это занятие.

Как-то Виктор Филлипов, с которым Николай подружился ещё на курсах пожарных, говорит ему:

— Едем на стройку в Сибирь или на Крайний Север. Молодёжь зовут туда. Интересно! Места новые увидим. Строителями станем.

И вот по комсомольской путевке они отправились в город Томск. Учились на каменщиков. Не все клеилось в учебе. Туго давалась ровная кирпичная кладка, «без сучка без задоринки». Много раз наставник Иван Васильев заставлял переделывать. Николай переделывал. С каждым разом получалось всё лучше и лучше. А Васильев продолжал при виде работы своих учеников морщиться. Но вот, наконец, наставник похвалил Николая. Это был очень радостный день, хотя руки от работы болели так, что трудно было даже поднять кирпич.

Строительные леса... По ним можно подняться к самому небу и облакам. И оттуда, с высоты птичьего полёта, любоваться городом.

Николай по сути своей был непоседой. Его продолжали звать неведомые края. Много строек объездил... И вот снова Москва. И снова стройка. И снова учёба. На курсах бригадиров, в техникуме. А когда начал рождаться новый город Зеленоград, отправился Николай Анатольевич на эту стройку. Ей отдаёт он теперь все свои силы, всю энергию и талант строителя.

Где кроется успех

Я спросил у Злобина, какой из домов, возведённых бригадой, самый для него дорогой. И Николай Анатольевич, не задумываясь, ответил:

— Самый первый дом, что строили по методу бригадного подряда. Корпус номер 915. С этого дома начинался в нашей стране бригадный подряд. И мы были первыми. Мы были разведчиками.

Что такое бригадный подряд? В чём его новизна? Раньше было так: возведёт строительно-монтажная бригада коробку дома и уходит строить другое здание. А в этом доме за дело принимаются электрики, отделочники, сантехники. Они порой даже незнакомы с той бригадой, что ставила дом. Вот и получается, что у дома много хозяев. А много хозяев, как говорится, то же самое иногда, что ни одного.

Значит, надо сделать так, чтобы строительно-монтажная бригада стала на стройке единственной хозяйкой. От начала работ и до завершения их отвечала за всё. Так и сделали. Средства, отпущенные на строительство дома, сполна передали бригаде. Теперь она сама покупала у управления строительные материалы для своего дома, сама арендовала механизмы и транспорт, сама оплачивала свой труд.

Бригада стала теперь относиться к стройке истинно по-хозяйски. Например, решили поставить ещё один кран. Но не башенный, а поменьше, на резиновых колёсах. Для чего? Чтобы разгружать панелевозы. А башенный тем временем будет заниматься своим основным делом, не отрываясь на мелочи — на разгрузку,— как прежде. Сделали так и получили экономию солидную. Несмотря на то, что за аренду второго крана тоже платили, и немало. Или ещё пример. Рельсы того же башенного крана, или, как они называются правильно, подкрановые пути, кладут на песок: так надёжнее.

Песок для этого привозят на стройку специально. После возведения дома песок разравнивают бульдозером да так и оставляют. Бригада подсчитала, что перевозить с собою песок на новую стройку гораздо экономнее, чем заказывать новый.

Бригада сокращает сроки строительства: чем раньше закончится стройка, тем больше будет сэкономлено средств. Почти половина из них идёт на премирование бригады. И за досрочную сдачу дома — тоже премия. Электриков, отделочников и сантехников нанимает и оплачивает их работу тоже бригада. И они, вдохновлённые примером строителей, не могут работать спустя рукава. Всё делают быстро и качественно.

Дом выстроен «под ключ». Это значит, в нём хоть сейчас можно справлять новоселье. Настало время сдавать его приёмной комиссии. Ждут этого дня строители с волнением. Хотя волноваться-то нечего: всё построено добротно, без недоделок. Но, видно, потому и волнуются, что много души вложили в стройку. А придирчивая комиссия неизменно принимает дома, построенные злобинцами, с оценками «хорошо» и «отлично».

Тот первый злобинский кирпичный четырнадцатиэтажный корпус номер 915 был возведён за 155 дней. На целых 80 дней раньше срока. А следующий такой же дом злобинцы выстроили за 82 дня! Но это было только начало...

В те дни произошло событие, которое Николай Анатольевич считает важнейшим в своей жизни. В июне 1971 года он стал членом КПСС. На собрании от волнения он смог сказать только одну фразу:

— Моя жизнь принадлежит партии.

Благородная профессия

За одиннадцатую пятилетку бригада сдала «под ключ» десять жилых домов площадью 119 тысяч квадратных метров. Нормативные сроки строительства сокращены на 291 день. То есть каждый дом бригада возводила в среднем на 29 дней раньше срока. Годовая выработка на одного рабочего составила более 43 тысяч рублей: это вчетверо превысило показатель по Главному управлению промышленного строительства. Рапорт о выполнении пятилетнего задания был сдан ещё в прошлом году ко дню рождения В. И. Ленина.

Это цифры. А сколько за этими цифрами счастливых новосёлов! Сколько благодарного человеческого тепла!

Посмотрите, какой сегодня стала бригада. Можно с уверенностью сказать: она такая же прочная, как и дома, ею возведённые. Не заработок, а общий труд, общая цель её сплачивают.

Рассказывает Николай Анатольевич о своей профессии охотно. Ещё бы! Это его жизнь. Ездит в школы и профтехучилища, несмотря на нехватку времени, выступает перед молодыми рабочими. Мало кого не заинтересует его рассказ. Рассказ человека, уверенного в том, что его профессия — одна из самых благородных на свете.

Дельное-Дубрава — Сосновка — Тамбов — Зеленоград — Москва.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Наташа КРАМАР живет на Украине, в городе Желтые Воды, учится в школе №3.

Моя мечта

Нас ожидают большие дела,
Дерзания и свершения,
И хочется мне, чтобы я жила
В делах
грядущего поколения!

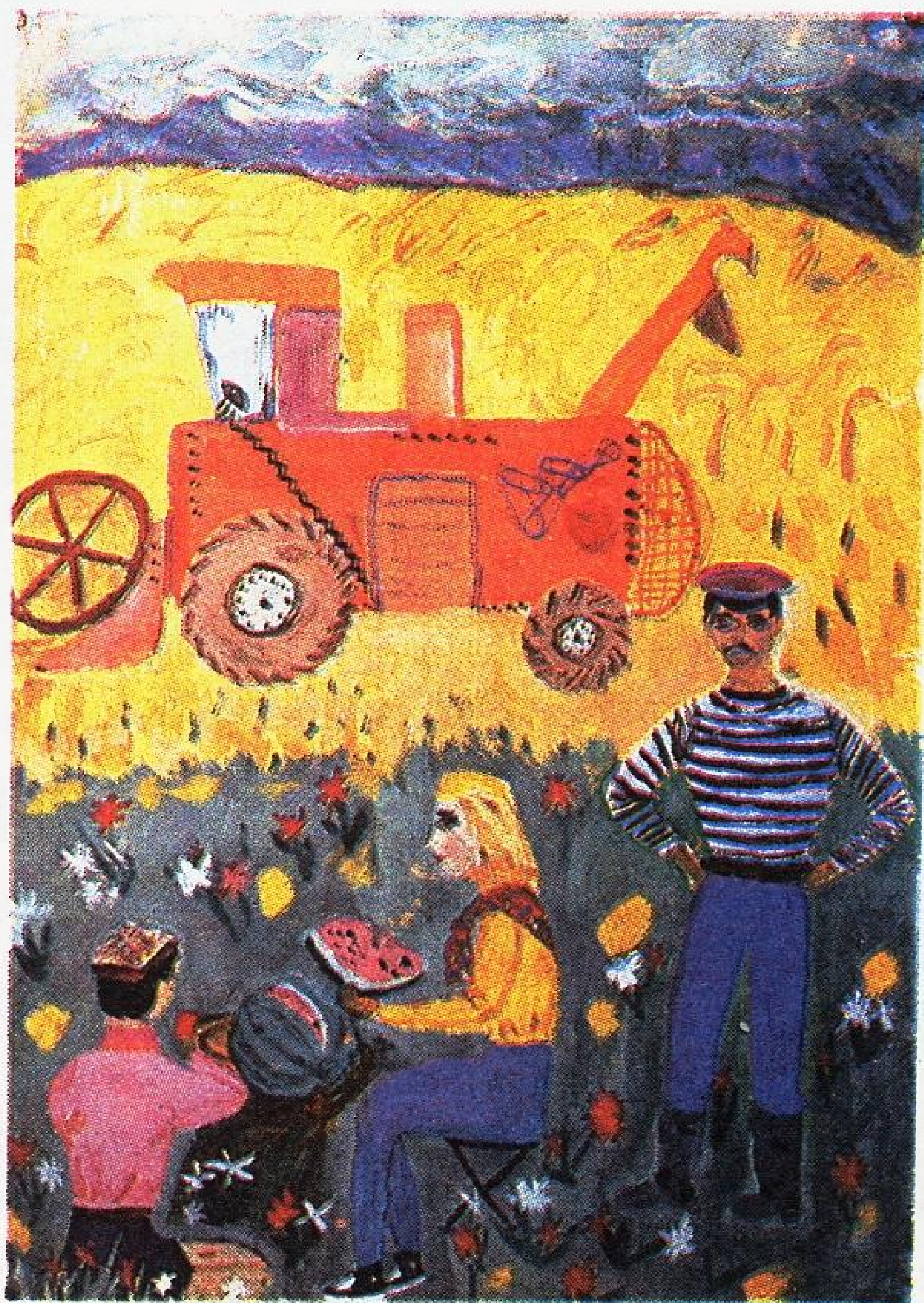
Колыбельная

Пела мама: «Доченька,
Нет тебя роднее,
Вырастай красивая,
Тополя стройнее.

Я тебе желаю
Высоко летать,
Хорошо работать,
Думать и мечтать,

Доброй быть и смолоду
Честью дорожить,
А еще желаю —
Родину любить!»

«ОБЕД КОМБАЙНЕРА».
Рисунок Сережи СУСЛОВА.



В. БАХРЕВСКИЙ

ПОЛЕ ИМЕНИ ОТЦА

РАССКАЗ

Рисунки А. ХАЙЛОВА.

— Иван Ануфриевич, как же быть-то? — спрашивала Дуся, трогая рукой щеку, и никак не хотела отойти от порога.

Она была такая же, как в восемнадцать, черноволосая, ясноглазая, статью — девушка. Ее сын Вася теснился на пороге. Ему приходилось сгибать голову и сутулить плечи.

— Иван Ануфриевич, нельзя Мишино поле чужому человеку отдать. Вася, конечно, молод, но он весь в Мишу...

Миша, Михаил Федотыч, известный всей области Паштепа, передовик, орденоносец, делегат, друг детства. Умер Миша на работе. Готовил комбайн к уборке.

Как молодое сердце, мотор под его руками заработал. Заслушался Михаил Федотыч лучшей для него музыкой, ох, заслушался. Свое сердце так не берег, как сердце машины. С улыбкой умер: значит, принял работу, последнюю свою работу.

У хорошего мастера есть клеймо, ему контролеры не нужны. У Паштепы было свое поле. Именное. Оно так и звалось «Паштепино». Михаил Федотыч сам его засевал, сам и убирал.

Год за годом проносились над этой горячей южной землей засухи. Иные хлеборобы двадцати центнерам радовались, а Михаил Федотыч менее пятидесяти не собирал.

— Ну что ты, Дуся, у порога стоишь! — обиделся Иван Ануфриевич. — Садитесь за стол, чай будем пить.

Они пришли к председателю домой на ночь глядя, им было неловко, но и не прийти было нельзя. В конторе председателя не поймаешь, пора горячая, и ждать уже некуда: через день-другой начнется уборка.

Дуся и ее сын Вася прошли к столу, сели рядом.

— Поле-то рекордное, — сказал виновато Иван Ануфриевич, он уже поручил уборку Паштепиного поля лучшим трем комбайнерам. — Сами понять должны, год выдался урожайным, промахнуться тут уж никак нельзя.

И задумался. Сын ведь по праву пришел требовать отцовское наследство. Озабоченно посмотрел на Васю.

— Ты в девятом?

— В десятый перешел. — Голос у Васи был ломкий, но грозился вырасти в бас.

Иван Ануфриевич улыбнулся. Вася был копия мамы. Щеки нежные, матовые, ресницы с ладонь, но глаза отцовские, глядящие строго, никогда и никому не солгавшие.

— А лет тебе...

— Ему семнадцать, — сказала Дуся.

— Через месяц, — уточнил сын и нахмурился. — Даже меньше, через двадцать два дня.

Иван Ануфриевич опять улыбнулся, но тотчас и согнал улыбку с лица. Комбайнеру полагалось иметь полных восемнадцать лет.

— Но ты, однако, с отцом работал, — искал себе оправдание председатель.

— Он три года был у Миши помощником, — сказала Дуся. — Когда отец отдыхал, Вася сам сидел за штурвалом.

— Как же быть-то? — спросил теперь председатель.

— Поле Паштепино, а из Паштеп один я теперь, — сказал Вася и строго посмотрел в глаза Ивану Ануфриевичу.

— То-то и оно! — Председатель тряхнул головой. — Садись, Паштепа, на комбайн.

И опять улыбнулся.

— Но все-таки помни: работаешь ты, а отвечаю я.

— Вася у нас осторожный! — вспыхнула Дуся, радуясь решению председателя и немного обижаясь за сына.

Они пошли, сказали с порога «до свидания», но тут Иван Ануфриевич опамятовался.

— Подожди! Ты в звене собираешься работать?

— Я как отец, — нахмурился Вася.

— Ну, понятно, — кивнул председатель и больше уж ничего не посмел сказать.

Паштепино поле, выхоженное Михаилом Федотычем, по необъятности богатырское. Каково будет на нем мальчишке?.. Они хоть и длинные теперь, а все ведь мальчишки... Поворочался в ту ночь председатель с бока на бок. Однако и недоверять человеку из-за того только, что молод, разумно ли? Ведь годились в семнадцать лет на войну идти!

Ночью с моря прилетела грозовая туча, сверкали молнии, но дождя на пять минут не хватило. Однако комбайнерам пришлось ждать, когда солнце наберет силу и высушит поля.

Вася вышел из дома с матерью в восемь часов утра. До Паштепиного поля от села двадцать минут ходьбы. Мать несла белый узелок, из которого выглядывала никелированная крышка термоса.

— Нынешних-то и на работу за ручку водят! — вызывая на разговор соседку, пропела Бурячиха, баба вредная, завистливая.

— Мамкин он сынок, — с доброй грустью сказала соседка. — А характером весь в отца. Васе не стыдно с матерью ласковым быть. Наши с тобой нагрубить спешат. Сами, мол, взрослые.

Вася и впрямь не думал, что о нем скажут. Он думал о матери. Еще в прошлом году они вот так же шли на поле начинать уборку. Втроем шли.

— Ты срыву-то не бери,— сказала мать.— Отец любил ровно работать. Никогда не спешил, а успевал больше других.

— Я постараюсь,— сказал Вася.

— Ивану Ануфриевичу спасибо.

— Я постараюсь,— опять сказал Вася.

Комбайн стоял у кромки поля, Вася привел его сюда в пять утра. Привел и ушел домой досыпать. Мог бы и в вагончике, но у отца по-другому было заведено. На первую жатву мама обязательно провожала его до самого поля.

Остановились. Вася понял, что нельзя вот так повернуться к матери спиной и сесть на машину, подготовленную к работе руками отца. Он взял узелок, где в термосе у него был холодный крепкий чай и черные маленькие сухарики для забавы.

— Ты сделай сегодня вареники с вишней,— сказал он матери,— для праздничка.

Мать просияла, взяла его крепкими молодыми руками за голову, пригнула, поцеловала в щеку.

— Ступай, сынок!

Он вспорхнул с земли, но в кабине лихачества перед матерью не выказал. Приладил узелок, аккуратно закатал рукава рубахи и только потом включил мотор.

У Дуси голова закружилась, столь плавно сошел с места степной корабль, будто земля поплыла. Вот так же неприметно отходят от причала морские корабли. Начиналась первая Васина самостоятельная страда.

Подкатил на велосипеде к вагончику тихий муж говорливой Бурячихи.

— В помощники председатель послал.

— Ты уж посмотри, Петрович, за Васейто! — попросила Дуся.

— Не беспокойся! — заверил Петрович.— Он у тебя самостоятельный.

Иван Ануфриевич заехал на Паштепино поле поздним вечером. В колхозе было заведено: из шестнадцатичасового рабочего дня комбайнерам полагалось два двухчасовых перерыва. Можно и поесть по-человечески, и соснуть, а не соснуть, так полежать, размяться.

Иван Ануфриевич, не желая отбирать у парня драгоценные минуты отдыха, подскочил на «газике» во время пересменки.

— Хорошо,— сказал он Васе,— в первой десятке идешь.

— Десятым? — спросил Вася.

— Шестым.

— Лучше-то я, наверное, и не смогу,— сказал Вася серьезно.

— От тебя лучшего и не требуется. А по чистоте работы ты и отцу не уступаешь.

Вася кивнул. Он знал, что работает чисто и что забота о чистоте, может быть, вредит скорости, но он был Паштепа.

Отец убирал свое поле за пять-шесть дней, потом перебирался на другие колхозные поля. И не было такого года, чтоб его не послали в соседние хозяйства.

Вася видел: в скорости он уступает отцу. Не та сноровка, но и урожай не тот, что в былые годы. Сильные хлеба — большая радость, но и большой труд. Вася думал о потерях. На своем поле отец признавал только прямое комбайнирование, одновременно косил и обмолачивал, и Вася тоже работал по-отцовски. Теперь его разбирали сомнения. Может, все-таки сначала скосить поле, чтоб хлеб не осыпался?

Утром на третий день приехал Иван Ануфриевич.

— Прикинул я, Вася, без малого по шестьдесят центнеров с гектара отцово поле уродило. За неделю ты не управишься. Не применить ли нам раздельную уборку? Что ты сам думаешь?

Вася опустил голову. Он был уверен: поле подарило несметный урожай, по-своему почтив память отца. Но ведь «чужие» комбайнеры, для которых Паштепино поле всего лишь очередное, разве так будут вылизывать каждую пядь его?

— Я бы сам хотел! — сказал Вася, твердо, помужски, и тотчас побагровел он стыда, и за этот свой мужской голос, и от страдания, потому что не знал, хватит ли ему силы на всю уборку.

Иван Ануфриевич заколебался.

— Ну, хорошо! — сказал он наконец. — А твое, помощник, мнение?

Петрович солидности ради нахмурился.

— Мы с Василием Михайловичем дело свое знаем.

— Ну, старайтесь! — вздохнул председатель.

Стараться значило для Васи отнять час-другой у сна. И он работал теперь сколько хватало сил. Петрович на пятые сутки прихворнул и ушел домой на ночь, отоспаться. Вася работал. Уж он-то на свои силы пожаловаться не мог. Настроение было хорошее, две трети поля под метелочку убраны.

— Не задерживайся! — крикнул он шоферу, освобождая бункер от зерна.

Машина отъехала. Свет фар, ломаясь, тыркнулся в небо. Васе почудилось вдруг, что на его поле, туда, где стоял неубранный хлеб, плавно опускается летающий «волчок». Не тарелка, не блюдце, а самый настоящий «волчок», только очень большой.

— Пришельцы! — ахнул Вася и еще раз ахнул: — Да что же это они на хлеба-то садятся? Разумные ведь существа!

И крутанул колесо штурвала, преграждая пришельцам путь.

Раздался скрежет разорванного металла. Вася выключил мотор... и проснулся.

Над полем стояла ночь. Пыль, клубясь, оседала на обесцвеченную фарами землю. Он выключил свет, открыл кабину.

Стрекотали кузнечики.

«Ну и морока!» — подумал он, усмехнувшись, и вспомнил скрежет металла. Выбрался из машины. По-стариковски массируя ладонью спину, согнулся над жаткой, потом сел, лег...

— Ничего себе!

У жатки завернуло днище.

Он знал, как дорог теперь каждый час, бегом добежал до вагончика, вызвал по телефону ремонтников.

— Будем через полчаса! — сказали ему, и он тотчас лег на койку и заснул.

— Парень! Проснись! — Ремонтник ярким лучом большого фонаря светил в потолок. — Хана комбайну! Утром отбуксируем в мастерские.

— А тут ничего нельзя сделать? — спросил Вася, чтоб что-то сказать.

— Нельзя, — ответил ремонтник. — До утра можешь спать спокойно.

Хлопнула дверь. Постанывая мотором, ушла «техничка».

Вася спохватился: с ремонтниками можно было бы домой уехать. Он вышел на крыльцо.

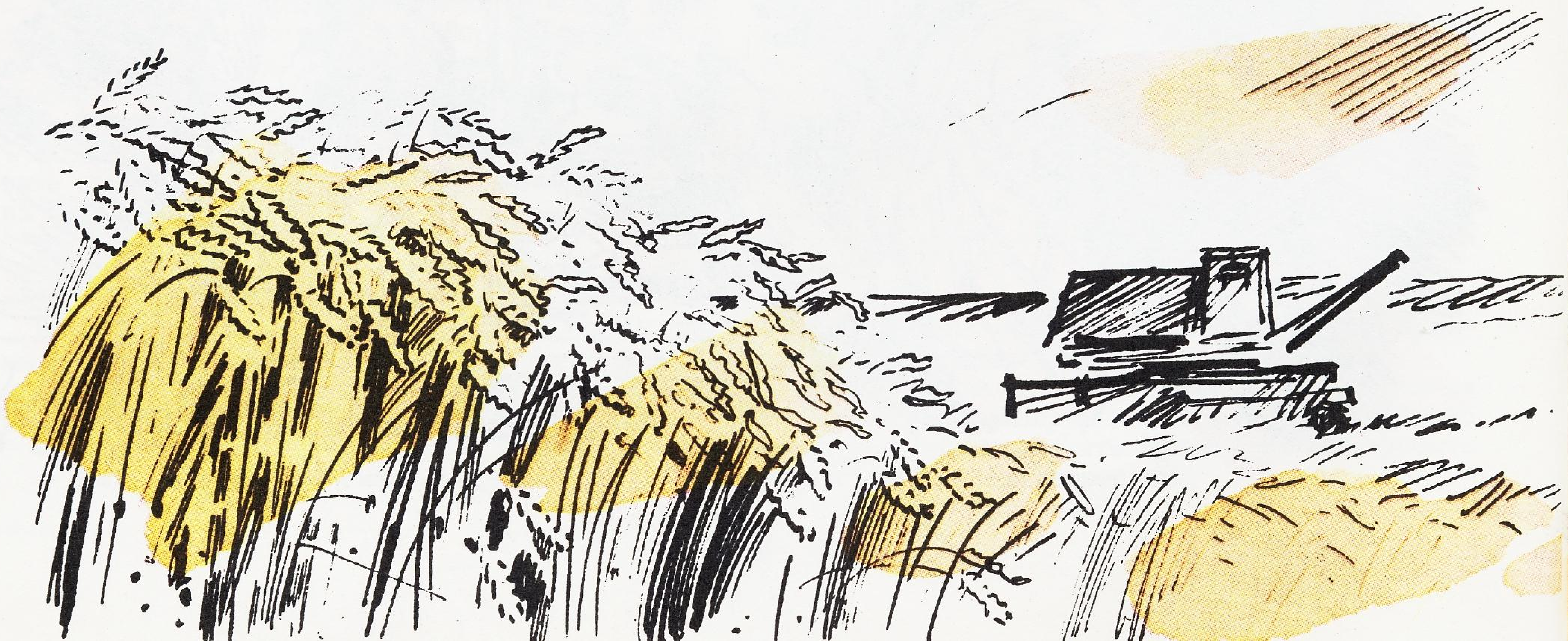
Бессонно, как на императорском балу, сверкали звезды.

«Император тут ни при чем», — сказал себе Вася и пошел по хрустящей стерне, спать ему теперь совершенно не хотелось. Он выбрался на тропку и еще немножко прошел в сторону села. Оглянулся. Комбайн, как динозавр, темнел на темном поле.

— Ну, где же вы, пришельцы? — спросил Вася у неба. — Одна морока с вами.

И заторопился к дому. Он не бегал к маме рассказать, как хорошо идет у него дело, а вот горем своим спешил поделиться.

Вася об этом подумал, но тотчас прогнал от себя ненужную мыслишку. До его рождения мама работала комбайнером. И не она у отца, отец у нее был в бригаде. Замуж вышла — не захотела



быть начальством у главы своей семьи. Даже газеты, которые про нее писали, собрала все и спрятала.

Мама словно ждала его. Он стукнул, она отворила.

— Дно жатки завернуло? Да они в мастерских своих неделю будут копаться. Бери ломик, угольники. Домкраты есть у тебя?

— Конечно, есть.

— Пошли.

О том, что ночью на Паштепином поле молодой Паштепа напрочь запорол комбайн, Иван Ануфриевич узнал только в десять утра. Главный механик мастерских сводку принес.

— Где ты был утром? — возмутился председатель. — Где сам Паштепа?

— Где Паштепа, не знаю, а сам был на ремонте комбайна в третьей бригаде. Только что приехал оттуда.

— Нужно немедля перебросить на Паштепино поле технику.

— Откуда? — пожал плечами механик. — Из второй бригады своим ходом комбайны полдня будут тащиться, а у них там много работы.

— Тогда что же мы тут разговоры говорим? — опять вскипел Иван Ануфриевич. — Немедленно отбуксируйте сломанный комбайн в мастерские, и чтоб за сутки он был в строю.

Иван Ануфриевич махнул рукой на бумажки, ожидающие его подписи, и уже через пять минут гнал «газик» на Паштепино поле.

По дороге навстречу шла женщина.

— Дуся! — узнал Иван Ануфриевич и резко тормознул. Вышел из машины. — Что там?

Она улыбнулась. Разглядывала озабоченное лицо председателя.

— Поломал что, спрашиваю?

— Уж больно ты серьезный, — сказала Дуся. — Смолоду серьезный... Потому, видно, и в председателях.

Поглядела через плечо в сторону Паштепиного поля.

— Дел у меня много, — сказал устало Иван Ануфриевич, берясь за ручку дверцы.

— Да ты послушай, — сказала она с укоризной.

За холмом, скрывающим поле, работал мотор. Только теперь Иван Ануфриевич увидал, что на руках Дуси остались несмывшиеся следы машинного масла.

Он тоже наконец улыбнулся.

— Садись, подвезу.

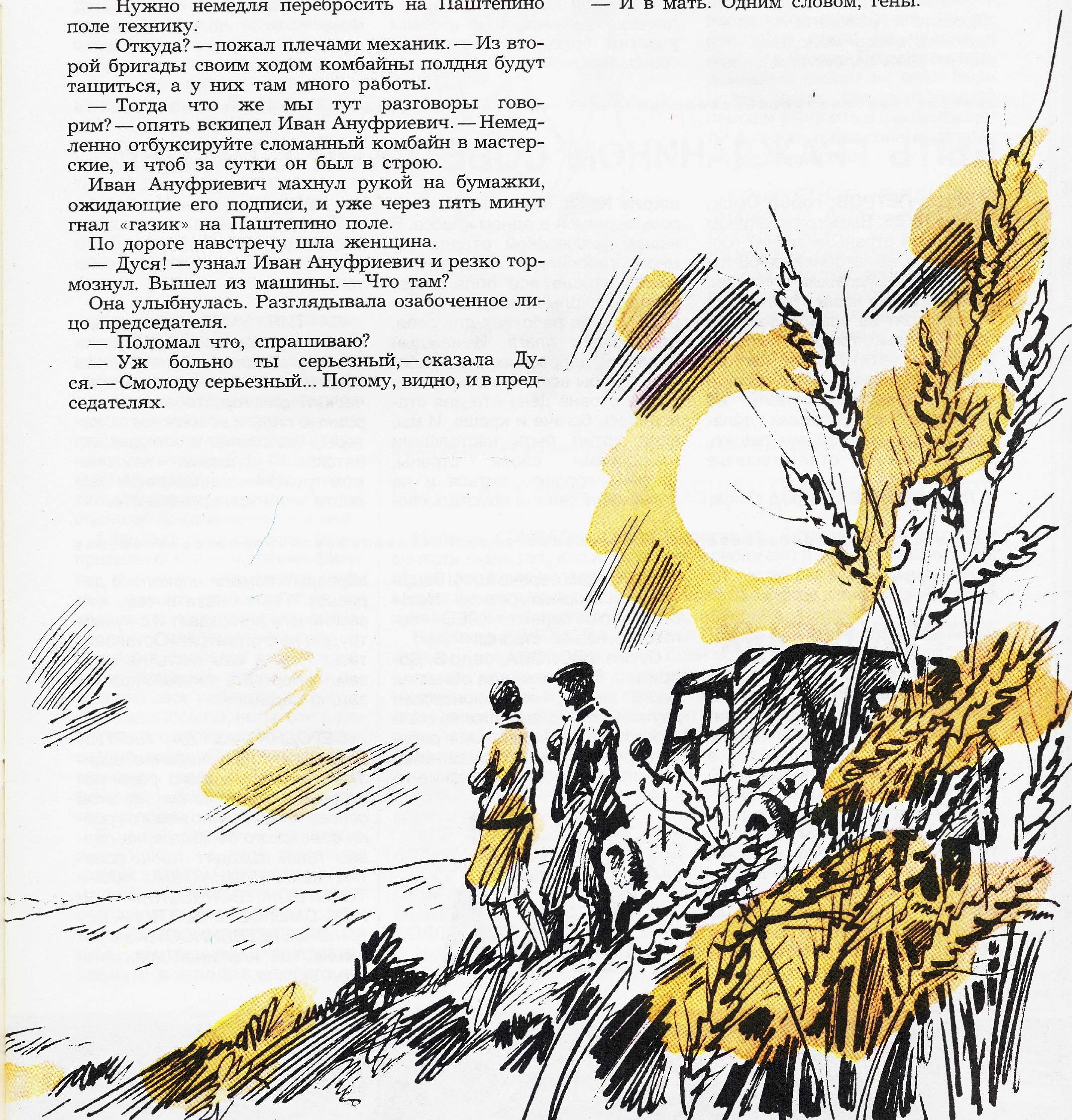
Машину Иван Ануфриевич развернул на холме. Притормозил.

Комбайн шел по хлебному полю, и оно, движимое легким ветром, как море, накатывало на него, словно спешило отдать человеку свою драгоценную, бережную ношу — золотое зерно.

— Какую ровную стерню оставляет! — удивился Иван Ануфриевич. — В отца.

Посмотрел на Дусю и серьезно добавил:

— И в мать. Одним словом, гены.



Отряд говорит

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕРЖИМ ШАГ!

В новой редакции Программы партии определена роль комсомола в политической системе советского общества как организации ***общественно-политической.***

Что это значит?

Это значит активно пропагандировать и проводить политику партии в массы молодежи. Это значит быть целеустремленным политическим организатором молодого поколения, политическим бойцом за дело партии, за утверждение коммунистических идеалов. Об этом говорилось на XI Пленуме ЦК ВЛКСМ в ноябре прошлого года. Все молодежные коллективы, обсуждая проекты новой редакции Программы КПСС, Устава партии, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, определяли для себя, для каждой комсомольской организации ***конкретные формы участия*** *молодежи в решении социально-экономических задач, стоящих перед трудовыми коллективами.*

А вы? Говорили вы на своих пионерских сборах о том, что каждый юный гражданин Страны Советов первую политическую закалку, политическую школу проходит в своем пионерском отряде, дружине — в своей пионерской организации?! Думали вы о том, как еще в школе, в пионерском коллективе научиться быть политическим бойцом партии, отстаивать партийные позиции и дело партии?! Свое конкретное участие в общенародном деле вы обсуждали?!

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Игорь ПЕТРОВ, город Омск, школа № 65. Быть гражданином Советской страны — значит гордиться ею, ее историей, ее богатствами, ее трудовыми успехами. Понимать, что наша страна, наш народ стоят за правое дело, за мир. Но только тогда ты по праву можешь считать себя настоящим гражданином, когда помогаешь стране увеличивать ее богатства, конкретными делами помогаешь старшим решать их важные и ответственные задачи.

Лена ГРАЧЕВА, город Омск, школа № 65. Мы с Игорем Петровым учимся в одном классе. В нашем пионерском отряде мы много говорили о том, что в нашей стране все поля, леса, заводы, школы принадлежат народу. Народ работает для себя, для общего блага. И каждый должен добросовестно работать, чтобы всем жилось лучше, чтобы страна день ото дня становилась богаче и краше. И мы, если хотим быть настоящими гражданами своей страны, должны хорошо учиться и не словами, а делами помогать своему народу, старшим. И в борьбе за мир мы, пионеры, тоже можем многое сделать. Надо почаще об этом думать, не давать себе успокаиваться.

ПАРТИЯ УЧИТ, что осуществить преобразования исторического масштаба можно, лишь эффективно используя ***человеческий фактор,*** *то есть те огромные силы и возможности, которые заложены в каждом советском человеке — неутомимом труженике, пламенном патриоте и интернационалисте.*

ПОХОД БЕРЕЖЛИВЫХ

Лилия МЕНЗАТОВА, совхоз «50 лет СССР», Сырдарьинская область. Я уже вступила в комсомол, но не прощаюсь с тобой, «Пионер», мой любимый журнал. Хочу на твоих страничках «Отряд говорит с отрядом» сказать всем ребятам: «Берегите хлеб! Цените труд, который вложили в каждую булку хлеборобы, агрономы, пахари и пекари! Если увидите, что кто-то не доел кусок хлеба, надкусил его и бросил, остановите! Объясните, что человек поступает безрассудно. Будем беречь хлеб! Защитим его! Скажем грозное «Нет!» всем, кто не бережет ХЛЕБ — богатство нашей страны!»

Ольга ФРОЛОВА, село Б. Добринка, Воронежская область. Наша школа, вся пионерская дружина посадили саженцы, заложили «Сад Мира». Наши ребята бережно ухаживали за ними, растили с любовью. Но какие-то варвары сломали несколько деревьев. Пора сказать тем, кто сам ничего не создает и с чужим трудом не считается: «Остановитесь! Нам и вам жить на этой земле! Берегите живое! Украсим землю садами!»

СЕГОДНЯ, КОГДА ПАРТИЯ взяла курс на ускорение социально-экономического развития страны и достижение на этой основе качественно нового уровня советского общества, на первый план выходят такие понятия, как ИНИЦИАТИВА, НОВАТОРСТВО, ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК, СМЕЛОСТЬ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ за решение той или иной практической задачи.

ПИОНЕРСКИЕ БИОГРАФИИ

ИНИЦИАТИВА. ТВОРЧЕСТВО. ПОИСК

Алексей БАНИН, село Безводное, Горьковская область. Может быть, мои мысли покажутся вам незначительными, но все же сохранять тепло в зданиях, согласитесь, дело всех и каждого. Знаете ли вы, как устроен термос? Между стеклянными стенками — вакуум. И этот вакуум сохраняет кипяток кипятком, даже если термос поставить в холодильник. Догадываетесь, что я хочу предложить? Если между стенками домов будет вакуум, то топить понадобится только раз в две или даже три недели. Ни дров не надо, ни угля, ни электроэнергии, ни атома. Если это уже придумали, то извините меня: я ученик пятого класса.

__Наш корреспондент Светлана МИШУСТИНА__ рассказала о предложении Алексея БАНИНА сотрудникам Центрального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования жилища В. С. Белову и В. Ю. Мушинскому. Они внимательно прочитали письмо и так оценили предложение Банина:

Алешино предложение очень правильно с точки зрения физики. Известно, что вакуум — самый лучший теплоизолятор, он хранит тепло в термосе. Алеша проявил наблюдательность и, подметив свойство термоса надолго сохранять тепло, смог перенести свои наблюдения на такое, казалось бы, непохожее дело, как строительство и эксплуатация домов. Он понял: дольше сохраняя тепло в доме, можно экономить энергию. Алеша просто молодец!

В нашей стране уже разработан подобный способ утепления жилых зданий — когда стена дома снаружи и изнутри покрывается теплоизоляционным покрытием. Благодаря этому повышается внутренняя температура стены и в комнате надолго сохраняется тепло. Вы сами замечаете, ребята, когда в комнате тепло, мы меньше болеем, у нас улучшаются настроение и самочувствие.

На то, чтобы обогреть ваш дом, затрачивается много энергии, которую нам дают тепло- и электростанции. А что нужно для их работы — нефть, уголь, газ. Эти запасы небесконечны и невосполнимы. Беречь их — дело всех и каждого. И вы, ребята, можете внести свой вклад в общее дело. Начать можно с малого. Идя в школу или возвращаясь из нее, старайтесь поплотнее закрывать за собой входную дверь, не ломайте дверные затворы. Во время игр не забирайтесь на чердак: вы можете повредить утепление чердачного помещения, не открывайте двери на чердак и люки на крышу. Возьмите часть домашних хлопот на себя. Ведь можно дома без посторонней помощи утеплить и заклеить щели в окнах и балконных дверях на зимнее время.

КОНКРЕТНОЕ, СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЕ ДЕЛО — КАЖДОМУ ПИОНЕРСКОМУ КОЛЛЕКТИВУ, КАЖДОМУ ПИОНЕРУ!

Если удастся воспитать потребность в творчестве у каждого пионера, пионерский коллектив поможет тем самым общему делу научно-технического прогресса, ускорению социально-экономического развития.

БЫТЬ АКТИВИСТОМ, ОБЩЕСТВЕННИКОМ

Марина КОНРАДИ, город Караганда. Активистом может себя считать лишь тот, кто не пожалеет своих сил и умения мыслить для общих хороших и полезных дел. Вот если бы всех бездельников вывести в активисты, как бы мы хорошо зажили в пионерской нашей жизни, да и во взрослой жизни, наверное, тоже.

Надежда НИКОНОВА, деревня Прошино, Пермская область. Во всяком деле нужен заводила. Если есть в пионерском отряде такой человек, всем интересно и весело и дела делаются полезные. Человек, который научится в детстве быть заводилой или активистом, он и когда вырастет, будет повсюду инициативным, творческим человеком, сумеет поднять окружающих людей на нужное, полезное дело.

РЕБЯТА! Странички нашей рубрики «Отряд говорит с отрядом» ждут и ваших писем.

ЧТО УДАЛОСЬ ВАМ СДЕЛАТЬ ДЛЯ ОБЩЕГО БЛАГА? КАК ВСТРЕЧАЕТЕ ВЫ XXVII СЪЕЗД КПСС?

КАКОЕ КОНКРЕТНОЕ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЕ ДЕЛО СОВЕРШИЛ ВАШ ОТРЯД? КАКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ВЫНОСИТ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ ВАШ ПИОНЕРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ?

Не забывайте, ребята, на конверте сделать пометку: «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ».

Салют, Горловка!

А. МАРКУША, М. МАТВЕЕВА

В прошлом номере журнала мы рассказали вам о встречах с авторами книги «Слушайте все!», бывшими пионерами, а теперь мамами и папами пионеров. Вы узнали, кем стали эти люди, как вспоминают они свое детство, чему научились они в школьные годы...

«А как живут пионеры Горловки сегодня?— поинтересовались мы.— Чем гордятся, что умеют?»

Пионеров в Горловке — тысячи, отрядов сотни, дружин десятки, все не обойдешь. Нам предложили: «Побывайте в любых школах, на выбор, загляните во Дворец пионеров, о том, что увидите, можете рассказать всем ребятам».

Неделю мы ходили из дружины в дружину, и чем ближе узнавали горловских пионеров, тем больше они нам нравились.

Память внуков

Михаил Дмитриевич Дыхан живет в Одессе, работает в институте народного хозяйства. До недавнего времени он и не подозревал, что в Горловке, в школе-интернате № 1, есть музей боевой славы 271-й дивизии, в которой он служил в годы войны. И вдруг письмо от пионеров: приезжайте, расскажите, как воевали, посмотрите наш музей, может, кого из фронтовых друзей вспомните...

Профессор Дыхан приехал, ходил по музею, рассматривал на фотографиях молодые, знакомые и незнакомые лица бойцов, перебирал документы, письма...

И события сорокалетней давности увиделись совсем отчетливо. Потом Михаил Дмитриевич выступал перед всей школой, благодарил за прекрасный музей и говорил ребятам, что ветеранам дороже всего память внуков, интерес к истории Родины, к жизни отцов.

А через полгода, в День Победы, Михаил Дмитриевич снова приехал в Горловку. И среди 150 ветеранов своей дивизии, собравшихся в школьном музее, встретил Т. П. Русинову, медсестру, которая когда-то спасла ему жизнь и о судьбе которой он не знал более сорока лет.

Шестьсот участников войны пишут красным следопытам школы-интерната № 1! Чтобы помочь этим людям найти друг друга, чтобы могли они встретиться, обняться, вспомнить фронтовые годы, рассылали пионеры в архивы, музеи, газеты тысячи писем, запросов...

Вот это был подарок ветеранам к 40-летию Победы!

А с теми, кто живет в Горловке, красные следопыты видятся часто. С учителями-фронтовиками дружат. Отчитываются перед ними на сборах. Дружина учредила кубок имени Е. Ф. Стаховского, который в апреле каждого года передается самому спортивному классу. Стаховский в войну был начальником штаба 867-го стрелкового полка, а потом работал учителем истории в Горловке. Умер он пять лет назад. Юные ленинцы ухаживают за могилой Павла Федоровича, часто навещают его жену Нину Семеновну.

Двадцать пять лет назад в книге «Слушайте все!» была приведена заметка из школьной стенгазеты. Пионеры школы-интерната писали, что хотят узнать все о капитане Баранове, который погиб, освобождая Горловку. И вот за минувшие годы они многое узнали о жизни капитана Баранова. Следопыты познакомились с друзьями Ивана Федоровича, разыскали его мать и сына, не раз приглашали их в гости. Дружина школы-интерната № 1 теперь носит имя капитана Баранова, а в парке у его могилы — пост № 1.

Дом

Наверное, каждой школе есть чем похвалиться. Где музей создан замечательный, где клуб интернациональной дружбы такой, что о нем весь город знает, где лучший в районе пришкольный сад... А вот в школе № 55 — не клуб и не сад, зато гордиться школа может удивительной атмосферой дружбы, будто и не школа это, а дом родной, где все члены семьи любят друг друга.

В 55-й школе даже стены в классах оклеены обоями, чтобы было, как дома. «Красивое дети не портят»,— говорит директор школы Виктор Николаевич Панич.

Когда пионеры и октябрята приглашают на свои сборы комсомольцев, в этом ничего удивительного нет: младшим всегда хочется дружить со старшими, приятны их внимание и помощь. А вот чтобы комсомольцы приглашали на свои собрания и праздники пионеров и октябрят, да еще обращались к ним за помощью, такое не часто встретишь. А в 55-й школе это бывает, и нередко.

Например, решили десятиклассники провести физический вечер для всех, кто уже начал изучать этот предмет. И провели. Архимед на глазах у зрителей выводил свой знаменитый закон. Средневековые ученые в мантиях и старинных шляпах излагали взгляды на устройство мироздания, а с

ними спорили физики наших дней и загадывали зрителям загадки. Молодцы десятиклассники? Еще бы! А вот когда старшеклассники участвовали в конкурсе «А ну-ка, девушки!», девочки из 6 «А», признанные танцоры школы, придумали для девочек из 9 «А», своих шефов, танец, который принес девятиклассницам немало очков в конкурсе. Младшие выручили старших.

Пионерская дружина проводила «Зарницу». Старшеклассники открывали и закрывали игру. Победителей награждала «богиня правосудия», восседавшая на помосте, обитом алым бархатом и увитом розами. Окружали ее спартанцы — самые рослые и крепкие парни школы. А когда комсомольцы школы проводили свое последнее собрание в году, в гости к ним пришли пионеры и октябрята. На каждого члена комитета комсомола пионеры нарисовали дружеские шаржи и сочинили эпиграммы, а октябрята подарили девятиклассникам, для кого это собрание было последним в стенах школы, воздушные шарики на память.

Весной десятые и первые классы вместе посадили деревья у школы. Комсомольцы пригласили первоклашек к себе на собрание и попросили: следите за деревьями, ухаживайте. «Мы уходим из школы,— сказали десятиклассники,— а деревья останутся». И первоклассники отнеслись к этой просьбе крайне серьезно, с того дня они на каждой перемене по очереди дежурили в саду.

Школа № 55 расположена в городе, до леса далеко. Но каждый год 19 мая, в день рождения пионерской организации, дружина разжигает большой костер. Загодя собирают ребята ветки, складывают их рядом со спортивной площадкой. А у костра, конечно, бывают и пляски, песни, и конкурсы поделок, и конкурс рисунков на асфальте...

Однажды мальчишек из десятых классов на три дня увезли на военные сборы. Проведать их поехали все одноклассницы вместе с директором школы. Повезли гостинцы: 300 вареников, каждый с кулак, пельмени, кастрюли с салатами и несколько собственноручно испеченных тортов. В это время на сборах находились мальчишки из разных школ. «А к мальчикам из других школ девочки приезжали?» — спросили мы ребят. «Приезжали по одной, по две,— ответили мальчишки 55-й,— а так, чтобы всем классом,— нет». Неудивительно, что не хотят десятиклассники расставаться со школой, и время от времени кто-нибудь вздыхает и шутит: «Давайте всем классом останемся на второй год!»

Верить в человека

Лешу любят в классе. Сообразительный, отзывчивый и учится хорошо. Когда вожатые-пионеры

рассказали их классу, кто такие тимуровцы, Леша сразу записался в тимуровскую команду. Вместе с другими ребятами он раскрашивал в красный цвет фанерные звезды, выпиленные старшими мальчиками, прикреплял их к домам ветеранов... Как и все третьеклассники, он мечтал о том дне, когда примут его в пионеры. Заранее приготовил галстук, выучил Законы юных ленинцев и мог чуть ли не лучше всех в классе рассказать историю пионерской организации.

Но в день, когда третьеклассников принимали в пионеры, Леша в школу не пришел. Не пустили родители. Отец Леши — священник. Так Леша и не стал пионером.

Сейчас он уже в четвертом. Организатор тимуровской работы, редактор стенгазеты. Одноклассники любят Лешу, и никому в голову не приходит дразнить его или подчеркивать, что он не такой, как все, «хуже». Пока нельзя сказать, верит Леша в

бога или нет. Но как сложится его жизнь, во многом зависит от людей, которые его окружают. Нельзя отталкивать от себя человека из семьи верующих, иначе негде ему будет искать поддержку, как только в семье.

Пока Леша не спешит после уроков домой. Ему хорошо в школе с одноклассниками. Недавно их класс подготовил устный журнал, и Леша зачитывал высказывания великих людей о религии.

А в восьмом классе учится Ирина — тоже дочка священнослужителя. Не комсомолка, пионеркой не была (родители не захотели), но Ирина — староста класса.

Как сказали ее одноклассницы: «Если б мы в Ирину не верили, наверное б, старостой не выбрали».

В этой школе и учителя, и ребята понимают: за один месяц или за один год невозможно опровергнуть те взгляды, которые прививаются человеку дома родителями с самых ранних лет. Поэтому они не спешат. Надо ждать, иногда долго, но надо и верить в человека, поддерживать его, не оставлять одного. Может, именно благодаря такому умному ожиданию и выбрал один из выпускников школы, сын священника, медицинский институт, а не духовную семинарию?

Именное клеймо мастеров

Возьми в руки любую вещь, и ты увидишь: на ней стоит клеймо, чтоб было понятно, кто эту вещь сделал. Чтоб могли люди, если вещь долго и верно им служит, похвалить мастеров: «Молодцы, спасибо!» А коль вещь через день развалилась, запомнить: это халтурщики «сработали», их продукции надо остерегаться.

Вот и у ребят из школы № 10 есть свое клеймо. Но расскажем все по порядку.

Шефы школы — комбинат. Кроме основной продукции, он выпускает в цехе ширпотреба шахматные столики и пляжные зонты. Лакированные столики надо упаковывать в ящики, иначе доедут до покупателей исцарапанными. А зонты надо убирать в чехлы. Вот эти-то ящики и чехлы школьники вызвались делать для комбината сами на уроках труда. Работа вроде не сложная, но не сразу взрослые решились доверить ее ребятам. На комбинате сомневались: «Отдать школе столько дерева, такие доски, а потом получить ничто?»

Но стоило взрослым рискнуть, как ребята быстро доказали, что доверие они умеют оправдывать.

Норма — двое за урок делают два ящика (на пару работать сподручнее). А ребята делают по пять! И чехлы шьют, и малюсенькие клочочки, остатки материи, сшивают, получаются салфетки, которыми шефы протирают станки. На каждом ящике, чехле, на каждой салфетке клеймо: «Средняя школа № 10, г. Горловка, кабинет обслуживающего труда».

За год ребята заработали 1850 рублей. Не белоручки!

Шефы такой помощи, конечно, рады. Они школе и новые столы для уроков труда купили, и станки токарные передали, и деталями обеспечили... Но самое главное — прислали в школу педагогический отряд.

Каждая бригада комбината выделила молодого, инициативного рабочего, который пришел вожатым-производственником в отряд. А как здорово, когда у ребят есть парень-вожатый, объяснять не

надо. С ним и в поход можно пойти, и на велосипедную прогулку отправиться, и на гитаре он научит играть, и плавать...

Дружба рабочих и пионеров стала такой крепкой, что правофланговый отряд 6 «А» класса вызвал на соревнование бригаду коммунистического труда одного из комплексов комбината. Интересно, кто победит?

По-тимуровски

Восьмилетняя школа № 86 расположена в поселке шахты имени К. А. Румянцева. Хоть поселок и входит сейчас в черту Горловки, все тут живут, как в селе, на виду друг у друга, и кому какая помощь нужна, ребятам известно.

4 «Б», например, помогает сестре Володи Морозова — тете Марии. До войны Володя учился в 86-й школе, когда наши войска в октябре 1941 года отступали от Горловки, Володе было 17 лет.

Пять часов советские солдаты держали оборону поселка, уничтожили сотни фашистов. До последнего помогал Володя красноармейцам: подносил снаряды, воду, пока не был тяжело ранен разорвавшейся гранатой. От ран Володя умер.

Мальчишки из 4 «Б» навещают сестру Володи часто. Колют дрова, носят уголь, окапывают деревья. А в праздники всем классом приносят цветы на могилу Володи.

Отряду 8 «А» класса присвоено имя Алеши Попова. В 41-м Алеше было 13 лет. Он тоже помогал красноармейцам сдерживать натиск фашистов. На чердаке школы наши солдаты установили пулемет. Алеша подносил им патроны. Здесь его и убило. Пионеры 8 «А» класса шефствуют над мамой Алеши Попова.

Но тимуровская работа — это не только помощь старым людям. Приходилось ребятам постарше дежурить у домов, где собирались баптисты-раскольники на свои запрещенные собрания, и сообщать об этом взрослым. А четвероклассник Эдик Зуб рассказал, как восстанавливали они с мальчишками из класса справедливость на вечерних улицах. Заметили, что шестиклассники из другой школы отнимают у первоклашек деньги, подкараулили обидчиков да навалились гурьбой. И хоть младше они были пришлых ребят, быстро отвадили чужаков от своего поселка.

Что могут дети

О республике «Радужной» где только не писали! Корреспонденты приезжали из Москвы, Киева, Донецка... В толстенной книге всего о республике не расскажешь, а как показать ее жизнь на журнальной странице? Ограничимся лишь одной темой: что могут дети?

А могут они, оказывается, многое.

Каждое лето, каждую осень предприятия города посылают людей в колхозы и совхозы на уборку урожая. Урожай, конечно, надо собрать весь, да ведь от станков и кульманов людей отрывать — тоже не дело.

И тут возникла мысль: селу помогут старшеклассники. А предприятиям города надо сообща построить ребятам лагерь.

Так родилась «Радужная республика», куда приезжали ребята 7—10-х классов со своими учителями.

Очень скоро обнаружилось, что подростки склонны проявлять в лагере больше самостоятельности и инициативы, чем в школе. Они придумали «городкам» республики названия — Зеленый, Фиолетовый, Голубой, Солнечный... Площадь поименовали площадью Встреч и Расставаний, танцплощадку — Муравейником.

Вместо объявлений по радио: «Комиссарам собраться там-то...» — играла музыка, песня «В краю магнолий», например. «Танец с саблями» означал сбор Большого Совета. Песни Пугачевой — в лагерь приехали гости.

По четыре часа в день ребята работали на прополке картофеля, помидоров, баклажанов, убирали хлеб, в консервном цехе взвешивали огурцы, закладывали их в банки, заливали рассолом... И не надо было взрослым проверять, как исполнялась работа — только на совесть.

У каждой бригады был свой инспектор по технике безопасности (из ребят, конечно), который следил, чтобы в поле все работали в закрытой обуви, в косынках и кепках. А после обеда ребята благоустраивали лагерь: насыпали и разравнивали дорожки, выкладывали бордюры, ставили скамейки...

Для ферм совхоза заготавливали зеленую массу. Оказалось, что ребята вполне могут сами и договориться с хозяйством, чтобы массу вывезли вовремя.

И с аптеками созванивались: где какие нужны лекарственные травы, как их сушить, когда собирать? Много лекарственных трав сдали.

Девятиклассник Вадик вызвался съездить в ГАИ и убедил сотрудников повесить рядом с лагерем знак «Въезд запрещен», чтобы не проходили через территорию лагеря автомашины.

Постепенно в лагере вырабатывались свои законы. Например, ребята сами установили: мальчикам — не курить, девочкам — не краситься. И соблюдаются эти законы беспрекословно. Вот как об этом Юрий Кобзарев рассказывает.

Впервые приехал он в лагерь после 8-го класса. Парень он был тогда «не сахар», на учете в милиции состоял, курил, дрался, с учителями постоянно конфликтовал. А в лагере сразу почувствовал: общие законы надо соблюдать. Сложил Юра свои сигареты в портфель и побрел за территорию — хоронить их. А дождь лил... Вырыл Юра ямку, бросил в нее пачки и закопал.

Сейчас Юра, между прочим, работает в милиции, в патрульно-постовой службе.

«Неужели никто никогда не нарушал законов республики?» — удивляемся мы. «Бывало,— вспоминают ребята.— Однажды кто-то отправился купаться, когда все работали... Как-то мальчишки ночью ушли за территорию лагеря, играли там на гитаре... Большой Совет постановил: исключить из

лагеря. Это было самое страшное наказание. Не позавидуешь».

А вечером республика отдыхает. Работает «Салон улыбок», где зрители корчатся от смеха, глядя на проделки самых остроумных. Проводятся Малые Олимпийские игры. Готовятся концерты для родителей. Шумит украинская ярмарка. Грохочет Муравейник.

Именинникам пекутся персональные пироги. «Когда же вы их печь успеваете?» «А после отбоя, ночью!» Это уж точно инициатива ребят, а не взрослых, решили мы.

Во всех «городках» республики живут, конечно, учителя, хотя забот на их долю ребята почти не оставили. А вот в Лазурном... взрослых совсем нет. Это «город» «старичков», добровольцев, приехавших в лагерь на все лето. Когда Лазурный зарождался, там было три человека, один из них — наш знакомый Юра Кобзарев. К концу первого лета в Лазурном жили 15 ребят. Сейчас — до семидесяти.

О чем мечтают «радужане»?

Чтоб все «городки» республики были, как Лазурный, и пусть учителя ездят летом в отпуск. Ни за что не хотят расставаться «радужане» лишь с «мамой» лагеря — Лидией Семеновной Ноженко — директором Дворца пионеров.

Заключение

Вот мы коротко и рассказали о горловской пионерии шестидесятых годов и о тех, кто сегодня, в годы восьмидесятые, несет эстафету своих предшественников.

Мы старались, ничего не приукрашивая, поведать вам, ребята, обо всем увиденном совершенно откровенно и точно.

Если теперь кто-нибудь из взрослых разворчится и станет вас попрекать: «А мы вот в свое время были совсем другими, не то, что нынешние...» — сошлитесь на пример Горловки: из добрых семян здесь поднялись хорошие плоды, и это невозможно опровергнуть.

Это одна, но, пожалуй, не главная цель нашего разговора.

Мы очень хотели, чтобы все читатели «Пионера» поняли, ощутили, не пропустили мимо ушей, в чем же **суть** пионерской работы горловских ребят — она вся в **делах,** в **решительных поступках,** в **самостоятельном поиске** и в **высокой ответственности** за себя, за свой коллектив.

Так в Горловке **было,** так оно в Горловке и **есть!**

Традиции складываются постепенно, на это нужно время. Минувшие двадцать пять лет, иначе сказать, четверть века,— солидный срок, и мы с полным основанием можем сказать: слава пионеров Горловки жива и приумножается. Сыновья и дочери следуют дорогой отцов и матерей, сами становятся зачинателями традиций, а потому —

САЛЮТ, ГОРЛОВКА!

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

ПОСЛЕ ПРИСЯГИ

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу и торжественно клянусь...»

Из военной присяги.

Солдат и маршал

«Присяга у нас одна — для маршала и для солдата»,— сказал мне начальник Политотдела, а попросту комиссар полка, Юрий Васильевич Черезов. Этой

простой фразе впору бы стать пословицей — настолько она ясна и точна.

Пятьдесят лет назад, в конце 1935 года, приказом Народного Комиссариата Обороны было введено звание Маршала Советского Союза. Первыми маршалами стали герои гражданской войны, славные полководцы Блюхер, Буденный, Ворошилов, Егоров, Тухачевский. На Красной площади всенародно принимали присягу первые наши маршалы.

А сегодня передо мной проходят торжественным маршем правнуки того поколения, только что принявшие военную присягу. С этого момента каждый из них солдат. И маршал ему, если вдруг они встретятся, отдаст честь как равному.

Но солдат — это не только форма, не только выправка и четкая речь. Настоящий солдат — человек особого склада. Он знает, что такое дисциплина, собранность. Он умеет сжать свое время так, что ни минута не пропадет даром. Слово у него не разойдется с делом. И дело это будет выполнено на совесть.

Как же из вчерашних мальчишек, которые не могли порой себя заставить сделать зарядку утром, застелить постель или сходить без напоминаний в булочную, получаются настоящие солдаты?

Две стороны медали

Один маленький мальчик как-то сказал мне:

— Хочу стать взрослым, чтобы мной никто не командовал.

Действительно, с самого раннего детства нами непременно кто-то командует. Папа и мама дома, воспитательница в детском саду, учитель, вожатый в школе. Делай это, а не то, делай так, а не иначе. Не ленись, учись, старайся, работай. Вот, думаешь, вырасту и ничего не буду делать, сам стану командовать. Плохо, если у человека возникла такая мысль. Плохо, потому что, как видно, взрослые, с которыми он до сих пор жил и встречался, не стали для него старшими товарищами, единомышленниками, наставниками.

Тому мальчику еще расти и расти. И я уверен, ему повезет на встречи с умными взрослыми. И в зрелые годы он сможет повторить слова моего давнего знакомого, умудренного опытом рабочего человека:

— Каждый день учишься и каждый день встречаешь учителей.

Учится человек и в армии. Здесь его учителя — командиры. Но как же трудно стать учителем, по-настоящему старшим товарищем, если твой ученик — солдат, а ты — его командир, требующий беспрекословного подчинения, воинской дисциплины. Как преодолеть противоречие между дисциплиной, то есть все-таки принуждением, и воспитанием, то есть убеждением?

Секрет человечности

Первый раз я увидел командира роты Петра Иосифовича Жука и его замполита Виктора Сергеевича Волосевича в день присяги, которую принимали их новые подопечные — молодое пополнение. Командиры стояли лицом к строю. Парадные офицерские мундиры. Строгие лица. Ровный командный голос. Четкие, резкие движения. Выражение глаз непонятно — глаза затенены козырьком фуражки.

И мне показалось, будто стена отделяет этих подтянутых и как бы замкнутых в своей безупречной воинской выправке офицеров от неуклюжих, старательно тянущихся в строю молодых ребят в топорщащейся необмятой солдатской форме.

Какие тут доверительные отношения, когда уставом предопределены ясные формы взаимоотношений: «Товарищ командир, разрешите...», «Рядовой Иванов, исполняйте...»

И как же я был поражен, когда капитан Волосевич стал рассказывать мне про ребят, которым только что отдавал резкие, отрывистые команды.

Олег пишет стихи. У Юрия трудная жизнь — отец давно умер, мать больна, лежит не первый год в постели. Он и учился, и работал, и все делал по дому. Антон, наоборот, заласкан с детства, капризен. Борис еще в школе увлекался военным делом, участвовал в игре «Зарница». Василий очень хочет получать письма от какой-нибудь девушки, а не успел еще ни с одной подружиться. Анатолий всегда стеснялся своего невеликого роста и оттого слыл ужасным задирой. И так про каждого. Этого не узнаешь по анкете. Такое рассказывают чаще хорошему другу, а то даже и от него скрывают.

— Прежде, чем поручить человеку какое-нибудь дело,— рассуждает Виктор Сергеевич,— нужно знать, на что он способен. А прежде, чем воспитывать человека, надо его понять. Есть такая старая-престарая пословица: «По одежке встречают, по уму провожают». У солдат «одежка» одинакова — форма. Значит, нужно узнать их характеры, пристрастия, привычки, способности. Почувствовать человека со всеми его слабостями и достоинствами.

На всех в роте одинаково ложится груз обязанностей по службе. И все же с одного спросят более сурово за оплошность или провинность. Другого лиш-

ний раз похвалят, отметят самый малый его успех. Командир сумеет не заметить чью-то неуклюжесть, нерасторопность, порой только улыбнется на рассеянность замечтавшегося солдата, не отдавшего ему вовремя честь, искренне порадуется любому умению.

А это так важно для юного человека, которого зачастую и малые недостатки — рассеянность, отсутствие бойкости, застенчивость — терзают нещадно, становятся причиной его замкнутости и отчужденности.

И ребята, такие разные, вдруг начинают чувствовать себя равными среди равных. А за обликом строгого командира постепенно ощущают добрую и умную волю учителя, наставника, к которому можно подойти с любым вопросом, попросить совета, поделиться. Совет будет всегда доброжелательный, умный, квалифицированный, потому что командиры-воспитатели не только обладают секретом человечности, но и продолжают учиться сами. Капитан Волосевич, например, дипломник исторического факультета Иркутского университета.

Спроси себя

Ходят по улице мальчишки. В модных курточках и джинсах с нашлепками. Чуть-чуть фанфаронят — вот, мол, какой у меня магнитофон да какие записи! Одни завидуют, другие осуждают. Пишут письма в журналы, спорят о «вещизме». Что ж, дело обычное.

Но вот они, эти мальчишки, вырастают и приходят в армию. И, сменив модную «мантию короля бульвара» на стандартную солдатскую гимнастерку, оказываются перед вопросом: не голый ли я король? Теперь уж не важно, насколько знамениты или щедры в своей любви к тебе родители, какой у тебя гардероб и магнитофон. Теперь важно лишь одно — какой ты человек?

Об этом мы говорили с Игорем Фроловым. Он служит третий месяц. Только-только, как говорится, «понюхал» солдатской службы. Изменился ли он за это время? Какие черты характера изжил, какие приобрел? Конечно же, говорить об этом рано. Но произошло очень важное — он серьезно судит себя прежнего, пристально вглядывается в себя сегодняшнего. Это он сказал мне: «Теперь мы ничем не отличаемся друг от друга — только человеческими качествами».

Товарищ его Олег Кисенко сам себе удивлялся, рассказывая о том, как был дневальным по роте. В его обязанности входило поддержание чистоты в помещении. Прибираясь, он поймал себя на том, что тщательно протирает влажной тряпкой филенки двери. Этого никто от него не требовал и, главное, никто бы не проверил. Сделал он это для себя — появилось желание выполнять свое дело не по приказу, а по внутреннему побуждению. Работа не напоказ, не за страх, как говорят, а за совесть.

Вот из каких мелочей складывается характер. Человек меняется тогда, когда он сам замечает эти изменения и оценивает их. Человек взрослеет, когда сумеет увидеть себя глазами других. И задать себе очень неприятный, колкий вопрос: «Не голый ли я король?»

Воробушек

Серьезно относишься к себе — требовательнее становишься к товарищу. Как было в школе? Сегодня я не выучил урока, списал. Назавтра я увильнул от

общественного поручения. Как же буду судить за это же другого? Вот и получалось, что на сборе, разбирая проступок товарища, многие ребята стыдливо опускали глаза, старались промолчать.

Комсомольские собрания в подразделении проходят по-деловому, никто не стесняется сказать товарищу правду, пусть и не всегда приятную.

Вот что произошло на одном таком комсомольском собрании. У солдата няньки нет. Все он делает сам. Привезли срочный груз. Дежурный второго взвода отправился на разгрузку вагонов. Все работали быстро, сноровисто. И не сразу заметили лежащего в тени вагона и мирно посапывающего во сне своего товарища. Все работали, а он спал!

Теперь он стоял, зачем-то вытянувшись по стойке «смирно». Худенький, узкоплечий, с малиново горящими ушами. Чего только не наговорили ему в сердцах ребята! И тут встал сержант их взвода, увалень, крепкий парень, спортсмен, и спокойно сказал:

— Хватит! Не виноват он. Это я приказал ему отдыхать...

Но спокойного командирского тона сержанту хватило ненадолго — на комсомольском собрании он такой же комсомолец, как все. Теперь уже сержант стоял, виновато глядя в сторону:

— Понимаете, ребята, службу он только начинает. А сам, поглядите, воробушек. Мне силы не занимать — и за двоих могу. С разгрузкой же вовремя управились.

Досталось тогда сержанту. И от «воробушка», между прочим, больше всех: обиделся.

Давно уже он не воробушек, хоть с виду и небольшой, тоненький. И, кстати, сам сержант. А то прошлогоднее собрание запомнил. И не так просто оценивает его. Теперь и самому приходится воспитывать молодых солдат, требовать с них много и нередко жестко. А нет-нет и пожалеет кого-нибудь. Но помнит он, как унизительна жалость, и потому не показывает ее. Просто старается оказаться рядом с тем, кому труднее.

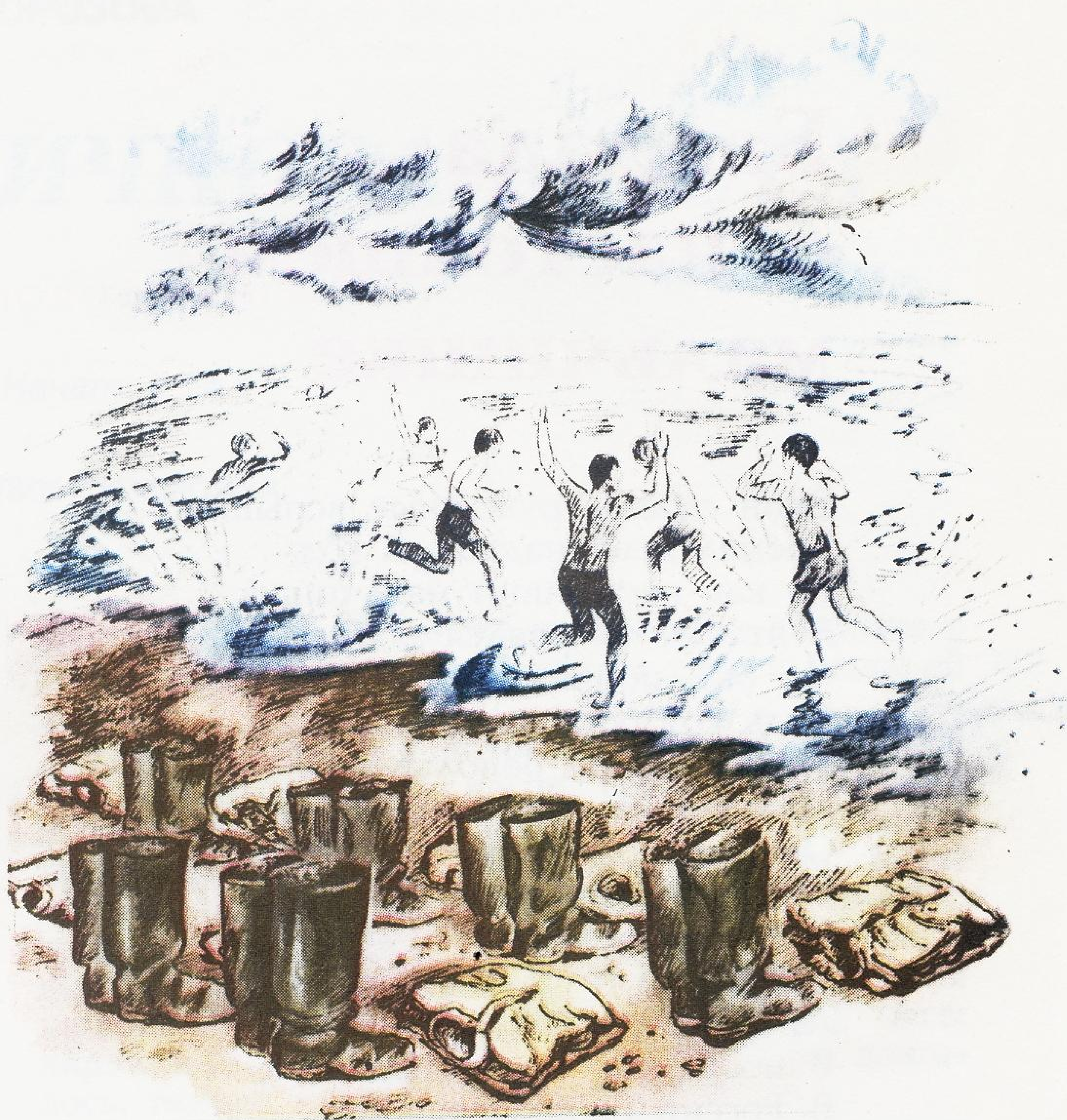
Полоса препятствий

В армии трудно. Кто же с этим спорит? И все же в армии в каком-то смысле проще — приказали тебе, ты выполнил. Приказ командира — закон. Над твоим неумением, над твоей усталостью, над твоей ленью, наконец, есть командир. Вне армии человек тоже должен побеждать себя. Но здесь чаще всего он командир сам себе. А это ох как нелегко!

Вот такого внутреннего командира и воспитывают в армии — твердость, волю, умение преодолеть себя во имя поставленной цели. Постепенно, препятствие за препятствием, одолевает человек свой характер, подчиняет себя себе.

Виктор Скворцов преодолевал полосу препятствий. Узенький мостик-бревно через глубокую канаву, высокая гладкая стенка, низкая сетка проволочных заграждений, тесный подземный коридор-траншея... Бегом. Ползком. Карабкаясь. Прыгая. Подтягиваясь. Пригибаясь. Не теряя ни секунды — время, время, время!

И вдруг сильный удар головой — не пригнулся, ушибся о низкую бетонную балку. В глазах поплыли огненные круги. Остановиться, «сойти с дистанции»? Он добежал, уложился во время. Но это еще не все. Предстояло метать гранату. Он вышел на линию и метнул. А потом бег на сто метров. И на тысячу.



Выполнил весь комплекс. И только тогда позволил себе опуститься на землю, закрыть глаза. Потрогал рукой глубокую ссадину на голове и расстроился: чего доброго, выстригут в санчасти клок волос, испортят прическу.

Конечно, никто — ни командир, ни товарищи — не осудил бы Скворцова, уйди он с полпути в санчасть. Но это уже характер. Преодолеть боль, преодолеть себя. Мужской, солдатский характер. За время службы Виктор преодолел полосу препятствий внутри себя. И это было, пожалуй, потруднее.

Школа

Замечали вы, как художники пишут прозрачный стеклянный сосуд? Если приглядеться — никакого сосуда нет. Есть блики, отражения окружающих предметов, цветовые пятна. И все же мы видим на картине, к примеру, вазу, в которой стоит букет.

Так и характер человека отражается в его поступках, высвечивается то одной гранью, то другой, раскрывается в самых пустячных на первый взгляд мелочах.

Нередко мы слышим о ком-то: «Этого от него не ожидали!». На самом деле просто-напросто плохо знали этого человека. Когда живешь бок о бок с товарищем, изо дня в день видишь его в работе, в строю, в моменты отдыха и часы учебы, трудно ошибиться. И твердо знаешь, чего от него можно ожидать, а чего и ждать-то нечего. Так учатся понимать не только себя, но и других. Так начинается школа жизни.

Аркадий Петрович Гайдар назвал книгу о своей военной юности «Школа». Конечно, школа мирной солдатской жизни не так сурова, но и она формирует характеры крепкие, закаленные, готовые к самым большим испытаниям.

Л. ЯХНИН

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Ким САРАНЧИН

Баллада о настоящем мальчишке

Звон сабель, ружейные вспышки —
Гремел девятнадцатый год,
И, как настоящий мальчишка,
В атаках он рвался вперед.
Он был подчиненным примером,
Будь тот бородат или сед,
Умело владел револьвером
Мальчишка шестнадцати лет.
Он был полковым командиром,
Безусый парнишка, юнец,
В нем пела военная лира,
И был он отважный боец.
Лихою атакою годы
В победном аллюре неслись,
В России настала свобода
И крепла советская жизнь.
И раненый всадник не хочет
Из строя бойцов уходить,
Ведь сердце мальчишки клокочет
В его командирской груди,
Бороться за счастье прекрасно,
Душой устремляешься ввысь,
Не мыслил без Армии Красной
Боец краснозвездную жизнь.
В седле командирском не взвиться —
Суров докторов приговор.
А конница мчится и мчится
Во весь конармейский опор...
И вихрем его подхватило,
Вскипела мальчишечья страсть:
Отдаст он бойцовские силы
В борьбе за Советскую власть.
Взметнулся в седло командира,
Пришпорил коня под ребро —
И вдаль понесла его лира,
И саблею стало перо.
По-прежнему всадником мчится,
И в шелесте книжных знамен
Встает — за страницей страница —
Лихой боевой эскадрон.
В своем командирском планшете
Носил он писательский дар,
И скачет Мальчиш по планете
С фамилией гордой Гайдар.
И голос писательский звонкий
Зовет всех мальчишек вперед,
И даже, и даже девчонки
За ним устремились в поход.
В атаках всегда его книжки,
И вечен Мальчиш-комиссар:
Ведь он настоящий мальчишка —
Писатель Аркадий Гайдар...

Вера МОРОЗОВА

ВСТРЕЧА У АНИЧКОВА МОСТА

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Окончание. Начало в №1.

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Остров Руссо

Стоял ноябрь 1902 года. Золотая осень в Швейцарии. Золотом охвачены деревья английского парка, расположенного неподалеку от острова Руссо. Философ родился в Женеве. Мария всегда, когда входила в парк, останавливалась перед памятником Руссо. Философ свободно сидел в каменном кресле и смотрел не без иронии на мир. Философия Руссо, которую Эссен осваивала в ссылке, произвела на нее большое впечатление. Свободный разум! Разум, освобожденный от оков религии, условностей, социальной несправедливости.

Она жила в мрачном здании из почерневшего от времени камня, возвышавшемся рядом с вокзалом. Отель был дорогим, и поселилась она в нем по конспиративным соображениям, опасаясь после побега слежки русской охранки.

Утром она спустилась вниз — хозяин в зеленом суконном фартуке приветствовал ее. И, наклонив голову с нафиксатуаренными волосами, неторопливо, как все, что делали швейцарцы, продолжал рассматривать книгу счетов. У лифта улыбнулся мальчик-разносчик в красной шапочке и красном фартуке. В ресторации за столиком восседал сухой англичанин. Лениво тянул кофе из большой чашки и отламывал кусочки воздушной булочки, поданной на завтрак. Старший кельнер, почтительно наклонившись, читал ему газету. Временами англичанин поднимал кверху палец, и кельнер перечитывал те или иные куски.

Мария торопливо выпила кофе и полакомилась булочкой. Кофе здесь в отличие от других мест Швейцарии подавали в фаянсовых чашках с синей полосочкой, почти московских, а не в фарфоровых наперстках. С заученной улыбкой склонилась над столиком хозяйка заведения, присела в книксене и подала в блюдечке джем. Мария вздохнула: ох уж эти европейские завтраки! Но завтрак входил в стоимость оплаты номера, и Мария при денежном затруднении такими вещами не пренебрегала.

На улице холодно и туманно, как всегда по утрам. Туман был такой плотный, что виднелись лишь очертания соседних зданий. Поеживаясь от холода, она остановилась у стеклянных дверей с начищенными медными кольцами. Два огромных дерева украшали вход в гостиницу. Лимонное и апельсиновое. С глянцевыми листьями. С плодами. Тащилась конка с зажженными огнями. Звонко стучали каблучки студенток по булыжной мостовой. Плыл густой гудок катеров с Женевского озера.

Женщина вывела собак на утренний променад. Три шоколадные таксы на сворке! В Швейцарии царил культ собак. Каких красавцев она не видала! В ошейниках с медными блямбами. Гордые и неприветливые. И все же дома любая дворняга с раскосыми глазами и висячими ушами была ей дороже...

Мария постояла у витрины часового магазина. Настоящая выставка часов, собранных со всей Швейцарии. Она любила останавливаться около таких витрин. Чего здесь только не было: часы-мельницы; часы, которые держал в руках гномик; часы-ходики с циферблатом в виде кошачьей морды, то открывающей, то закрывающей глаза; часы каминные — целое сооружение из бронзы; часы карманные, часы с цепочками. Все сверкало, двигалось, тикало, оглашало боем.

Налюбовавшись, Эссен стала спускаться вниз к набережной. Женевское озеро в густом тумане. Не видно ни цепи гор, ни сверкающей вершины Монблана. В солнечные дни она слепила глаза.

Налево возвышался мавзолей немецкого курфюрста, умершего в Швейцарии. Прельщенный природой страны, курфюрст завещал городу почти два миллиона марок с условием похоронить его в Женеве. Город выполнил условия завещания и воздвиг саркофаг из белого мрамора, украшенный бронзовой фигурой курфюрста на коне и в доспехах. Денег хватило не только на сооружение усыпальницы, но и на постройку оперного театра.

Мария перешла через мост. С озера доносилась звонкая песня рыбаков. Очертания лодки проступали сквозь туман. Казалось, что она висит в воздухе.

Туман редел, на металлических перилах оседали капли воды, словно после дождя.

Вот и остров Руссо. Цветочные часы и огромный фонтан, которым так гордились швейцарцы. Гигантская струя устремлялась в высоту и, рассыпаясь на миллионы брызг, с легким шумом падала на белый мрамор. Изредка струи, отброшенные ветром, касались скульптурной группы, установленной в честь вхождения города Женевы в кантон. Прекрасная женщина — Женева — с гордо поднятой головой в объятиях столь же прекрасного мраморного мужчины — союза города и кантона. И опять цветы... Цветы... Цветы...

Сторожевые львы охраняют вход в парк, посматривая мертвыми глазами на входящих. Шуршит под ногами красноватый, усыпанный редким золотым листом гравий. Ручные белки с хвостиками, украшенными кисточками, с бусинками глаз и потешными острыми мордочками. Они так напоминают ей сибирских.

Мария села на скамью, и белочка тут же опустилась ей на плечо. Приветливо покосила глазом. Мария старалась ее погладить. Белка пружинисто отпрыгнула, но тут же вернулась на старое место. Поднялась на задних лапках и стала делать уморительные движения. Мария расстегнула ри-

дикюль и достала из пакетика орехи. Белка схватила один и положила за щеку. Подумав, схватила второй и перепрыгнула на ель. Быстро вскарабкалась на вершину и тут же спустилась. И опять стала попрошайничать. Мария погрозила ей пальцем, но орех протянула. Приятно было ощущать робкие движения лапок, снимающих орех с ладони.

Бой часов. Девять... Как время-то бежит... Туман спрятался в горы, и обнажилась ступенчатая гора Колони, полыхающая оранжево-золотисто-зелеными красками угасавшей осени. Здесь вилла, где останавливался Байрон, когда вместе с Шелли путешествовал по Швейцарии. Буря загнала его в Шильонский замок. Шторм бушевал несколько дней, и в эти дни Байрон написал свою бессмертную поэму «Шильонский узник». В детстве вместе с мамой Мария читала ее.

На лоне вод стоит Шильон;
Там, в подземелье, семь колонн
Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет...

Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;
И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им...

И опять ее думы вернулись в Россию.

Побег из Олекминска оказался необыкновенно трудным, хотя обстоятельства складывались удачно. С паспортом монашки, привезенным Кудриным, проехала Эссен всю Россию и оказалась в небольшом пограничном местечке Царства Польского. Путь ее лежал в Германию. Нужно было перейти речку — и желанная свобода! Контрабандисты, взявшиеся перевести Марию через границу, долго держали ее в домике вблизи границы, выходить откуда не разрешали и даже говорить приказали шепотом. Все кричало об опасности, переброска через границу задерживалась. Из конспиративных соображений она приняла вид зажиточной женщины. Контрабандисты принялись вытягивать из нее деньги, откладывали переход, грозили бедой. Спасая себя, она пригрозила им тюрьмой, коли ее не перебросят этой же ночью! Ночью она по скользкому бревну перебралась через реку, отделявшую Царство Польское от Германии. Упала, шла вброд по ледяной воде, не чувствуя холода. Сердце ликовало. Свобода... Свобода... Свобода... Добралась до Берлина, и отчаянно стали болеть суставы после ночного купания в реке! Спасибо товарищам: и деньгами снабдили, и врача пригласили... И вот она в Женеве... В самом центре русской политической эмиграции. Познакомилась с Владимиром Ильичем Лениным. К сожалению, он жил в Лондоне, но бывал и в Швейцарии, выступал с рефератами по острым политическим вопросам. Впечатление он произвел на Эссен неизгладимое.

Ленин был занят подготовкой второго съезда партии. Вчера она слушала его выступление с рефератом о программе и тактике партии эсеров. Об этом реферате искровская группа расклеила по городу афиши. Зал «Ханверк» большой. Народа битком. Эсеры сидели враждебные. И Мария беспокоилась, как пройдет чтение в такой недоброй обстановке. Но уже через несколько минут она была, как и весь зал, захвачена логикой ленинской мысли.

И человеческое обаяние огромное. Простой. Товарищ прекрасный. Заботливый, внимательный.

...Сегодня в парке ей была назначена встреча с Владимиром Ильичем.

Он появился неожиданно. Среднего роста. Крепко сбитый. С большой головой и умными пронзительными глазами. Приветливо подал руку и, с удовольствием оглядываясь по сторонам, опустился на скамью.

— Осень прекрасна в Швейцарии: сколько ярких красок, и дни такие солнечные, что утренние туманы их не портят. — Ленин тут же перешел на главное, что его занимало: — Как вчера прошел реферат?

Да самым преотличным образом, Владимир Ильич! Была вся русская колония — и эсеры, и бундовцы, и рабочедельцы, и студенты, и наши искровцы. Конечно, искровцев пока немного. Георгий Валентинович Плеханов слушал с превеликим вниманием... И очень верно вы подчеркнули трудности слияния социализма с рабочим движением.

— Трудности колоссальные, но в слиянии залог прочного и действительно революционного движения. Мы переживаем бурный момент, и нельзя думать, что за остротой борьбы можно обходить принципиальные вопросы. По своим фразам эсеры очень революционные, нападки на царизм резкие, но оценить правильно тактику царизма не могут. Готовы выкинуть за борт для облегчения своего ума и совести весь революционный опыт Европы и России. К тому же мечтают реставрировать народовольчество, повторяя его теоретические и практические ошибки... А нужно слить революционное движение с рабочим движением! — Ленин решительно взмахнул рукой, желая подчеркнуть слова. — Как это сделать? Как? Нужно опираться на теорию марксизма, на опыт международной социал-демократии...— Владимир Ильич передвинулся поближе к Марии и заговорил не без боли: — В революционном движении царит разброд, идейные шатания достигли чудовищных размеров. Из разброда ничего доброго не выйдет, и поэтому нужно сначала размежеваться, а потом объединиться.

— Однако эсеры не признают свой разброд... Им дико, что социал-демократы хотят навести порядок в своем стане.— Эссен прервала молчание и, внимательно взглянув на Владимира Ильича, подумала: «Какой он все же русский! Этот открытый лоб, смелый взгляд да и вся крепко сбитая фигура... И какая искренняя манера убеждения...»

— Социал-демократы бичуют разброд в своих рядах и хотят его устранить, а эсеры признаются в грехах после того, как их изобличат. По поводу одного и того же политического события издают несколько прокламаций, в которых событие истолковывается с противоположных точек зрения.

— Каких прекрасных людей погубили: казнь Балмашова в Шлиссельбурге. Потом первомайская демонстрация в Саратове, откуда он был родом, под черными знаменами...

Мария вспомнила, как вся тюрьма в Красноярске была взбудоражена, когда дошла эта весть о казни Балмашова, студента Киевского университета. Он был в числе ста восьмидесяти трех студентов, отданных властями в солдаты за участие в студенческих беспорядках. Ему пришлось испытать весь ужас солдатчины. И он решил отомстить правительству за жестокие репрессии. Вступив в «Боевую организацию», он задумал убить министра внутренних дел Сипягина. И выполнил свое решение. Приехал в Петербург, купил мундир адъютанта великого князя и на лихаче подкатил к зданию Сената, где должен был быть Сипягин. Дождался

его приезда и направился в покои, «для передачи пакета в собственные руки». Министра переодевали в мундир, он недовольно протянул руку, чтобы взять пакет, и тут раздался выстрел. Когда телохранители кинулись к юноше, тот был спокоен. Да, он считал, что свое дело сделал! На вопрос: «За что вы его?» — ответил: «За студентов!» На суде держался с большим самообладанием и требовал суда над преступным царским правительством. Так и ушел из жизни Балмашов... А что изменилось? Место одного министра занял другой... Нет, тактика индивидуального террора наносит большой урон революционному движению...

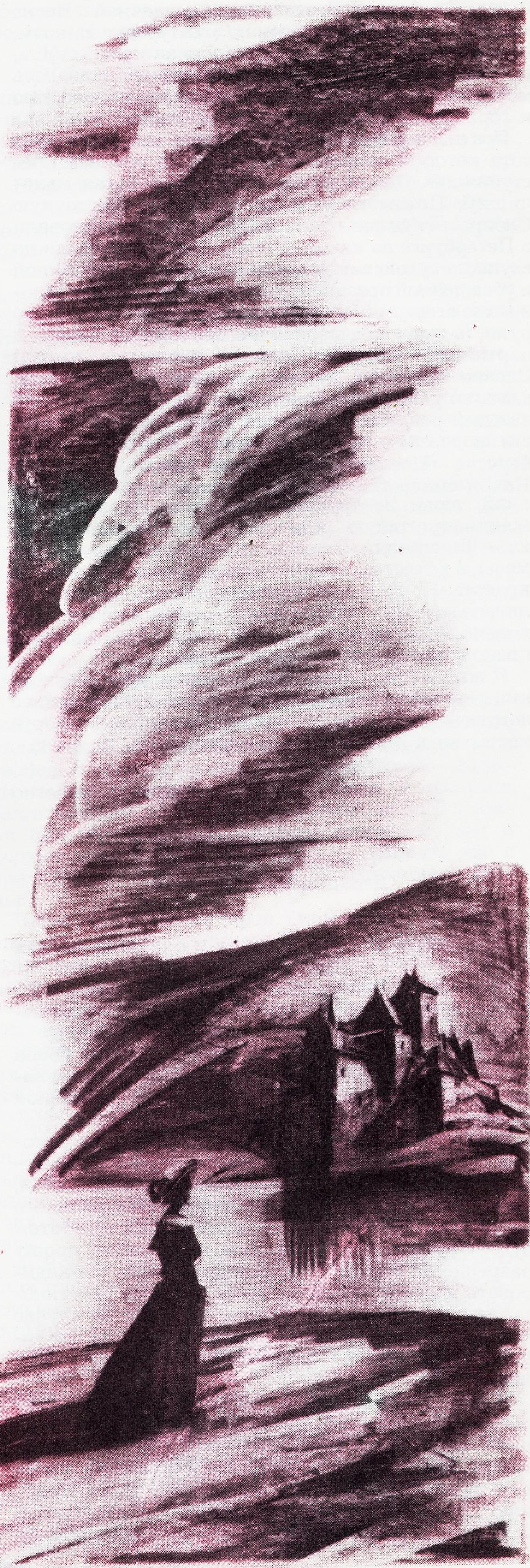
Подул ветер и с гор поднял опавшие листья березы. Закрутил, подбросил и мягко уложил на дорожки, усыпанные крупным песком. И Марии стало тоскливо и от пирамидальных туй и стриженых газонов, зеленеющих изумрудной травой, и от симметрично посаженных роз, и от тишины и немоты этого английского парка. Хотелось бури, движения, хотелось в Россию!

«Прежде чем объединяться, нужно разъединяться!» — повторила она мысль Владимира Ильича. И подумала, что ей, практику, теперь следует быть в России. Она станет агентом газеты «Искра», которой Владимир Ильич придает большое значение. Да, пора ехать в Россию. В Россию... В Россию...

Допрос полковника Маслова

На мундире полковника Маслова прибавилось орденов. Он раздобрел, в глазах появились холодок и отчужденность — свидетельство бессонных ночей, проведенных в Главном жандармском управлении. Теперь он начальник отдела, повышен в чине.

Пять лет прошло с тех пор, как он впервые столкнулся с этой женщиной. Он ехал тогда из Екатеринбурга в столицу. В Екатеринбург его командировали разыскивать подпольную типогра-



Ноябрь в Швейцарии был золотым месяцем... Едва сквозь туман проступало солнце, все преображалось.

фию, заполонившую Урал социал-демократическими изданиями. Поездка была неудачной... После осмотра поезда, в котором, по агентурным данным, находилась опасная государственная преступница, он вошел в свое купе. Его соседкой оказалась молодая женщина... Как она радовала наивностью и горячим стремлением к эмансипации!

Позднее выяснилось, что молодая женщина, красота которой очаровала его, и была опасной преступницей! Одним словом, провела его, как мальчишку. Потом ее судили, сослали в Восточную Сибирь, откуда она бежала... Позднее ее арестовали в Петербурге на каком-то собрании и отпустили по глупости судейских. Женщина оказалась отчаянной и убежденной врагиней существующего строя. Множество агентурных сообщений проходило через его руки, в них назывались ее подложные имена и партийные клички. Сколько паспортов имела! Словно хамелеон, меняла внешность: то светская дама, то работница, то кухарка хорошего дома... И каждый раз, словно в песок уходила! Ума, ловкости и дерзости ей не занимать! И откуда такие берутся... Последняя партийная кличка — «Зверь». Какой смелостью нужно обладать, чтобы большевики, люди не трусливого десятка, дали бы ей, женщине, такую кличку! Полицейская кличка — Шикарная... В досье, где приводились ее приметы, в качестве особой значилась необыкновенная красота. Было и предупреждение: при аресте соблюдать особую осторожность — дама вооружена и великолепно стреляет... При этом образованна и прекрасно говорит по-французски...

И вот теперь, пожалуйте, еще документ. Полковник развернул папку, лежавшую на столе, и поднес документ к глазам (с годами появилась близорукость, но к очкам Маслов привыкнуть не смог).

«Совершенно секретно

Его превосходительству
господину директору
Департамента полиции

Выехавшие в конце октября и в первых числах ноября с. г. из С.-Петербурга с поручениями от заграничного центрального комитета члена «С.-Петербургского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии» известные — «София Петровна» и Лидия Христофоровна Гобби по полученным агентурным сведениям, организовали съезд представителей «Комитетов» указанной партии, но в каком городе, пока неизвестно.

Ввиду серьезности упомянутого съезда, на котором будут присутствовать, помимо членов «комитетов», все члены «Организационного Комитета» и, кроме того, делегат от заграничного Центрального Комитета, причем по сведениям таким делегатом будет Ульянов или Цедербаум, покорнейше прошу разрешения Вашего превосходительства командировать в место съезда четырех филеров вверенного мне охранного Отделения, а также, в случае надобности, разрешения вызвать нужное количество филеров из ближайших охранных Отделений.

К сему считаю долгом присовокупить, что ввиду особого значения лиц, которые выяснены наблюдением за «Софией Петровной» и Гобби по Москве, Киеву, Полтаве, Екатеринославу и Воронежу, является необходимым иметь вверенному мне Отделению самые подробные сведения о деятельности этих лиц, а равно не подвергать их следственным действием без предварительного согласия с С.-Петербургским охранным Отделением.

17 ноября 1903 г. № 362».

Полковник отложил бумагу и задумчиво прошелся по ковру. «София Петровна» и есть Мария Моисеевна Эссен, с которой предстоит разговор. Разговор трудный, и ему хочется быть во всеоружии. Да, он боится встречи с этой женщиной, ибо знает и ее живой ум, и быструю реакцию, и железную волю, знает и уверенность в правоте своих действий. Она ничего не боится и наверняка сейчас продумывает новый побег. В побегах, как и в нелегальных переходах границы, понаторела. И каждый раз совершает эти переходы с транспортом оружия или литературы, которую по законам империи давно приравняли к оружию.

Нужно все обдумать, взвесить, как лучше вести разговор. Затребовал все бумаги из департамента полиции. За «Софией Петровной» значатся и новые бумаги.

«М. В. Д.
Чиновник особых поручений
V класса при Департаменте
полиции № 65 г. Париж

12 мая 1904 г.

Его превосходительству
господину директору
Департамента полиции

Ульянов пока еще в Женеве, но скоро уедет на два месяца «в отпуск». Надо полагать, что в Россию. Я буду следить за его выездом и предупрежу Вас по телеграфу.

Самую видную роль среди искровцев в настоящее время играет особа, хорошо известная Департаменту полиции под кличкой «Шикарная». Она теперь главный член Центрального Комитета, и без нее не предпринимается ничего. Для выяснения ее личности могут послужить нижеследующие данные: близкие люди зовут ее «Нина Львовна», вообще же в партии ее кличка «Зверь». Она бывшая ссыльная... Живет она в пансионе, где находится резиденция журнала. — Полковник прервал чтение и поморщился: название журнала разобрать не удалось. — ...И я запросил о ее личности женевскую полицию.

Кроме «Шикарной», в Центральном Комитете имеются два главных члена: один постоянно разъезжает по России, а другой в Женеве управляет типографией, экспедицией и пр. Первый из них скоро вернется в Женеву, и тогда поедет в Россию «Шикарная». В ближайшем будущем предполагается отправить в Россию человек десять «работников». Я надеюсь, что буду знать об отъезде этих лиц, а также «Шикарной» и постараюсь своевременно предупредить...

Чиновник Особых Поручений Ратаев».

К сожалению, не единственная Эссен играет заглавную роль в среде большевиков. Беда в том, что таких, как Эссен, в партии много. И тут уважаемый Ратаев ошибается. И не десяток «работников», которых он в донесении взял в кавычки, нет, не десятки, а сотни и тысячи их в революционном движении. И как ни старался ретивый Ратаев предупредить охранку о выезде в Россию этих людей, желая их обезвреживания на границе, все равно они просачиваются и с транспортом литера-

туры, и с бомбами, и с револьверами, и с «вредоносными» идеями. Обезвредят одного — его место займет десяток других. Нужно предпринять глобальные меры, чтобы уничтожить инакомыслящих. И сделать это нужно скорее... Но что сделать, как истребить революционный дух в России,— полковник не знал. И оттого так тоскливо ныло сердце, так неприятен был предстоящий допрос Марии Эссен.

От горьких мыслей отвлек дежурный ротмистр. Он бесшумно отворил дверь и, стараясь не стучать сапогами, мягко прошел по ковровой дорожке. Осторожно кашлянул, привлекая внимание полковника.

Полковник стоял у окна и тоскливо раздумывал, с чего начать разговор с Эссен... Уличать ее в присвоении чужих фамилий, в проживании по фальшивым паспортам не имело смысла. Он повернул голову и спросил не без раздражения:

— Доставили?..

— Доставили, Павел Ефимович! — Ротмистр наклонил голову, ожидая дальнейших распоряжений.

— Прекрасно...— Полковник досадливо поморщился. Сказал по привычке: ничего прекрасного не было в доставке этой дамы. — Доставили... Распорядитесь, чтобы провели в кабинет, и вызовите писаря для ведения протокола... Как заключенная?

— У господ большевиков ничего не узнаешь. Держится спокойно, вины за собой не знает... Правда, пыталась заговорить с конвоем, и я приказал его сменить... Дамочка из тех, кто конвой распропагандирует и побег учинит... С нее этого станет...

В голосе ротмистра явная озабоченность. Полковник невольно усмехнулся — и ротмистру несладко приходится.

Эссен вошла быстрым шагом. Наклонила голову и выжидательно смотрела на полковника. У дверей застыл солдат. Высокого роста, с сердитым и тяжелым лицом. Полковник его отпустил. Конечно, разговор наедине сулит больше надежд. Скупым жестом показал на стул, поставленный на середине комнаты.

— Вас взяли на границе под фамилией Уварова... Паспорт не ваш, о чем следствию хорошо известно. Ваша настоящая фамилия?

— Разумеется, Уварова, и только излишней ретивостью полиции можно объяснить мое задержание на границе,— отпарировала дама, поправляя рукой золотистые волосы.

Красота ее вновь поразила полковника. Точеные черты лица. Огромные глаза, казалось, занимали все лицо. Синие. Блестящие. В густых ресницах. Одета с большой тщательностью. Правда, осунулась, на лице синева, свидетельствующая и об отсутствии свежего воздуха, и о недостатке пищи. И все же если бы он не знал, что женщина доставлена из дома предварительного заключения, то можно было бы удивляться ее благополучному виду. Так уверена была она в себе — ни фальши, ни нервозности. Прекрасная женщина и умная. Вот и писарь не оторвет глаз.

— Послушайте, Мария Моисеевна, я не хочу унижать ни себя, ни вас длительным выяснением ваших имен и фамилий. Насчитал их скуки ради не менее двадцати... Поразительно, как вы в них разбираетесь, как не запутались. Вы напоминаете гребца, попавшего в шторм, которому не суждено доплыть до берега.

— Столь поэтичный образ делает вам честь. Непонятно, что вы понимаете под берегом,— учтиво наклонив голову, не без приятности ответила Эссен. — Надеюсь, не самодержавие?!

— Нет, социализм...

— Нет, господин полковник, вы, безусловно, ошибаетесь: до берега, символизирующего новый социальный строй, я обязательно доплыву... И непременно! — на щеках ее проступил легкий румянец.

Полковник смотрел на женщину с удивлением — единственный раз он вывел ее из себя и заставил волноваться. Как свято верит! Безумие какое-то...

— Хотя мы с вами явно веруем в разные социальные устои, предстоит разговор, о важности которого нет нужды напоминать. Вы сидите в доме предварительного заключения уже не первый месяц, я, как начальник отдела департамента полиции, пригласил вас для весьма обстоятельного разговора. Я не льщу себя надеждой на откровения с вашей стороны, но уповаю на элементарную разумность. Долгое время вы скитались по России с паспортом Зинаиды Васильевны Дешиной, потом Инны Христофоровны Гобби, потом Уваровой... Не будем заниматься пустым препирательством: Дешина, Гобби, Уварова. Суть одна — непримиримое и враждебное отношение к существующему строю. Конечно, коли продолжите упорствовать, что вытекает из докладной записки следователя, то будет достаточно и факта проживания под разными паспортами. Действие уголовно наказуемо... Как известно, обвинение в бродяжничестве влечет наказание каторгой до пяти лет.

— Важный разговор не начинают с угроз каторгой. Не правда ли, это в устах жандармского полковника — лучшее доказательство демократии и свободы? — прищурила синие глаза Эссен.— Кстати, зачем стращать тюрьмой, когда я являюсь заключенной?! И допрос устрашительный! В Сибири бытует пословица: бродяги угрожают, тем и держат всех в страхе. Не хочу сравнивать вас с бродягой, но согласитесь — метод весьма недостойный.

Часы отбили пять ударов. Гири скрипя поползли вниз. Медные. Блестящие в солнечных лучах. Стоял ясный сентябрьский день, которыми так богата ранняя осень. Солнечный. Без единого дуновения ветра. С голубым до синевы небом, когда покоем окутана природа.

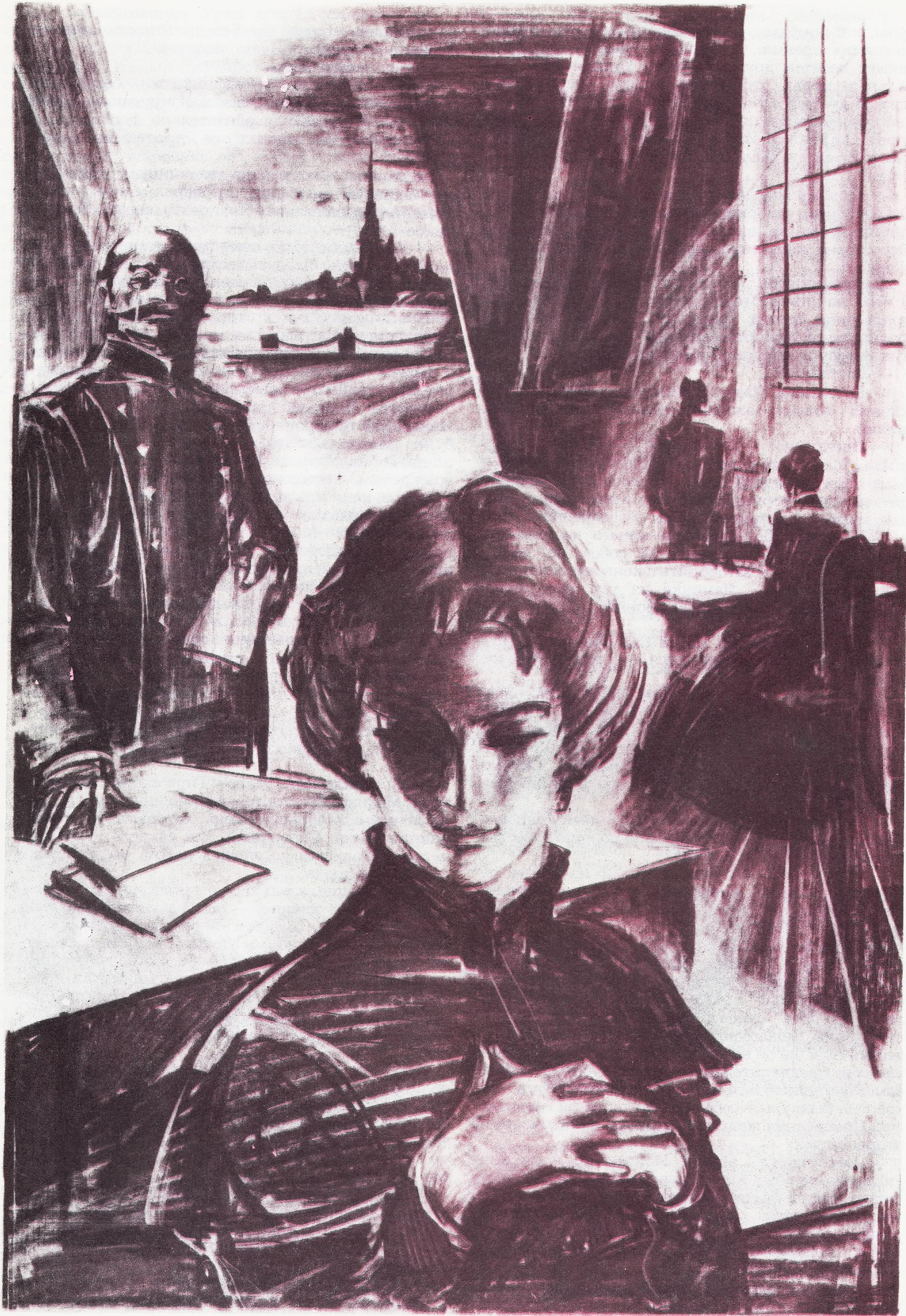
Эссен ощущала тепло солнечных лучей, которыми был залит кабинет,— такой разительный контраст с камерой. Сырой и убогой. Она взглянула на полураспахнутое окно и увидала решетки. Решетки! Те же самые, что и в камере. Погас торжествующий день, а благообразный полковник стал обычным тюремщиком, в силу давнего знакомства претендующим на доверительный разговор. Эта мысль показалась Эссен столь забавной, что она улыбнулась.

— В доме предварительного заключения установили подложность паспорта. Вас опознали по карточкам, заведенным на Дешину. Кстати, в тот раз вы просидели в тюрьме несколько месяцев и усердно занимались пением. — Полковник радовался возможности нанести женщине удар.— И надзиратели узнали вас, назвав Зиной...

— Ну и что следует из этого факта? Вы говорите с возмущением, как будто до этого мне симпатизировали...— И опять она усмехнулась краем губ.

— Следствию необходимо точно выяснить обстоятельства дела: Дешина, Гобби, Уварова, Эссен...

— Полноте, господин полковник, факт обычный в подполье и не столь редко встречающийся...



Обвинение строится на песке, все складывается, как и в истории с Дешиной... Да, ездила по городам... И что? Меня отличает любовь к путешествиям. Под чужим паспортом... И что? Подумайте о сложности выправить паспорт для незамужней женщины. Женщина вписана то в паспорт отца, то мужа... Возможно ли получить собственный паспорт? Тысячи сложностей на пути. Это одно из безобразий, еще раз напоминающее о неблагополучии общественного строя. Вот и приходится женщине, испытывающей страсть к путешествиям, идти на маленькие хитрости.

— Маленькие хитрости?! — возмутился полковник, и щеки его затряслись от негодования.— Вы в качестве агента газеты «Искра» объездили городские комитеты и как член Центрального Комитета партии делали информацию о расколе на втором съезде. И везде боролись за принятие большевистской резолюции, поддерживающей Ленина. Кстати, к вашим чужим фамилиям можно прибавить новую — Соболева. — Полковник водрузил очки и, покопавшись в бумагах, прочитал донесение: — «...Департамент полиции был уверен, что «Шикарная» есть на самом деле Соболева. Прописывалась она по паспорту Инны Гобби. Однако по агентурным данным Департамент полиции установил 11/XII идентичность «Шикарной» с Дешиной. По разосланным фотокарточкам Дешину признали Саратов и Ростов. Екатеринославские агенты не признали, но провокатор,— полковник проглотил фамилию,— видевший «Шикарную» на собрании в Екатеринославе, признал. 17. XII,— полковник опять сделал пропуск, не желая читать документ полностью,— потребовал по телеграфу от Москвы, Ростова и Саратова «проекта ликвидации» в связи с наблюдениями за «Шикарной» и сообщил, что в ближайшем времени будет арестована и она сама. В Саратове было произведено 19 обысков, и были арестованы Лебедев, Смидович, Калашников и Четверников. В Ростове — 21 обыск и 6 арестов».

Полковник закончил чтение и многозначительно замолчал.

— Нашли чему удивляться — обыскам и арестам! — не без ехидства ответила Эссен, не отрывая глаз от лица полковника Маслова. — В России обыски и аресты следуют безо всякой причины, берут правых и невиновных, лишь бы числом поболее. Обыски, как и аресты, профилактические. Вы можете объяснить значение этого слова? «Профилактический обыск», «профилактический арест». Это практика департамента полиции, правительства, а вы хотите взвалить на меня ответственность за обыски и аресты? Очень странно. Полиция найдет повод, чтобы произвести безобразия и проявить над человеком насилие. Кстати, в прошлый арест несуразность первоначального обвинения против меня вынуждено было признать и следствие. Не от хорошей жизни полиция вынуждена была выдать проходное свидетельство в Одессу, а грозились долгой ссылкой в Архангельскую губернию.

— И до Одессы вы не добрались... Исчезли, как водится... Исчезли, чтобы объявиться за границей. Кстати, все резолюции, которые под вашим давлением принимались на собраниях, зашифровывались и пересылались Ленину. И делали это именно вы, Мария Моисеевна. Факт сомнению не подлежит... Вы принадлежите к ленинскому окружению, убежденному и опасному. — Полковник поднял глаза и, не уловив на лице заключенной ни тени растерянности, подумал: что от нее ждать?! — В тот раз исчезли вы из поля зрения в Екатеринославе. И на вокзал не пришли, след был утерян...

Эссен молчала. Действительно, в Екатеринославе она решила исчезнуть из поля зрения охранки. Наблюдение велось столь открыто, что никакие хитрости не помогали. И ей, непугливой, все чаще приходила мысль, как бы она не навела шпиков на организацию. Мысль столь тягостная, что реветь хотелось. Выявляли связи — вот почему она оставалась на свободе... Решилась. Вечером поздно ввалилась в дом одного товарища и попросила отвезти на маленькую станцию, чтобы шпиками там не пахло. По утренней свежести ее, закутанную шалью, отвезли туда на лошаденке... Время было тревожное. Ленин вышел из редакции газеты «Искра». «Искра» стала меньшевистской. Нужен был новый съезд... И Эссен включилась в борьбу за его созыв. Мелькали города Сибири, Урала, Кавказа... Сколько верст она исколесила, сколько городов, скольких людей повстречала! И вновь уезжала в Женеву к Ленину.

— Расскажите о своей встрече в апреле 1904 года с Плехановым в Париже. Кстати, в Париж вы были посланы Лениным. Цель вашей поездки?..— Полковник говорил вкрадчиво, осторожно, словно экономил слова.— Ваше впечатление о Георгии Валентиновиче? Уточните и дату приезда в Париж.

— Я такого эпизода не припомню... И чести быть знакомой с Георгием Валентиновичем не имею. — Эссен отказалась от ответа, да и в случае ответа он не должен содержать никаких конкретных данных. Это единственная правильная тактика во время следствия.

— Разве речь не шла о практике рабочего движения в России? Не касалась руководящей роли Ульянова-Ленина в партии?! — Полковник ставил вопросы и терпеливо ждал ответа.

— Коли не было встречи, так не было и разговоров! — недоуменно ответила Эссен, посмеиваясь синими глазами.— Очень трудно вести разговор, когда собеседник руководствуется одному ему известными и в общем-то ошибочными понятиями.

— Хорошо... С какой целью вы были направлены Лениным в Россию? — Полковник не замечал выпадов Эссен. Внимательно смотрел на ее лицо и думал: что удерживает эту женщину редкостной красоты в рядах социал-демократии и придает силы переносить тяготы подполья? Сколько возможностей она, обаятельная и образованная, имела, если бы распорядилась жизнью по-другому... И все же предпочитает скитания, каторгу, невзгоды. Пожал недоуменно плечами и сказал: — Напрасно упорствуете, известно, что цель была поставлена не малая — подготовка к третьему съезду партии... Третий съезд... Данные, какими вы располагаете относительно подготовки съезда, были бы бесценными для охранного отделения... Подумайте...

— Не трудитесь продолжать, полковник. — В голосе Эссен такое пренебрежение, будто обращается к половому в трактире.

Полковник с трудом сдержал гнев. Достал портсигар и закурил, стараясь скрыть дрожание пальцев. Удивительно, как трудно вести допрос! И какая открытая насмешка. И так ведет себя женщина, о которой полиция располагает исчерпывающими сведениями! На что она надеется? О чем думает? И

Полковник боялся предстоящего допроса Марии Эссен.

так унижает его, полковника министерства внутренних дел...

Подумав, раскрыл папку и пробежал глазами письмо, перехваченное полицией. Помедлил и протянул его для прочтения Эссен.

И опять тягуче звонили часы. Бой, как в кладбищенской церкви при отпевании покойника. Эссен устала и от допроса, и от нечеловеческого напряжения. К тому же и искренне расстроилась: многое известно полковнику, и причем из первых рук. Значит, в партии провокатор. Как горестно об этом думать... Провокатор! И опять какой-то бумагой размахивает полковник, и опять немалый подвох...

— Потрудитесь дать объяснение следствию по поводу вашего письма. — Полковник положил на столик под зеленым сукном бумагу и встал, боясь за ее сохранность. От этих социалисток жди беды!

Эссен наклонилась и, зная о запрещении брать бумагу руками, прищурив глаза, принялась читать:

«Химический текст. 14 августа 1904 года.

19 июля. Мои дорогие, спешу послать весточку о себе. Как вам уже известно, я взята в Александровске с паспортом Уваровой. Там мне предъявили мою фотографическую карточку и заявили мне, что я не Уварова и не Дешина. Препроводили меня сюда в Питер, сижу в предварительном пока под фамилией Дешиной Зинаиды Васильевны. И здесь, на допросе мне сообщили, что им известно, что Дешина давно-де замужем и что я и в прошлом году сидела не под своим именем и т. д. «Кто же вы, этого мы пока не знаем, и если не узнаем, то будем судить вас, как бродягу». Мне в Александровске удалось вот что узнать — примите к сведению. В Берлине уже, кажется, четвертый год очень близко к транспортной организации С. Д., если не в ней самой, находится предатель, он православный, лет 30—35, блондин с русой бородкой, жандармам известен под фамилией Гарин. Все провалы в Александровске есть дело его рук. За последнюю неделю были арестованы четыре человека с литературой: 2 студента и 2 студентки. Им заявили еще до обыска, что везут они литературу на себе в таком-то количестве и таких-то названий. Обо мне была накануне получена телеграмма, что я еду по паспорту Уваровой в понедельник. Что за мной в Берлине следили, это несомненно, но знать, что я еду в понедельник, мог только свой человек. Итак, примите это к сведению и разберите досконально, а пока надо прекратить в Берлине все дела и по возможности разъехаться всем оттуда. Ну, вот и все, что я могу сообщить. О себе писать не стоит, сами понимаете, каково настроение. Так глупо пропасть. Обидно до смерти. Даже жить не хочется. И без меня, конечно, жизнь пойдет — я знаю это, но мне-то без этой жизни не жить. Ну, всего, всего лучшего. Крепко всех обнимаю. Всех помню, всех люблю и жду весточки».

Эссен читала с болью. Перехватили ее письмо, посланное с такой осторожностью в Берлин. Значит, предупреждение о провокаторе не дошло до назначения. Провокатор продолжает делать черное дело. В том, что ее предали, сомнения не было. Она могла назвать имя провокатора — поэтому дала такие точные приметы, уверенная, что товарищи разберутся. Сколько бед он принесет, коли не обезвредить!

От огорчения зазвенело в ушах, и кабинет раскачивался, как палуба при шторме. Это ощущение стало повторяться при допросах с досадным постоянством. Она кинула быстрый взгляд на полковника Маслова. Нет, такого удовольствия господину полковнику она не доставит: и подлинных чувств не выдаст, и в обморок не упадет. Придвинулась к спинке стула, ища опору. И молчала.

— Прочитали? — Голос полковника доносился откуда-то издалека. — Государство обладает аппаратом, да-с, превосходно поставленным сыскным аппаратом, и всякие запирательства ставят вас в смешное положение.

Эссен, овладев собой, рассматривала полковника с интересом и не без иронии. И этот взгляд его возмущал. Он откашлялся и сухо спросил:

— Признаете письмо? Что имели в виду, когда информировали о так называемом предателе свою партию?

— Конечно, письмо своим не признаю! — рассмеялась в лицо полковнику Эссен. — Поскольку не признаю, то не могу ответить на вопрос, что имела в виду безымянная корреспондентка.

— Письмо не безымянное, а подписано партийной кличкой «Сокол». И это ваша кличка, Мария Моисеевна! — Потеряв терпение, полковник стукнул кулаком по столу: — Ваша...

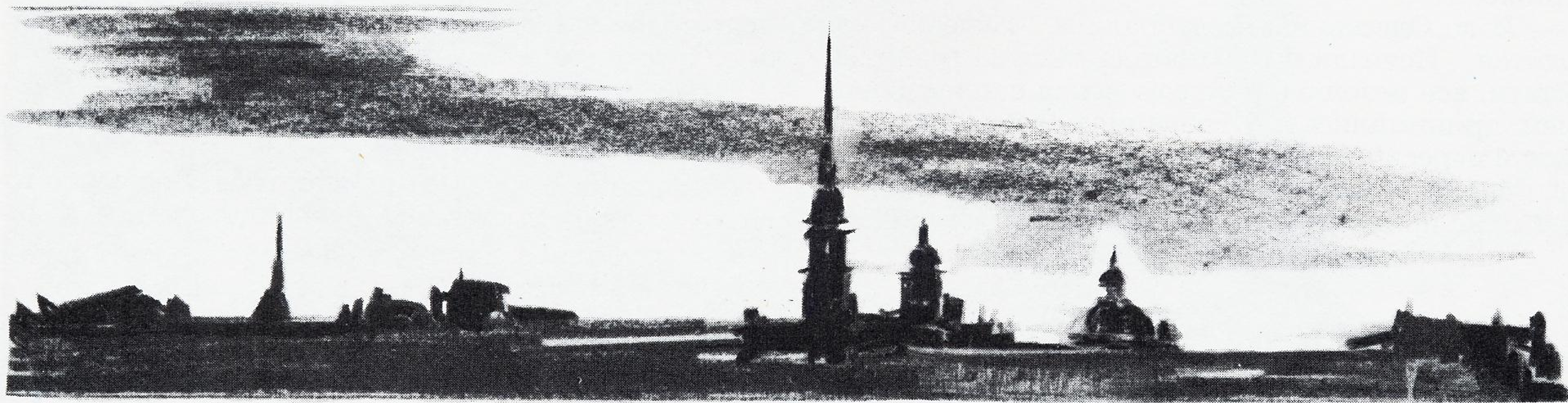
— Гнев — не лучший советчик в делах следствия! — презрительно бросила Эссен полковнику. — Ваша ошибка — в большой самонадеянности. Видите ли, все-то вы знаете лучше меня... Но дело не только в знании, а в доказательствах — доказательств нет! К тому же допрос продолжается пять часов... Я отчаянно устала, да и у вас такой возбужденный и замученный вид,— не отказала себе в удовольствии она. — Больше не скажу ни единого слова.

— Ска́жете, будете упрашивать, чтобы выслушал вас, дорогая, да времечко будет упущено! — кричал полковник, поднявшись во весь рост. — Ска́жете...

— Стыдитесь! — Эссен холодно блеснула синими глазами.

Полковник яростно нажал звонок.

КОНЕЦ.



Елизавета Драбкина

(1901—1974)

Существует знаменитая фотография. Москва, Красная площадь 7 ноября 1918 года. Празднуется первая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Владимир Ильич Ленин только что открыл мемориальную доску павшим за мир и братство народов, созданную скульптором Коненковым. И вот мы видим Владимира Ильича у огромной барельефной доски, водруженной на Сенатской башне Кремля, а рядом с ним Свердлова и других старых большевиков — руководителей Советской республики. И вдруг совсем юное лицо. Кто эта молодая девушка, которая стоит среди хорошо известных нам людей? Как она сюда попала?

Старая известная писательница Елизавета Яковлевна Драбкина — а это она изображена на фотографии,— улыбаясь, вспоминает. Ей только семнадцать лет, но она уже год член большевистской партии. И работает секретарем у Председателя ВЦИК — Якова Михайловича Свердлова. Для нее Владимир Ильич Ленин, Надежда Константиновна Крупская, другие старейшие большевики — люди, которых она знает с самого детства.

Свое детство, отрочество, юность Елизавета Драбкина прожила в семье совсем необычной. Ее родители — старейшие большевики, видные деятели ленинской партии. Отец — его партийный псевдоним Сергей Гусев — был делегатом съезда партии, там он стал «твердым» большевиком. А мать — Феодосия Ильинична Драбкина, член партии с 1902 года,— известна как активнейший работник большевистского подполья. Их дочь навсегда запомнила беспокойную, опасную жизнь революционеров: бегство от шпиков проходными дворами; тяжелые коробки от дамских шляп, набитые большевистской литературой; поездка в поезде с матерью, у которой под пальто спрятаны динамит и бикфордов шнур...

Елизавете Драбкиной было шестнадцать, когда победила революция. Она пережила многое: осенние октябрьские ночи в Смольном; лихорадочную работу в Кремле, где разместилось переехавшее в Москву Советское правительство; организацию комсомольских отрядов; поездки по стране, где бушует пламя гражданской войны; участие в работе только что созданного Коммунистического Интернационала... Все это (значительное, пережитое ею) потом, много лет спустя, воскреснет в ее книгах о Ленине, о ленинской большевистской партии.

Большевикам — соратникам Владимира Ильича Ленина посвящены все книги Елизаветы Драбкиной. «Черные сухари», «Баллада о большевистском подполье», «Навстречу бурям», «Кастальский ключ» — все они пронизаны не только великой любовью к революции и революционерам, но и поэзией революции. Недаром свою книгу о людях партии Ленина она назвала «Баллада о большевистском подполье».

Это книга о тяжком, опасном труде профессиональных революционеров. Да, жизнь революционера — это прежде всего труд. Ежедневный, ничем не нормированный, тяжелый и упорный труд. Вот как пишет Елизавета Драбкина о большевиках, работавших в подпольных типографиях: «Работник подпольной типографии обязан был полностью порвать с внешним миром, не выходить на улицу, не встречаться ни с кем, даже с самыми близкими людьми... Порой он неделями и даже месяцами не делал ни одного глотка свежего воздуха». А рано или поздно их ожидали арест, тюрьма, каторга и ссылка... И все же в книгах Елизаветы Драбкиной о людях большевистской партии нет никакого ощущения страха, сожаления. Есть чувство восторга перед нравственной красотой тех, о ком Владимир Ильич Ленин сказал, что они составляют «Ум, честь и совесть нашей эпохи». Ведь большевики составляли цвет народа, это были люди молодые, физически и духовно красивые. В подполье, в тюрьме, на каторге они подавали высокий пример человеческого достоинства и душевной красоты.

Свои книги Елизавета Яковлевна Драбкина начала писать уже немолодым и очень больным человеком. Она много работала, она торопилась, чтобы успеть рассказать молодежи про тех, с кем работала, с кем связала всю свою жизнь. В предисловии к своей книге она, обращаясь к своему читателю, написала:

«Пожелаю тебе счастья! Пусть светят тебе огни Смольного! Пусть стоит перед тобой бессмертный образ великого Ленина! Смело иди вперед! Живи, учись, работай, действуй так, чтобы люди предшествующих поколений революции, глядя на твои славные дела, могли бы воскликнуть вместе с поэтом:

«Это молодость наша проходит, подняв паруса!»

Да, это был человек яркой, прекрасной жизни. И перед читателями книг Елизаветы Драбкиной всегда будет стоять образ их замечательного автора.

Там, где течет Терек

Прошлым летом поехал я на Северный Кавказ, в Чечено-Ингушскую автономную республику. Хотелось мне увидеть те края, которые так любили М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой. В общем, хотелось мне побывать в прошлом.

Но оказалось, что места эти славны не только своей историей. Сегодня люди самых разных национальностей (чеченцы, ингуши, русские, дагестанцы, украинцы, армяне) дружно живут и трудятся на благо своей республики, на благо всей нашей Родины.

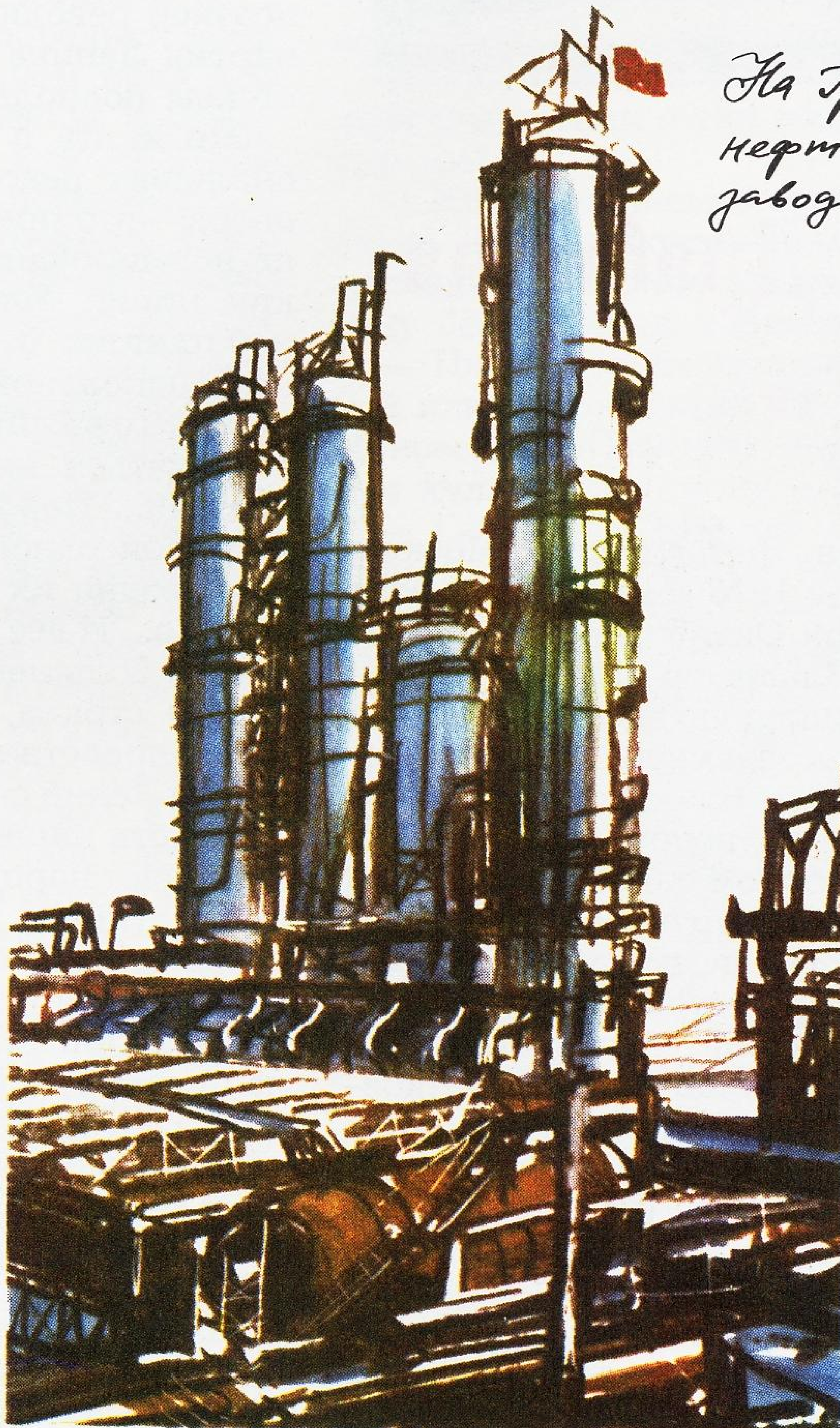
В Грозном мне показали, как добывают нефть, и рассказали, как ее перерабатывают. Я видел на горных лугах стада коров и тонкорунных овец, в долинах — замечательные виноградники. В Шелковском районе познакомили меня с ребятами, которые проводили лето в лагере труда и отдыха: помогали взрослым выращивать и собирать виноград.

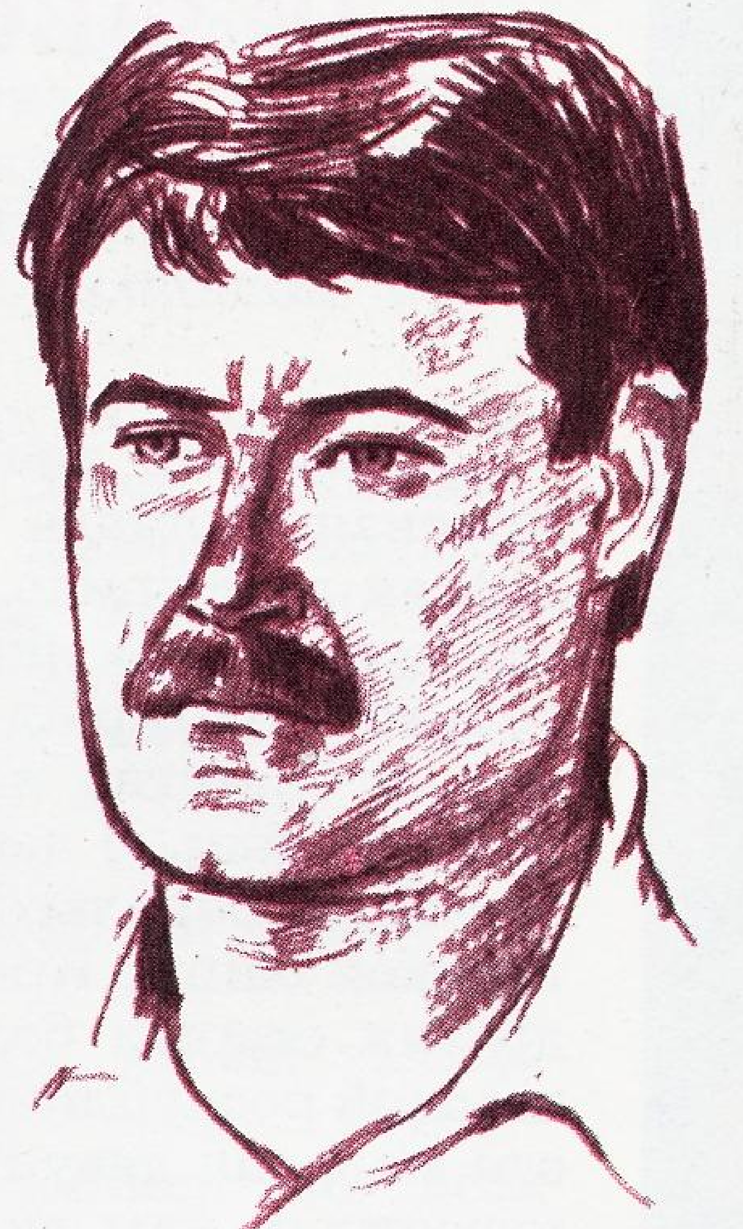
Ехал я, чтобы познакомиться с прошлым Чечено-Ингушетии. Но увлекла меня и сегодняшняя жизнь этого замечательного края. Здесь поместилась лишь малая доля того, что бы мне хотелось рассказать и показать.

Виктор ДУДКИН.
Рисунки автора.

В горах Чечено-Ингушетии сохранились памятники старины

На Грозненском нефтеперерабатывающем заводе им. В. И. Ленина



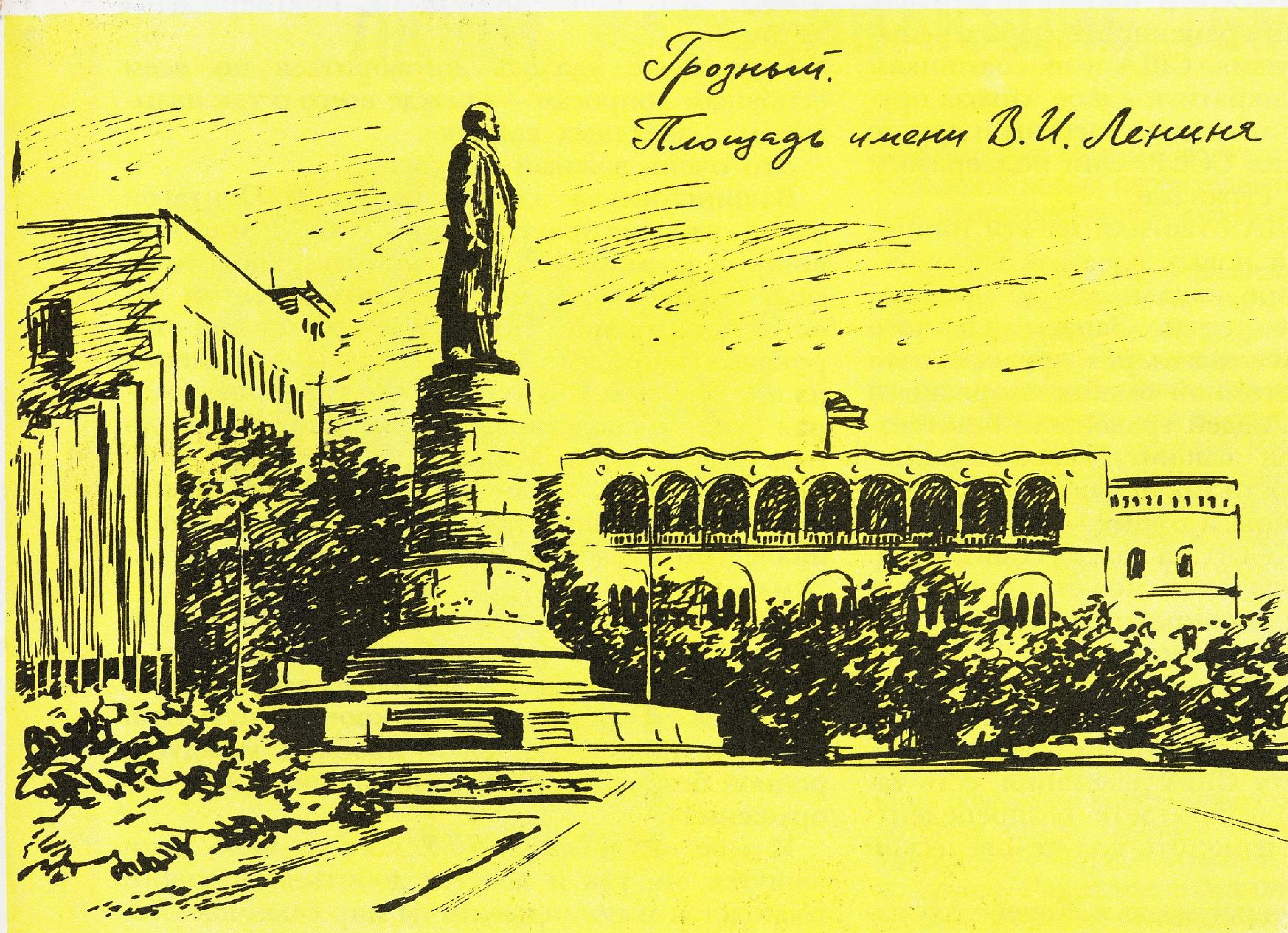


Андрей Владимирович Шкарин — секретарь Шелковского РК ВЛКСМ

Литературно-этнографический музейный комплекс им. Л. Н. Толстого в станице Старогладковской

Нальгиева
Лиза Юсуповна,
швея-мотористка
Назранской
трикотажной
фабрики,
депутат Верховного
Совета
Чечено-Ингушской АССР

Танцуют солисты народного ансамбля „Башлам"



Грозный.
Площадь имени В. И. Ленина

Захруди
Юсупхаджиев
хорошо трудился
летом в лагере
труда и отдых
„Чайка"

Здесь, на берегу Терека, стояли в прошло-
сторожевые вышки казаков

Мир без войн, без оружия — идеал социализма.
Из проекта новой редакции Программы КПСС.

Учиться великому искусству жить вместе

19, 20 и 21 ноября 1985 года в столице Швейцарии — городе Женеве состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым и президентом США Р. Рейганом. Обсуждался важнейший для будущего всех народов вопрос войны и мира.

Советский Союз готовился к диалогу с Америкой серьезно.

Мир увидел добрую силу примера политики первой страны социализма. В дни, когда в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, СССР в память о жертвах Хиросимы отказался временно от любых испытаний ядерного оружия. США и их союзникам было предложено сократить вдвое запасы оружия взаимного уничтожения. Внесены и другие мирные предложения СССР. Они поддержаны социалистическими странами.

К сожалению, США ответили на эти инициативы СССР серией новых ядерных взрывов.

Обстановка в мире накалилась до предела, дошла до опасной черты. Запасы ядерного оружия в тысячи и тысячи раз превосходили мощность первой атомной бомбы, взорванной США в Хиросиме. Людей тревожили безответственные заявления вашингтонской администрации о возможности так называемой ограниченной ядерной войны, а точнее — для оправдания нападения на СССР, на лагерь социализма. Любое ядерное нападение может привести к ответному удару, к непоправимым последствиям для будущего человечества.

Перед встречей в Женеве М. С. Горбачев принял делегацию лауреатов Нобелевской премии мира. В письме, с которым обратилась к нему и к президенту США делегация, есть такие строки: «Вы располагаете беспрецедентной возможностью изменить ход человеческой истории».

Михаил Сергеевич рассказал в Женеве журналистам, какое впечатление произвели на него письма из Советского Союза, США, стран Европы, Азии и Африки — от детей, женщин, мужчин, от ветеранов войн. Он привел и такой факт: сегодня только в одной Латинской Америке голодает большое количество людей, половина из них — дети. Если сократить лишь на 5—10 процентов мировые военные расходы, то можно обеспечить достаточное питание детям и взрослым.

Дети, как их матери и отцы, хотят мира. В Женеву привезли письмо от семилетней Кэт из американского штата Массачусетс: «Давайте соберем все оружие и выбросим его, тогда оно никогда не выстрелит».

Кэт выразила желание всех детей планеты.

Итоги женевских переговоров отражают озабоченность о судьбах народов в наш термоядерный век.

В совместном советско-американском заявлении ясно сказано: ядерная война не должна быть развязана, в ней не может быть победителей.

М. С. Горбачев разъяснил на пресс-конференции журналистам: «Мы со вниманием отнеслись к заверениям американского Президента, что США не стремятся к превосходству и не хотят ядерной войны. Мы искренне желаем, чтобы эти заявления были подтверждены делом».

Однако не удалось договориться по всем основным вопросам — прежде всего о так называемых «звездных войнах».

Это очень важный вопрос.

Вашингтонская администрация и Пентагон давно уже распространяют слухи о том, что война в космосе — это вроде бы «технологическая проблема», и не надо, мол, на этом заострять внимание. Позиция американской стороны на самом деле базируется на мысли одного из президентов США о том, что та нация, которая будет господствовать в космосе, будет господствовать и на Земле.

СССР заявил: надо наглухо закрыть двери для развертывания космического вооружения; иначе это скажется на гонке вооружения на Земле.

«Если США найдут волю и решимость заново подумать и оценить все губительные аспекты и последствия программы «звездных войн»,— сказал М. С. Горбачев,— то откроется путь для конструктивного решения проблем международной безопасности и прекращения гонки вооружений».

И еще он добавил: «...У кого-то явно руки чешутся, им так и хочется добиться мирового господства и поглядывать на мир свысока. Старые амбиции прежних лет. Мир очень изменился во многих отношениях... Я так и сказал Президенту: «Вы имейте в виду, что перед Вами не простаки».

Основной вывод советско-американской встречи: надо научиться великому искусству жить вместе. Советская и американская стороны договорились: содействовать мирному использованию ядерной энергии, запретить химическое оружие, расширить сотрудничество в области науки, образования, культуры, продолжить в дальнейшем встречи.

Верховный Совет СССР на очередной Сессии заслушал доклад М. С. Горбачева и одобрил итоги женевских переговоров. Время покажет, насколько едины у Вашингтона слова и дело.

Е. ВЕЛТИСТОВ

Международный пионерский клуб «Товарищ»

8 февраля — День юного героя-антифашиста.

Как ты готовишься к нему? Как ты проводишь его у себя в отряде, в дружине? Какие книги читаешь при подготовке митингов солидарности и пионерских сборов?

Сегодня писатель Лев Разгон рассказывает тебе о книгах Александра Тверского. Эти книги — о борцах за свободу и независимость, за мир и счастье всех людей планеты. Прочитай их. Они помогут тебе в проведении Дня юного героя-антифашиста.

ЛЮДИ, РАССЕИВАЮЩИЕ ТЬМУ

В книге Александра Тверского «Песня над Босфором», посвященной одному из самых любимых героев писателя — великому турецкому поэту Назыму Хикмету,— есть строки Хикмета:

Если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Так кто же здесь рассеет тьму?

Эти строки — как ключ ко всему творчеству Александра Тверского. Почти все, что он написал,— это книги о тех, кто рассеивает тьму, чаще всего — ценою собственной жизни. Дружба с замечательным человеком и поэтом, который долгие-долгие годы провел в турецкой тюрьме, откуда его стихи разлетались по всему миру, стала книгой Александра Тверского «Песни над Босфором». Она вышла из печати, когда еще был жив Назым Хи́кмет, а продолжает свой путь в новых и новых переизданиях и по сей день, когда уже давно окончился жизненный путь ее удивительного героя.

Люди, боровшиеся с фашизмом, с империализмом, люди, не жалевшие ни сил, ни жизни ради блага угнетенных, ради своей родины — герои книг писателя. Он хочет не только рассказать об их героических делах, их ярких жизнях, но и проникнуть в истоки их убеждений, понять, что их двигало на борьбу с теми, в чьих руках были могучие механизмы угнетения. В самом деле: что заставило сына турецкого аристократа и сановника отказаться от своих привилегий, стать коммунистом и провести семнадцать лет в тюрьмах, не отказываясь ни от одного своего пламенного слова?

Александр Тверской в «Песне над Босфором» пишет об этом не только увлеченно, но и с огромным вниманием, вглядываясь в эту сложную и красивую жизнь.

Казалось бы, нет ничего общего между великим турецким поэтом-коммунистом и теми простыми, такими обычными комсомольцами белорусского города, которые стали героями другой книги Александра Тверского — «Турецкий марш». И материал совершенно другой. Радостная и безмятежная юность, школа, друзья, учителя. А затем на все это надвигается черной тучей война, оккупация, фашистский террор, измена и предательство... «Турецкий марш» — книга драматическая, книга жестокая, ибо там рассказывается о том, что всегда будет жечь наши сердца.

Что же сближает юных героев повести Александра Тверского с тем великим поэтом, который жил и страдал не в нашей родной Белоруссии, а далеко, на чужом Босфоре? Убежденность. Вера в коммунистическую идею. Невозможность пойти на сотрудничество с врагами своего народа. Только это и дает силы выдержать физические муки фашистского террора, и нечто более страшное — измену тех, в кого верил, за кем радостно шел...

В книге очерков «Новые флаги», написанной Александром Тверским в соавторстве с Маем Волковым, речь идет о странах, которые именуются развивающимися. Это бывшие колонии империалистических государств, которые обрели независимость и сейчас

строят новую и самостоятельную жизнь. В этой книге рассказывается сложная кровавая история народов и стран, которые испытали многовековой гнет и освободились от него в мучительной борьбе. Авторы много внимания уделяют тем историческим личностям, которые возглавили борьбу за освобождение своего народа.

Это и негр Туссен-Лувертюр, не побоявшийся вступить в борьбу с самим Наполеоном; это Симон Боливар, всю свою жизнь посвятивший борьбе с испанскими колонизаторами, добившийся освобождения ряда стран Латинской Америки; это вождь небольшого марокканского племени рифов Абд аль Керим, героически боровшийся за свободу своего народа.

Но авторов этой книги интересует не только далекое прошлое колониальных народов. Особое внимание они уделяют людям, чьи имена навсегда вписаны и в историю своих народов, и в названия московских улиц и площадей. Патрис Лумумба из Конго, Агостиньо Нето из Анголы, Сальвадор Альенде из Чили — все они оставили ярчайший след как борцы-интернационалисты, боровшиеся за свободу собственного народа, за свободу и независимость всех наций — против империализма, против фашистов всех мастей.

Тема эта огромна по своей значительности, по материалу, охватывающему маленькие города и огромные континенты, людей, вошедших в историю, и людей, которые достойно жили и умирали, внеся свой ЛИЧНЫЙ вклад в общее дело.

Лев РАЗГОН

ЭХО ФЕСТИВАЛЯ

Ребята! Сегодня мы открываем новую рубрику, которая познакомит вас с зарубежными пионерами — участниками XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Открывает рубрику рассказ о югославской пионерке Иве Маркочич.

Наша справка: ***Союз пионеров Югославии был образован 12 декабря 1942 года. Ныне он объединяет тысячи мальчиков и девочек от 7 до 15 лет. В Союзе две возрастные группы — юные пионеры и старшие пионеры. Югославские пионеры носят красный галстук. В год подготовки к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в пионерских дружинах Югославии прошли фестивальные викторины, смотры-конкурсы знатоков фестивальных песен и конкурсы рисунков. Активно участвовали югославские пионеры и в международной эстафете патриотических дел «Память», посвященной 40-летию Победы над фашистской Германией. Ребята приводили в порядок солдатские могилы, ходили в походы маршрутами партизанских соединений, открывали новые имена героев Сопротивления.***

ЛИДЕР

О какой роли мечтает актер? Конечно, о самой-самой трудной. А значит, интересной!

А могут ли в спектакле быть не трудные роли?

— Нет,— уверенно говорит Ива Маркочич,— даже крохотная роль, на два слова, на два движения требует много сил и терпения. Если делать ее, конечно, талантливо.

Я смотрю на Иву с любопытством. Я не поверил бы ей, если бы не видел собственными глазами спектакль «Веселое детство», в котором Ива Маркочич играла маленькую роль Грозы. Играла так здорово, что зрители затаив дыхание следили за ее проделками. А когда Гроза благополучно удалилась под напором знойного Солнца, они наградили ее долгими аплодисментами. А еще были большие и маленькие роли в спектаклях «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Зайка-зазнайка» С. Михалкова, «Кот Джингискан и Кот Микки Траси» В. Парум. И везде Ива Маркочич блистала. Везде зрители встречали и провожали ее аплодисментами. Везде с нетерпением ждали ее выхода.

Иве Маркочич двенадцать лет. Она живет в югославском городе Загребе, учится в шестом классе школы имени Отокар Кершовани. Причем учится только на «хорошо» и «отлично», иначе не быть бы ей актрисой загребского «Театра молодых». Успешная учеба в школе — непременное условие для поступления в этот известнейший театр.

«Театр молодых» был открыт в 1948 году «...с целью развития творческих способностей детей на основе сценического искусства», как было записано в его уставе. Прошли годы. Много поколений юных актеров сменилось. Некоторые из них стали профессиональными артистами и образовали профессиональную труппу. Сейчас «Театр молодых» состоит как бы из двух — взрослого и детского. «Взрослый» ежедневно дает спектакли для маленьких жителей Загреба. «Детский» же больше учится. 500 юных актеров изучают здесь драматическое искусство, танцы, пение, овладевают навыками движения на сцене. Постигнув курс «театральных наук», ребята тоже ставят спектакли. Особенно любят спектакли по мотивам сказок. Вот где простор для воображения! Вот где разыгрывается фантазия! Может ли к примеру дождь водить хороводы с солнцем? Или радуга вдруг запеть, очаровать зрителей не только соцветием своих красок, но и чудесным голосом... А почему нет?! В сказке все может быть. В сказке чудеса происходят каждую минуту. И чудеса эти творят юные артисты «Театра молодых».

...Московский международный молодежный центр «Олимпиец». Актовый зал. Идет репетиция. «Театр молодых», вернее, десять лучших его актеров, участников XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, готовятся к спектаклю.

Тон всей репетиции задает Ива Маркочич. Гля-

дя на нее, режиссер театра Звездана Ладика улыбается:

— Скоро моя помощь совсем не понадобится — Ива всей постановкой может руководить!

А Ива и в самом деле увлеклась. Из актера превратилась в режиссера:

— Таня, как ты поешь?! Это же не пение ласточки, а скрип телеги! А ты, Роберт! Ты Веселая Нотка, кочующая по страницам журнала! Почему же на лице у тебя кислая мина? Ты Кислая Нотка, а не Веселая!..

Веселая Нотка — Роберт Угрина — хмурится, смахивает со лба прядь черных, как смоль, волос, хочет что-то возразить. Не возражает. Не решается возразить. Слишком хорошо знает Иву, взгляд ее, пристальный и непреклонный, хорошо знает. Потому покорно шагает в угол повторять свой выход.

— Вот я переворачиваю тебя, Таня... страничку «Модра ласты» то есть перелистываю...— катится по пустому залу звонкий голос Ивы.— И выбегают на сцену клоуны. Следующая страничка журнала — страничка юмора...

Спектакль ребята собираются показать необычный: «Модра ласта» — «Синяя ласточка». Именно так называется популярный в Югославии детский журнал, который издается в Загребе. В 1984 году журнал праздновал свой двадцатипятилетний юбилей. К этому событию «Театр молодых» и поставил впервые спектакль, рассказывающий о каждой рубрике, каждой страничке журнала.

У Ивы в спектакле трудная роль: она Ведущий, должна как бы «переплетать» отдельные странички и рубрики журнала. «Переплетать» танцем, песней, веселым четверостишием. Делает это она с большим мастерством и выдумкой. Я так увлекся ее игрой, что мыслями моими целиком завладела сцена. Из волшебного оцепенения вывел голос режиссера:

— Эту Иву за руку надо уводить с репетиции. Фанатик!..

А вечером был спектакль. Зрители от души аплодировали юным югославским актерам. И хотя они не знали сербскохорватского языка, на котором говорили участники спектакля, язык жестов, танца и музыки дошел до их сердец.

А больше аплодисментов опять досталось Иве Маркочич...

Скоротечны фестивальные дни. События, одно интереснее другого, вихрем подхватывали делегатов фестиваля и носили по фестивальным объектам Москвы. И так получалось, что мои журналистские пути нет-нет да и пересекались с фестивальными маршрутами югославской делегации. Думаете, кто чаще попадал на заметку в мой блокнот? Ива Маркочич. Лидер на сцене, она и в жизни была лидером. Кто предложил выпустить стенгазету после поездки в Горки Ленинские? Ива. («Мы впервые побывали в этом священном для каждого пионера месте. Давайте напишем, какие мысли навеяла нам поездка...») Кто устроил «круглый стол» пионера-активиста в подмосковном пионерском лагере имени Ю. Гагарина? Ива. («Интересно узнать о работе совета дружины лагеря, о пионерском самоуправлении».) Кто был ведущим на дискотеке? А капитаном «Веселых стартов»? Ива! («Танцы и спорт моя страсть. Жаль, нет времени заняться ими всерьез...»)

...В одной из стенгазет фестивального детского лагеря, что размещался в «Олимпийце», ребятам предложили ответить на вопросы. Один из вопросов был: «Как стать лидером в коллективе?» Среди ответов я нашел и этот, на сербскохорватском языке: «Любому делу отдавать себя до конца». В этих простых словах вся формула жизни югославской пионерки Ивы Маркочич, юной актрисы «Театра молодых» из Загреба.

В. РЫБИН

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

К 80-летию со дня рождения Мусы Джалиля

Остаться в песнях Родины святой...

Подвиг Мусы Джалиля, его стихи из «Моабитской тетради» силой духа и страшной правдой до сих пор потрясают миллионы людей на планете. Стихи прекрасного татарского поэта переведены на многие языки мира. Некоторые из них, по счастью, довелось переводить на русский язык и мне.

Люблю его поэзию за сердечную открытость и несгибаемое мужество. Но вот что еще невозможно не заметить в стихах Джалиля: его удивительный дар предвидения! Разве не собственную судьбу предугадал он в стихотворении, которым открывается наша журнальная подборка? Написано оно было в канун Великой Отечественной войны — уже тогда Джалиль был не только готов к подвигу, но и предвидел его.

Обратите внимание и на строки из стихотворения «Моему палачу».

Отсечь ты волен голову мою —
Я узник твой, но я погибну стоя! —

писал Джалиль.

22 августа 1944 года, идя на казнь в кандалах, он пел, он смеялся в лицо убийцам.

А разве неудивительно, что стихотворение «Цветы» Джалиль написал за два года до Победы? Написано оно так, словно этот день уже наступил и поэт — не узник Моабита, а Победитель, встретивший счастливую, первую мирную весну (заметьте — именно весну!). А то, что в этом стихотворении он обращается прежде всего к вам, ребята, — это так понятно: в юности Муса Джалиль был пионерским вожатым, всегда любил детей и думал о них даже в самые горькие свои дни. Потому что вы — наше грядущее.

Юрий Кушак

Муса ДЖАЛИЛЬ

* * *

Окончен путь могильною звездой.
И вот за подвиг свой обрел ты право
Остаться в песнях Родины святой,
Принять как дар любовь ее и славу:
В ее свободе, в доблести ее
Пребудет вечно мужество твое!

И обратит врагов Отчизны вспять
В булатный меч откованное имя.
Тебя в напевах будут вспоминать
Красавицы с дружками молодыми.
И пусть печальны будут их глаза —
В них не блеснет безвольная слеза!

Жива свобода — не умрет любовь.
И жизнь шумит, как тополь у могилы.
В твой смертный час из черной раны кровь
Не в землю перешла, а в наши жилы!

Из «Моабитской тетради»

Последняя песня

Светлы и привольны
Земные просторы.
Но темен застенок
И прочны затворы.

Парят в поднебесье
Орлиные крылья.
В цепях мои руки,
И сам я в могиле.

Купаются в ливне
Цветы медуницы.
Я сохну от жажды,
Я стражду в темнице

Как сладостна жизнь,
Ощущаю и здесь я!
Лишь песня — до смерти,
Последняя песня...

Август 1943 г.

Цветы

ОТРЫВОК

На луга, на луга, на луга, детвора!
Пусть от вашего смеха, и пенья, и гама
Улыбнутся усталые добрые мамы,
Да и вам позабыть про печали пора...

Там цветы! По раздолью лугов и полей
Разбежались цветы, убегая в овраги.
Там нарциссы, гвоздики, там алые маки —
Как похожи они на улыбки детей!

Это ветер струится — послушай, замри!
Приглядись — сколько щедрости в солнечном свете!
В пестрых шапочках пляшут цветы — это дети,
Дети матери ласковой — нашей Земли.

Здесь когда-то легла злого ворона тень,
Здесь когда-то война, как гроза, грохотала.
Сколько храбрых бойцов с поля боя не встало.
Сколько ночью пылало вокруг деревень!

В те года, в те гремучие наши года,
Шли за Родину в бой мы сквозь бури и грозы.
И остались в лугах чьи-то горькие слезы,
И осталась в земле наша кровь навсегда...

Собирай полевые цветы, детвора!
Как прекрасны они, как свежи и лучисты!
Принесем их бессмертным солдатам Отчизны.
Наступила теперь золотая пора.

Но у каждого сердце задето войной.
Вы, узнавшие взрослые наши печали,
Не забудьте: о вас, мы о вас вспоминали,
В час последний весь шар обнимая земной...

Детвора, дорогие мои сорванцы,
Как же вас не любить, как же вам не дивиться:
Глядя в ваши родные и ясные лица,
День грядущий увидели ваши отцы.

Так цветите, цветы! Миновала беда.
И когда-нибудь люди забудут ненастье;
В той последней войне мы сражались за счастье,
И теперь вам вручаем его навсегда!

9 ноября 1943 г.

Осужденный

Шаги... Сейчас возьмут его...
Вся жизнь — мгновенье до расстрела.
Ни слез. Ни стона. Ничего.
Все выстрадано. Отболело.

Черна тюрьма. Светла луна.
Как это ощущать непросто:
Ему лишь пуля суждена.
А сыну — вечное сиротство...

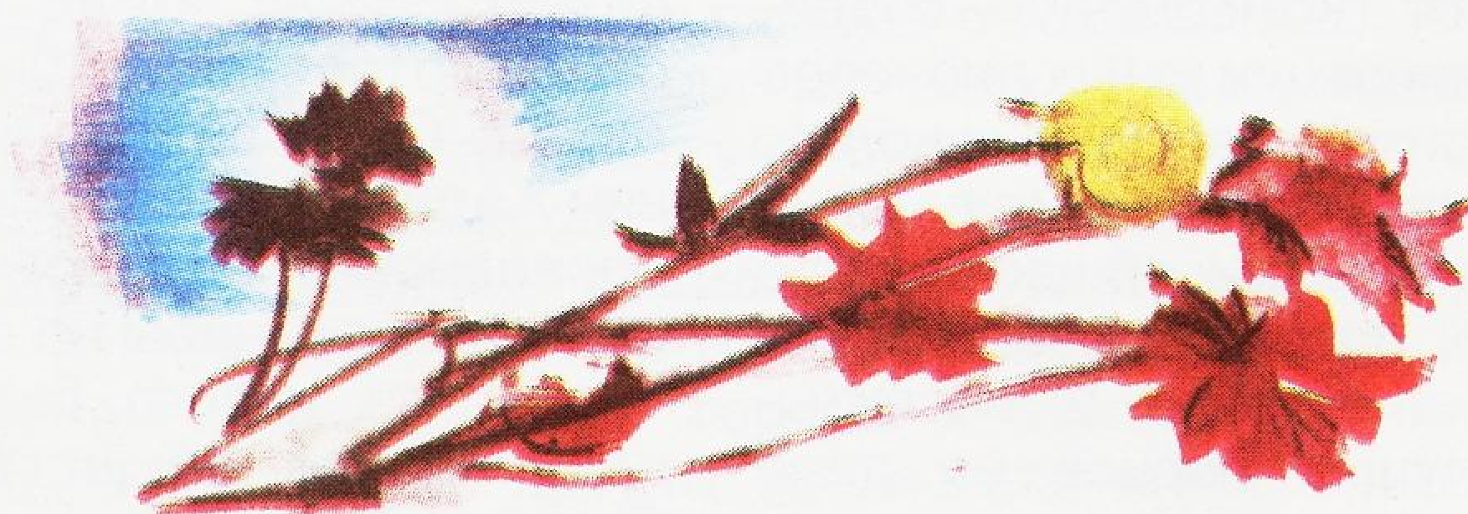
1943 г.

Моему палачу

О, мой палач! У жизни на краю
Не преклоню колен перед тобою.
Отсечь ты волен голову мою —
Я узник твой, но я погибну стоя!

Как жаль, что только сотню палачей
Таких, как ты, мое настигло мщенье.
И лишь за это у страны моей
Я на коленях вымолю прощенье.

Перевел с татарского
Юрий КУШАК.



Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Твои старшие друзья — коммунисты

День открытия I Всесоюзного слета пионеров в далеком 1929 году выдался теплым и безоблачным. На трибунах стадиона «Динамо» собралось более 50 тысяч ребят в красных галстуках и почетных гостей пионерского слета. Они сидели вместе с ребятами, интересовались их жизнью. Это были люди, которые прошли через каторги и ссылки, сражались на баррикадах, громили белогвардейцев в годы гражданской войны, начинали строить новую жизнь на советской земле. Имя им — КОММУНИСТЫ.

Весь стадион замер, когда к микрофону подошел человек высокого роста. Это был Владимир Владимирович Маяковский. И все услышали пламенные строки:

Вперед,
отряды сжатые,
По ленинской
тропе!
У нас
один вожатый —
Товарищ ВКП!

Партия всегда думала о будущем Страны Советов. А будущее — это дети. Им старшее поколение передает революционную эстафету своих свершений.

Первые детские коммунистические группы создавались еще при жизни Ленина. 25 мая 1919 года во время парада Всевобуча (Всеобщего воинского обучения) вождь Октября встретился с юками — юными коммунистами на Красной площади и выступил перед ними, хотя был очень занят. Тогда он сказал пророческие слова — **организация детей — это лучший путь воспитать коммунаров.** В своих воспоминаниях бывший секретарь ЦК РКСМ В. Васюков отмечал, что Владимир Ильич Ленин давал совет комсомолу — создавать организации юных пионеров при фабриках, заводах, школах. Пионерская организация должна прививать детям общественное сознание, приобщать их к революционной борьбе и воспитывать будущих борцов за дело рабочего класса. Коммунистическая партия всегда выполняла этот наказ вождя революции. Коммунисты — старшие друзья пионеров постоянно встречались с юными ленинцами, писали им письма, давали мудрые советы и наказы. Надежда Константиновна Крупская, которая помогала комсомолу создавать пионерскую организацию, не раз говорила, что быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать. Вдумайтесь в эти слова. Сегодня они звучат по-особому. Партия призывает каждого человека строить свою работу по-новому, как можно лучше трудиться. И ты, пионер, вместе с коммунистами и комсомольцами призван вносить свой вклад в свершения народа. Легендарный полководец гражданской войны — Михаил Васильевич Фрунзе учил ребят овладевать военным делом, укреплять дружбу с Красной Армией. И сегодня миллионы ребят играют в «Зарницу», выполняют совет коммуниста-воина. Пламенный трибун Сергей Миронович Киров призывал пионеров изучать историю революции. Этот совет особенно важен сейчас, когда ты и твой отряд готовятся к 70-летию Великого Октября. Михаил Иванович Калинин не раз обращался к деревенским пионерам, считал, что юные пионеры на селе — это «носители нового быта, новых идей, новой общественности». Сегодня, когда весь советский народ трудится над выполнением Продовольственной программы, напутствие соратника Ильича звучит как призыв помогать хлеборобам страны. Первый нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский призывал пионеров крепить связь со школой, прививать ребятам любовь к знаниям. Сейчас идет реформа школы, и ты, и твой пионерский отряд — ее активные участники.

На пионерском сборе, у костра, на политинформации к тебе приходят коммунисты — герои пятилетки, ветераны партии, ученые и инженеры. Они помогают тебе не только советом, но и руководят кружками, секциями, ведут задушевные беседы о том, какой славный путь прошла наша Коммунистическая партия. Их жизнь — пример для подражания. Их советы пионерам — самый точный жизненный компас.

Коммунисты всегда рядом с вами. Многие из них работают в советах пионерской организации, каждый третий старший пионерский вожатый — член КПСС. Это твои старшие друзья-наставники, мудрые советчики и помощники в любом пионерском начинании.

Партия всегда заботилась о ребятах в красных галстуках. То, о чем лишь могли мечтать первые пионеры и вожатые, сегодня есть у вас. Все это создано трудом миллионов, все это надо по-хозяйски беречь. В новой редакции Программы партии предусмотрено расширить сеть пионерских, трудовых и спортивных лагерей, домов пионеров, домов и станций научно-технического и художественного творчества. Так на деле заботятся о тебе твои старшие друзья и наставники — коммунисты.

Партия говорит: «Красный галстук стал революционным символом единения коммунистов, комсомольцев, пионеров».

Пионер, комсомолец, коммунист — вот та дорога, на которой закаляются пламенные борцы за народное счастье.

Виталий **КОРЖИКОВ**

Пусть посмотрит в глаза граница

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Своих родителей и места, где появился на свет, Буран не помнил. А первое, что он запомнил в своей жизни, был солнечный город у большой-большой воды и двор, в котором на длинных веревках болтали лапами веселые полосатые рубахи. По дому, где у Бурана был свой теплый угол и своя миска, ходил высокий человек. Он брал тряпку, вытирал вытекающую из-под Бурана лужу и говорил:

— Что, сынок, опять море? И что с тобой делать? В плавание тебя не возьмут.

Бурану тоже хотелось что-нибудь сказать, но по-человечьи у него не получалось, и он только лизал хозяину руки. Потом в доме появился другой человек — в пограничной фуражке, в крепко пахнущих кожей сапогах, поднял Бурана и спрятал на груди.

Скоро оказался Буран уже среди сопок, во дворе, где было много собак — и больших и маленьких. Они все лаяли, и от этого и Бурану хотелось лаять, и валяться, и прыгать.

Но скоро веселые глупости кончились, Бурана и его товарищей взяли на поводки. Буран куснул свой поводок раз-другой, но вспомнил, как красиво ходят взрослые собаки, и сам пошел на поводке рядом с вожатым — крепко и важно. А вожатый сказал:

— Вот и хорошо! Молодец!

Молодец! К этому слову он скоро привык, как к собственному имени. За бум — молодец, за барьер — молодец. Потому что все, что у других не получалось, у него выходило. А если получалось не сразу, то он сам начинал все делать снова, потому что любил, чтоб у него получалось все.

След он брал хорошо. Как-то его вожатый проложил след по верхам валунов, а не по самой земле. Пустили собак: «Ищите!» Никто не нашел. А Буран понюхал-понюхал: след вроде не по траве идет, а в воздухе качается. И чем ближе к камню, тем сильнее запах. Вспрыгнул Буран на валун — и пошел с камня на камень!

С той поры стали его отличать. Лучшую похлебку — ему, лучший кусок — ему. На показ — его. Он даже стал посматривать на бывших приятелей свысока. И собаки стали поглядывать на него с неудовольствием: «Как бегать — кто-то другой, а как показывать и прикармливать — так Бурана». Это Бурану не понравилось. Но за что его невзлюбили, он понял не сразу.

А вот вожатый, хороший человек, понял с ходу и сказал:

— Пора ему на работу. Портят собаку. Ишь, аристократа сделали. Работать надо!

И повез Бурана на заставу.

Вот тут-то и попал Буран в историю. Но может быть, без этой истории и не стал бы он настоящей честной собакой. А чтобы быть настоящей, собаке нужно чувствовать себя честной.

Рядом с ним в собачнике были еще два пса. Собаки не говорят, но мысли и чувства друг друга понимают на расстоянии. Буран сразу уловил, что означают презрительные взгляды, которые старый Сардар бросал на Пирата — на человеческом языке это означало бы: «Вор и пройдоха!»

Бурану и самому не понравился сытый и нагловатый Пират. Выглядел он и важным, и высокородным, но, глядя на него, Буран вспомнил вдруг далекую-далекую картину.

Однажды на рыжей сопке около питомника появился громадный полосатый зверь и издал сотрясающий горы отрывистый рык. И одни собаки — недавно гордые и заносчивые — сразу забились в клетки и, поджав хвосты, заскулили. А другие рванулись вперед, ощетинились, в глотках

их заклокотало, и они приготовились к бою. Зверь, рыкнув потише, хлестнул себя хвостом по бокам — и ушел. И маленький Буран почувствовал себя крепко и гордо, потому что он тоже, не испугавшись, лаял изо всех сил и готов был броситься в драку. Он был с теми, кто выступил против врага!

Пират, как ему казалось теперь, сразу поджал бы хвост.

Правда, Сардар тоже не совсем пришелся по нутру Бурану. Иногда ему казалось, что старый пес зря скандалит, что бросается он на сетку нахального Пирата из-за того, что тому постелили больше сена... А рычит на вожатого оттого, что вожатый вычистил клетку у Пирата раньше и лучше, чем у него. И только потом Буран понял, что старый Сардар не брюзжит, не скулит, а требует справедливости. Нельзя делать хорошее тому, кто нечестно живет и плохо работает!

А сам Сардар работал очень хорошо. Даже когда лежал у себя в клетке, он работал. Носом и умными глазами он прорабатывал свою тысячу раз исхоженную территорию. Сардар держал ее всю в уме и даже на расстоянии видел и чувствовал, что там происходит: где идет осторожный олень, где роет корешки кабан, где потопал за виноградом медведь...

Однажды повар принес собакам миски с теплой похлебкой. Сардар, понюхав, отошел в угол, чтобы запахи не дразнили, и стал вглядываться в свою территорию, работать. И тут, приподняв край железной сетки, Пират втащил зубами миску Сардара к себе и стал жадно хлебать его еду. Возмущенный Сардар взвыл от негодования. Он бросался на сетку так, что прибежали и вожатый, и повар. Но за это время хитрый Пират успел мордой протолкнуть пустую миску на место, и повар, показав на нее вожатому, сказал:

— Старый стал твой Сардар. Лопать горазд, а бегать — дудки!

И это было несправедливо. Потому что все было как раз наоборот.

Буран видел однажды, как Пират вышел на тропу, понюхал, понюхал, потом заметался, взвизгнул и отчаянно стал смотреть по сторонам, делая вид, что не понимает, куда делся след. Пират притворялся. Вожатый потянул его дальше, но через каких-нибудь сто метров повторилось то же самое. Вожатый пнул Пирата, и Буран обрадовался, потому что это было справедливо! Можно было валять дурака на учебном занятии. Но хитрить, прикидываться на службе было подло. И вожатый так и сказал: «Ну и подловатый пес!»

Старый Сардар такого себе никогда не позволял! Он бежал лучше всех в любую погоду.

Как-то целую неделю шли холодные дожди. И

Крепыш Удар бросался в ноги то к одному, то к другому — ему было весело.

так же часто, как шли дожди, приходилось псам бегать в наряд. Но не трем псам, а двум. Потому что как только пограничники подходили к Пирату, он тут же ложился, клал на вытянутые лапы морду, начинал скулить. И вожатый разводил руками:

— Болен!

Если бы Буран мог, он крикнул бы: врет, он не болен! А болен Сардар! Послушайте, как он хрипит!

Но Сардар скулить не привык. Он поднимался и бежал — в мокрые кусты, в камыши, в злые колючки, потому что его территория должна была быть в порядке!

Как-то под утро после ночной работы Буран вздремнул и увидел во сне теплый большой город и веселые рубахи с полосатыми лапами. Но вдруг в город ворвался нарушитель... И Буран погнался за ним. Началась страшная погоня.

Он открыл глаза и понял, что с его сном смешался сон Сардара. Это Сардар мчался за противником из последних сил, у него колотилось сердце и свистело в груди. Уже наступило утро, а Сардар все гнался, и погоне не было конца... Он должен был догнать нарушителя, хотя, может быть, бежал в последний раз. Настоящие собаки всегда чувствуют этот последний раз.

Буран волновался и скулил, беспокоясь за товарища. А Пират как ни в чем не бывало весело вертел головой.

Но вот к клеткам подошел повар, сунул в клетки миски с похлебкой. Почувствовав, что сейчас должно произойти, Буран насторожился.

Пират протиснул морду в клетку все еще гнавшегося за врагом Сардара, потянул миску к себе... И в тот же миг, перемахнув через ограду, Буран выбил дверь его клетки и впился в подлую морду вора...

Сбежавшиеся пограничники едва вытащили его из клетки и взяли на цепь. Приезжий инструктор развел руками: «Ничего не понятно!» А вожатый, заметив в клетке Пирата миску Сардара, сказал: «Почему не понятно? Все понятно!»

И когда днем Пират без жалоб старательно пошел по следу, вожатому тоже все стало понятно.

А Буран чувствовал себя настоящей, самой настоящей пограничной собакой...

Вот какую историю мог бы рассказать ребятам Буран, умей он говорить.

Теперь Буран сидел у ног Артамонова и то смотрел на сопки — на левый, на правый фланги, по которым, как всегда, шли дозоры,— то поглядывал на ловившего свой хвост Удара, то на ребят, будто спрашивал: «Ну, что еще?»

А Майоров, сбросив наконец балахон «нарушителя», потянулся во весь свой тополиный рост и огорченно вздохнул:

— Вот какая история... Собаки-то, оказывается, вовсе не нужны. А мы-то думали, отряду нужна собака... А собака не нужна!

— Кто это сказал?! — закричали мальчишки.

А полная решимости Поросюша твердо сказала за всех:

— Отряду нужна собака!

— Это же я говорил вообще... А так — какой дурак откажется?! — оправдывался Мышойкин.

— Да? — переспросил Майоров уже совсем другим, радостным тоном и повернулся к инструктору Артамонову:

— Как ты думаешь? Вырастят они хорошую пограничную собаку?

— А что ж,— подумал вслух румяный Артамонов.— Новосибирские ребята вон какую Розу вырастили! Кузнецкие какого Амура пограничникам подарили! А наши что ж не смогут? Смогут!

И тогда Прыгунов, подмигнув ребятам, радостно скомандовал: «Отряд! Становись!» И, оглядев мгновенно выстроившихся мальчишек и девчонок, доложил Майорову:

— Товарищ пионервожатый, отряд пионеров для принятия на воспитание пограничного щенка Удара построен! — и зачем-то сказав: «Доложил рядовой Прыгунов»,— пристроился к ребятам.

Будто насквозь просвеченные солнышком шли ребята домой...

Крепыш Удар бросался в ноги то к одному, то к другому — ему было весело. С пограничниками, конечно, тоже хорошо. Но они народ взрослый, серьезный. А здесь свои — мальчишки!

До совхоза оставалось совсем близко, когда ребята спохватились: а где Удар будет жить?

— Так хоть у нас! — сказал Ломоносов.

Мышойкин усмехнулся:

— Уж больно ты скромен, как я погляжу!

— Хорошо говоришь, чистый Иван Кузьмич! — улыбнулся в ответ Алеша.

— А ты-то кто? — вдруг спросил Мышойкин и посмотрел на Алешу так, что все словно бы услышали обидное слово, которое он хотел добавить.

Зина так и срезала Мышойкина взглядом:

— Не тебе же Удара брать — с ним нужно и вставать рано, и заниматься. Кто кого поднимать станет?!

— Так, может, у Мити оставить? — сказал Ломоносов, хотя хотелось-то ему самому.

Митя забрал бы! Еще как! И самому хочется, и маме в радость! Он представил, как идет по сопкам с «мелкашкой», а возле ног бежит Удар. Но, подумав, сказал:

— За кем потянется — к тому и пойдет!

Это было справедливо.

Мышойкин сразу отвернулся. Зато Поросюша высоко подняла курносый нос и тряхнула косичкой: крепкими лапами Удар то и дело ударялся ей в сапожки, будто сам понимал, что жить отрядной собаке нужно у председателя совета отряда!

— А заниматься с ним как? — погодя спросил Мышойкин.

— Всем вместе! Подниматься на час раньше и заниматься,— решил Митя.

Ребята подходили к дому Поросюши. Как примет нового жильца Зинина мама — Мария Ивановна? А она подхватила, чмокнула щенка в нос и крикнула через забор соседке Таракановой:

— Ну, все, теперь лисе крышка, конец!

— Ты на руки-то его всем не давай, не приваживай,— ревниво сказал Зине Мышойкин.

— Это я-то — все? — изумилась Мария Ивановна.

— Пес-то пограничный! — поддержал Мышойкина Ломоносов.

— Ну раз пограничный — дело другое! — согласилась Мария Ивановна и отпустила Удара на землю.

Он потоптался на месте, увидел дружелюбно вертевшего хвостом лохматого Бобку и, подпрыгивая, начал его атаковать.

Стало вечереть. И, потрепав на прощание щенка, ребята пошли по домам. Ломоносов отправился к санаторию, приглядываясь по дороге к следам. Сегодняшний урок следопытства надо было закрепить!

«Вот это,— заметил он шедший чуть боком отпе-

Иван Кузьмич раскрыл сложенный лист, и в нем оказалась фотография стоящего на сцене мальчика и записка. Он стал читать...

чаток,— след Ивана Антоновича — «Броня крепка». Сразу видно, прихрамывал. Вот здесь лапы Зинкиного Бобика. А это — во быстрые! — от резиновых сапожек Марии Ивановны. Видно, в магазин бегала... То-то Бобка за ней следом катился!»

И тут он услышал шорох останавливающихся колес. Из зеленого газика выглядывал начальник заставы.

— Здравствуй, Ломоносов! — весело кивнул Щербаков.— Из школы?

— Нет, с заставы! — сказал Алеша, радуясь, что его так запросто признали.— Вы-то на правый фланг сегодня ездили, вот нас и не видели.

— Смотри-ка, все знает! — повернулся к шоферу Щербаков.— Ну-ка, садись, рассказывай, что там у вас было. Нам вроде по пути.

— А что было...— сказал, забираясь в машину, довольный Ломоносов.— Занимались на кольцах, на буме, Удара нам вручили на воспитание.

— Смотри-ка! — удивился Щербаков.— Не ожидал, что Майоров такое может — своего любимого пса! Вообще-то, может! Человек он хороший!

— Еще какой! — Алеша, вдруг понизив голос, подумал вслух:— Одна только беда у человека...

— Какая?

— Так сами знаете: ребятам писать надо — а у него ни одного нарушителя.

— Это точно! — согласился Щербаков.— Нарушителя ни одного. За то и знак ему дали «Отличник погранвойск», что на его участке ни одного нарушителя. Может, видал?

Ломоносов кивнул: звезду с силуэтом пограничника он на груди сержанта приметил.

В это время машина подъехала к магазину, возле которого вразвалку сидели шабашники. Щербаков неодобрительно качнул головой — видно, и ему надоели эти фигуры,— а Алеша спросил:

— Товарищ капитан, а если человек переходит все добрые границы, он — нарушитель?

— Ишь,— усмехнулся Щербаков, но подумав, рассудил:— Если переходит наши законы, человеческие границы — то нарушитель. Смотришь, у него и документы в порядке, и у себя дома, а на мой взгляд — нарушитель!

Последнее слово он произнес твердо.

— Мама моя так и говорит про кое-кого,— сказал Алеша,— «переходят все границы». А Иван Кузьмич грустит: какая такая граница — ни нарушителей, ничего, хоть снимай ее с дела!

— Ну это он зря,— улыбнулся Щербаков.— Граница, сам видишь, есть везде и во всем. Между хорошим и плохим, злым и добрым. А что касается нас, пограничников, так я сам каждое утро обменивался бы на границе букетами. Только мы хотим, чтобы на другой стороне этого тоже всегда хотели. И верим, что так будет...

Скоро среди соснового бора забелел санаторий, над ним светлой ниточкой тянулся дымок. Это «Иванов, Бугров, Федоров» испытывал кочегарку: тепло-то тепло, а скоро, глядишь, и сорвутся первые холодные ветры... Щербаков подумал: «И заставе пора готовиться» — и вдруг, повернувшись к Алеше, спросил:

— А ты что с Иваном Кузьмичем не ладишь?

— Так почему не лажу? Лажу! — сказал Алеша.

— А балуешь?

— Не очень. Ну бывает! От скуки! Хотел бы не ослушаться,— улыбнулся Алеша,— да не всегда получается.

— Это как же?

— А так! Кабы нескучно было, так я, может, самым послушным был! Смирным бы не был, а послушным был! — сказал он и вздохнул.— Тут чуть что — нескромный. Скажем, в космос запустят космонавтов. Ведь тоже хочется, правда? А только скажи, в ответ сразу: куда тебе?! И опять — нескромно! А чего же так? Если не хотеть — так ничего и не добьешься!

— И верно! — сказал водитель.
— Ну, а только ответь — так сразу «зазнайка», а то и «безотцовщина».
Щербаков вздохнул:
— Нет, обидеть он не хотел, сорвалось.
— Ясно, не хотел,— подтвердил Алеша.— И все равно неправильно. С отцом, бывало, наговоришься, наспоришься про весь мир, про все дела. Только думай. А тут чуть что — «твое ли это дело?».— Алеша замолчал.
Щербаков нахмурился.
— А где отец?
— Так сварился,— как-то просто и горько сказал Алеша.
— Это как же? — Щербаков повернулся к нему всем корпусом, и зеленоватые глаза насторожились: не ослышался ли... И водитель тоже быстро повернул голову.— Делся куда, что ли?
— Да нет. Сварился,— повторил Алеша.— Тоннель они пробивали бригадой. Он бригадиром на стройке был. Одну скалу пробивали, а из другой как ударит пар, и горячая вода из земли хлынула! Он и навалился на дыру спиной! Чтоб другие-то выбрались...
— Вот тебе и мир, вот тебе и граница! — воскликнул Щербаков и, помедлив, спросил: — Ты-то понимаешь, что это? А? Это же как Матросов! В школе ты про это говорил?
— Нет,— сказал Алеша.— Отец бы и сам ничего не сказал.— И, вспомнив отца, улыбнулся: — Он заводящий был, веселый. Стихи любил, песни любил. А чуть что — говорил: «Тоска — гробовая доска, а песня — птица!»
— Хорошо говорил! — заметил Щербаков.
Тут «газик» влетел на бугор, прямо к воротам санатория. Алеша уже выбирался из машины, когда Щербаков неожиданно остановил его:
— А ты из поморов?
— Ну! — гордо ответил Алеша.— Мы все из поморов, с Беломорья. И отец, и дядьки...
— А у поморов есть крепкий закон: помогать в беде человеку.
— А другого нет! — кивнул Алеша.
— Так помог бы ты Ивану Кузьмичу, а? Он тебе по-своему помогает, учит, хоть и не очень ты ему нравишься... Понимаешь, бывает иногда с человеком такая вещь: жизнь виделась одной, а случилась другой. Думал про границу одно, а она иная. Подвигов вроде бы нет! Вот и подзавял, заскучал человек... Вроде ни сам себе, ни другим не нужен... Бывает так?
— Ну может... бывает...— ответил Алеша, хотя сам такого не представлял.
— Ты покажи Ивану Кузьмичу, что он тебе нужен. Поверни так дело.
Алеша посмотрел: «Как это?»
— Задай такие вопросы, чтоб он чувствовал, что очень тебе нужен, чтоб ему интересно стало! Нельзя нам отдавать людей. Ни тоске, ни скуке.
«Нельзя»,— кивнул согласно Алеша.
— Для этого ведь тоже стоим на границе!
— Ну что ж. Если с умом — попробовать можно! — сказал Алеша так, будто сам получил интересную задачу.
— Вот это пограничный разговор! — Щербаков довольно пожал ему руку.— Это по-пограничному.
«Правильно отец говорил: «Торопись к жизни навстречу, а уж она к тебе с делами сама покатит!» — подумал Алеша.

На пригретой солнцем полянке Артамонов объяснял ребятам, как заниматься со щенком: приказал собаке «сесть» — требуй, чтоб села. Села — погладь, поощри. Легла — поощри опять.
Иногда он выводил из клетки Бурана, и пес легко и охотно показывал молодежи, как красиво выполняются такие приятные поручения. Потом вместе с Артамоновым он смотрел, как берутся за дело ребята, и каждое движение его глаз, ушей, носа выражало или удовлетворение, или недовольство: «Молодец, Ломоносов, молодец, Удар! Смотрите, оказывается, Удар — умница! А это что такое? Ну что это такое, Зина?»
— Поощрить забыла! — раздавался тут же голос Мышойкина:— Поощрить надо!
Но стоило взяться за дело самому Вите, Удар начинал огрызаться, валять дурака, а чаще — не обращал на Витю никакого внимания.
— Ну, кому сказал?! — требовал Витя.
Буран насмешливо косил глазами, а Артамонов вздыхал:
— Нет. Не чувствует он в тебе хозяина.
Возвращались на заставу запыленные, загорелые от работы Майоров и Прыгунов. Лица их поблескивали солнечными подпалинами, гимнастерки темнели от пота, но усталости словно и не бывало.
— Ну, что у нас? Уже бум? Хорошо! — отмечал Прыгунов.
Очередь вести Удара по бревну дошла до Мышойкина, но щенок, вздернув уши, тявкнул, зарычал и, отскочив, с любопытством посмотрел на Витю.
— А знаешь, что он спрашивает? — сказал Прыгунов.
— Что?
— «А сам-то ты умеешь?»
— Да что тут такого! — сказал Витя, взбежал на бум и тут же, замахав руками, слетел вниз.
— Ну вот, видишь! А захотел научить собаку! Ее не проведешь! Учишь бегать — умей сам. Хочешь, чтобы ходила по буму, сам не падай!
— А вы можете? — Мышойкин с ехидцей покосился на Прыгунова. Зина толкнула его в бок.
Но Прыгунов дважды спокойно прошелся по бревну и, сделав быстрое сальто, приземлился прямо возле Мышойкина.
— Вот так! — сказал Ломоносов. А Витя спросил:
— И Майоров умеет?
— Майоров! Майоров умеет все! — подмигнул Прыгунов.— Да что Майоров... Вот и Ломоносов сможет! И Митя, и Зина смогут. Правда? — спросил он у ребят.
— Да и я смогу,— оправдываясь, сказал Витя.— Тренироваться только надо! А бревна нет...
— Да перед школой — два бревна у самой дороги! — так и сорвался с места Алеша.— Притащить, и все!
А строгий прожекторист Ибрагимов, налаживавший рядом прожектор, улыбнулся Ломоносову:
— Хозяйственный. Как старшина. Ржавой банки не выбросит.— Все знали, что старшина на опасных участках навешал заграждений из пустых консервных банок.
Мальчишки рассмеялись, а Зина сощурила один глаз и что-то смекнула.
Через час, позвав на вышку Прыгунова и Ибрагимова, часовой протянул им бинокль: по совхозной дороге три человека тащили на плечах бревно. Впереди шагал Ломоносов, посредине Митя, а сзади, вертя головой,— Мышойкин. Конечно, как Мышойкин сопел, то и дело поднывая: «Поосторожней, не наваливайте!» — Прыгунов не слышал. Но зато он хорошо видел, как, покачиваясь, бревно потихоньку приближалось к школе... А вечером того же

дня чуть не весь отряд по очереди ходил по буму.

Но на этом дело не кончилось.

Через день-другой в совхозе обратили внимание на то, что из кюветов, с задворков пропали все валявшиеся там консервные банки. А еще через неделю, проезжая с КПП, начальник заставы Щербаков заметил за школой среди гигантских зарослей медвежьей дудки и лопуха какой-то непривычный блеск, подошел к краю оврага и увидел возле увешанных банками кустов и веревок второклассников Жучкова и Жукова и первоклассника Ершова.

— Это что такое? — Щербаков показал на банки.

— Застава, товарищ капитан! — сказал, вытянувшись, Жуков.

— А вы что делаете?

— Нарушителя проверяем! Нас Зина поставила!

— Ну и что? Наш человек? — кивнул на Ершова капитан.

— Наш! — крикнули оба.— Из нашего первого класса!

И, садясь в машину, Щербаков улыбнулся: «Ну, кажется, дела пошли...»

Дела шли! Каждый день после уроков Зина выводила отряд малышей к оврагу, расставляла посты, обходила дозором школьный огород Варвары Ивановны и учила мальчишек различать следы, а тем, кто отличился в учебе и охране заставы, разрешала поводить по буму Удара.

Каждое утро шагавшие по гребню Сладкой пограничные наряды замечали, как на соседней сопке поднимались по крутой тропе майоровские пионеры.

Как-то бегущих ребят снизу заметил приближавшийся к школе почтальон Свечкин, в сумке которого лежало большое письмо с штампом «Заказное». Было оно из маленького городка на Волге и летело самолетом к дальней заставе через всю страну целых восемь часов да еще сутки добиралось железной дорогой.

«Интересно, я к ребятам, а они — от меня, да еще по сопке. Это что-то новенькое!» — подумал Свечкин. И вручил конверт Ивану Кузьмичу.

Что касается Ивана Кузьмича, то он-то был удивлен переменами в жизни ребят больше всех. По утрам даже его Витя стал делать зарядку и бегать по буму. Валявшиеся как попало вещи сына теперь — во время сна — лежали, аккуратно сложенные, в готовности, на табурете возле кровати, а ботинки стояли под табуретом — точь-в-точь как у пограничников на заставе.

Но это было только начало!

Однажды утром, поднявшись, чтобы покормить петуха Василия и поросят, Иван Кузьмич изумился еще больше. Во-первых, в семь утра его сына не было ни в постели, ни во дворе. А во-вторых, на крыльце стоял котелок, полный начищенной картошки, а петух Василий и куры клевали насыпанное кем-то зерно...

Алеша Ломоносов все время прикидывал, какой бы толковый вопрос подбросить Ивану Кузьмичу. Вопрос без дела — неинтересно. Слишком замысловатый — «нескромно».

И вот на уроке математики, в самом начале, Алеша встал и сказал:

— Иван Кузьмич, поглядите, пожалуйста, чего-то у меня поезд из пункта А до пункта Б никак не доедет.

Вся школа разом оглянулась: у Ломоносова, и не доедет!

— Третий раз переделываю и все не выходит!

Мышойкин хмыкнул: да ты что?

Удивился и Иван Кузьмич, но подошел, стал всматриваться, просчитал и закачал головой:

Старушка библиотекарша, выложив на стол кипу газет, сразу открыла их на нужной странице. Алеша и Витя склонились над газетой.

— Все торопишься. Вот и ошибся! Цифры-то списал неправильно. В задачник смотреть надо!

Он взял у Алеши ручку, исправил в условии цифру 5 на 3. И поезда спокойно повезли грузы к пунктам назначения.

— Вот спасибо! — сказал Алеша и вдруг, словно сейчас смекнув, улыбнулся:— Вообще-то перепутал я потому, что условие неверное.

Иван Кузьмич склонил голову набок: как так?

— Так поезда-то ползут. Скорости в задачке несовременные,— сказал Алеша.— С такими давно не ездят! Может, поменяем у обоих поездов цифры на новые?

Иван Кузьмич хотел возразить, но, подумав, согласился — и минут десять всем классом меняли поездам скорости. Поезда пошли веселее!

На русском Алеша тоже задал несколько непустяшных вопросов, на истории — еще больше, так что Иван Кузьмич к собственному удивлению разговорился и про Трою, и про Гомера, и про Шлимана. Диво и только! Но вот, посмотрев на часы — время подходило к концу уроков, Иван Кузьмич открыл журнал и к удивлению ребят достал плотно упакованное письмо.

— Ура! От Капусты! — закричал Ломоносов.

— От Варвары Ивановны,— поправила Зина.

Но на конверте было написано незнакомым почерком: «Пионерскому отряду пограничной школы».

Ребята окружили стол. Письмо, побывав у всех в руках, задержалось у Мити. Зина быстро сказала:

— Открывай!

Но тут снова вмешался Ломоносов, рассудил:

— А я думаю, его и открыть и прочитать в самый раз Ивану Кузьмичу.

И, посмотрев на детей, совершенно удивленный Алешей учитель надорвал конверт, вынул оттуда вчетверо сложенный лист и выцветший пионерский галстук.

Ребята наклонились над ним, а Иван Кузьмич раскрыл сложенный лист, и в нем оказалась фотография стоящего на сцене мальчика и какая-то записка. Присев на край парты, он стал читать:

«Дорогие дети, пионеры!

Пишет вам соседка Сережиной мамы. Письмо ваше получила я, потому что Елизаветы Ивановны год уже как нет в живых и ответить вам она не может.

Вы спрашиваете, как жил здесь Сережа Пастухов, что он делал. Жил он хорошо, учился хорошо, маму свою очень любил, поэтому и пошел рано работать, чтобы ей помочь, когда их папа умер от военных ран.

Пионером и комсомольцем он был хорошим, никогда не унывал, много читал. Про что мечтал? Мечтал он о море, а вот вышло защищать нашу землю на границе.

Посылаю я вам его пионерский галстук. Он когда-то носил его сам, а потом повязал моей дочке Маше. Отправляю и фотокарточку Сережи, на которой он читает на школьном вечере свои собственные стихи.

А еще посылаю письмо Елизаветы Ивановны, которое она не успела отправить. Может быть, оно написано вам или старшим вашим товарищам.

Всего вам хорошего на все годы.

А. И. Федорова, тоже когда-то пионерка».

Класс вдруг наполнила новая тишина. Совсем другая. Пограничная.

Зинка насупилась и отвернулась к окну. Алешка мигал, а Мышойкин смотрел на Ивана Кузьмича: чего же остановились? Вот же еще письмо!

Но Иван Кузьмич молчал. Он сосредоточенно смотрел за окно, словно что-то вспоминая. Потом протянул Мите посеревший от времени листок и кивнул: «Читай!»

Митя встал и начал было бодро, но голос его становился все тише и тише:

«Дорогие мои!

Я уже не смогу к вам приехать. Стала, наверное, очень старой: все вижу моего Сережу маленьким, глажу его первые крохотные ботиночки и плачу. И как мальчиком был, вспоминаю, и вижу, как уезжал на границу. И все только не могу представить, как он шел по горам в больших солдатских сапогах. Он ведь был совсем невысоким...

Положите ему на могилу самые лучшие цветы, какие у вас растут, а еще, если есть, одуванчики. Он их любил.

Пусть они ему будут от меня и от всей нашей земли.

Я люблю вас всех и чувствую себя вашей мамой. Живите долго, берегите и себя, и нашу землю, сыночки мои...»

Митя положил письмо на стол. Кто-то всхлипнул. И не пугая горькой непривычной тишины, Алеша негромко сказал:

— А давайте фото посмотрим.

Окружив стол, ребята наклонились над фотокарточкой.

Невысокий, крепкий паренек стоял на сцене, сжав кулаки и запрокинув голову... И было понятно, что он читает: стихи. Читает сильно, горячо.

— Свои...— сказал Алеша.

И к удивлению всех — совершенно четко и спокойно Иван Кузьмич подтвердил:

— Свои.

— Может, остались на заставе?— спросил Митя.

Иван Кузьмич покачал головой:

— На заставе их нет.

Ребята повернулись к нему, а он, нахмурясь и сдвинув седоватые брови, вдруг вышел из класса.

Вернулся учитель с тоненькой школьной тетрадью, на обложке которой было выведено карандашом: «С. Пастухов». С прищуром посмотрел на Алешу и отдал тетрадку ему.

На первой в линеечку странице были какие-то зачеркнутые строчки, потом четким быстрым почерком шли одна за другой записи: «Пока что мне трудно. Очень трудно. Но я постараюсь работать над собой, так, чтобы стало легко. Легко делать дело, нести службу, легко одолевать трудности». «Все еще трудно. Бывает и скучно, и грустно. И чтобы жить правильно, каждую минуту превращать в толковое дело, задаю себе все время главный вопрос: «Что ты сегодня сделал для Родины?» И тогда мысли ищут и находят толковое дело. Тогда хочется жить и преодолевать все. Что ты сделал для Родины?»

А потом пошли отдельные строчки.

Мечтать и верить,
Верить и мечтать!

Рядом еще:

Мы не за славою приехали,
Мы Родину беречь пришли!

И Алеше это понравилось! Всего-то по две строчки. А больше и ничего говорить не надо. Все сказано. Он посмотрел на товарищей. А Иван Кузьмич, с горькой усмешкой сдвинув брови, кивнул: «Дальше, дальше!»

Ребята обступили Ивана Антоновича и, забыв о работе, слушали его.

Алеша перевернул страницу, увидел стихотворение и сначала потихоньку, а потом громче и громче стал читать:

Человек в дозоре —
Не сомкнуть ресницы...
Он мечтал о море,
Выпала — граница!

Выпала граница,
Выпал пост в дозоре
Море только снится —
Если снится море...

Где-то за границей
Громыхает горе.
Там беды и горя —
Море, море, море!

И стою в строю я
Вызван, призван, принят.
И пока стою я —
К нам оно не хлынет!

А прощусь с тайгою,
Поднимусь на взгорье:
Здравствуй, дорогое
Море, море, море!

Под конец Алеша читал это так звонко — будто все это были его собственные слова. Это он живет на границе, он стоит на взгорье и видит впереди родные волны! Иван Кузьмич с горьковатой улыбкой, будто все понимая, показал: дальше, давай дальше! И Алеша, набрав побольше — полную грудь — воздуха, стал читать дальше:

Это часто мальчишкам снится —
Бой, атака, бегущий враг!
Я мечтал о своей границе
(Это позже — о якорях!).

Все казалось, как на ладони:
Вражий выстрел, ружейный сверк!
И горячий огонь погони —
Враг настигнут и: «Руки вверх!»

Но непросто даются горы,
Кровь надсадно стучит в виски —
Все мне выпало: и дозоры,
И походы, и марш-броски,.

Вползь по скалам, бегом по дюнам,
Липок холод, глухая ночь.
Даже просто, а не под дулом
Трудно выстоять, трудно — смочь.

Но не будет счастливой песни,
И не сладость родной дымок,
Если струсил ты в чем-то, если
Ты товарищу не помог;

Если в очи не смотришь прямо,
Если, струсив, покинул бой,
Если Родину, если маму
Ты в бою не прикрыл собой!

Впереди бурелом берложий —
Жесткий ветер, болотный мох —
И граница мне шепчет: «Сможешь?»
Я б, наверно, сам не смог.

Но припомню родные лица,
Волгу, маму на берегу...
Пусть посмотрит в глаза граница —
Я сумею, я все — смогу!

Последнее «смогу» Алеша выложил сильно, твердо, посмотрев на ребят: «Ну как?» И понял, что и спрашивать-то незачем! И так видно: «Хорошо! Ой, как хорошо!»

Темные Митины глаза налились незнакомой силой, а Зинкины синеватые огоньки светились такой решимостью — хватит на всю границу!

— Во стихи! — сказал Алеша, и Иван Кузьмич вздохнул. Сначала он смотрел на слушавших стихи ребят с какой-то ревностью. Не все строчки ему нравились. Но незаметно забыв об этом, он разволновался. Будто в нем самом с этими стихами что-то и росло, и менялось.

Морщинки разгладились, лицо стало уверенней, строже.

— Он сам это написал? — спросила Зина.

— Так собственные! — сказал Ломоносов, — вот же, записаны его рукой!

И вдруг, повернувшись к Ивану Кузьмичу, быстро спросил:

— А что, они где-нибудь напечатаны?

Иван Кузьмич окинул его неприязненным взгля-

дом, но тут же, погасив эту неприязнь, покачал головой:

— Нет.

— Почему?

По лицу Ивана Кузьмича скользнула трудная усмешка, и он коротко ответил:

— Так получилось.

— И никто их не знает?— спросил Митя, а Мышойкин Витя внимательно посмотрел на отца.

— Никто,— твердо, с сожалением и виной сказал Иван Кузьмич.

Что-то прикинув в уме, Алеша позвал ребят:

— Айда на заставу!

Только Мышойкин оглянулся на отца, но уже в следующую минуту догонял остальных.

Забытая и найденная теперь тетрадка взволновала Ивана Кузьмича не меньше, чем ребят. Он долго сидел на ступеньках, смотрел на дальние леса и все думал, думал — и про Пастухова, и про тетрадь, и про собственную жизнь. Ответить на вопрос Ломоносова можно было только, рассказав про все.

Про то, как много лет назад к нему пришел молодой пограничник и принес тетрадку с этими стихами. Иван Кузьмич тоже писал тогда стихи и несколько даже напечатал в краевой газете. Были эти стихи про спокойную жизнь, про спокойную границу. И казались они Ивану Кузьмичу, может быть, лучшими на свете. Все в них было уж так спокойно, что, казалось, на границе и делать нечего. Под стихами были напечатаны его имя, его фамилия: Иван Мышойкин.

Вот к Ивану Мышойкину и пришел пограничник Пастухов.

Стихи пограничника неожиданно Мышойкина встревожили: так у него не получалось. И не в строчках дело. Строчки были очень негладки, неровны. Но вместе они собирались в силу, перед которой Мышойкин вдруг почувствовал какую-то робость. Не всегда это просто признать, что кто-то рядом лучше, сильней тебя!

А главное, не соглашался он с ними. Они будоражили, переворачивали весь тихий настрой, с которым он уже свыкся. Будто в мире никакой тишины и нужно кого-то защищать, бросаться в какие-то трудные дела — и обязательно не за славой, не за орденом! А просто так! Да еще это: «Все сумею и все смогу!» И самонадеянно, и вызывающе — как теперь у Алешки Ломоносова! А попробуй, выполни!

Иван Кузьмич так и собирался сказать на следующий день Пастухову, даже поспорить с ним.

А солдат оставил эту тетрадь на день-другой и ушел навсегда! Ушел навсегда, но смог, смог! Так, как обещал в стихах! И выдержать бой, и Родину защитить! И не спорил, а выиграл спор.

Иван Кузьмич посмотрел на синеющую вдали сопку и подумал: смог, потому что был готов к этому. Потому и стихи написал, которые вон как ребятам глаза разожгли!

И его, Мышойкина, через столько лет снова взволновали. И жить хочется, беспокойно жить, делать что-то нужное, живое! То-то пришлись стихи по душе Алешке Ломоносову. Как ветер в костер.

«Этот ищет,— подумал Иван Кузьмич про Алешу.— Ищет и найдет. Оттого и тревожит свою душу вопросами. Скромности бы Ломоносову побольше. А так он, видимо, в чем-то прав, прав! Вон и Витька за ним тянется...

Да, жаль, что я раньше не достал эту беспокойную тетрадку. Жаль».

Вот о чем думал Иван Кузьмич Мышойкин, глядя на весело бегущие облака, на проносившихся в выси диких голубей, жалея, что столько времени жил не так, не на той скорости.

Может быть, и впрямь стоит бежать за этим нахалом Алешкой Ломоносовым?! Не робеть, брать на себя побольше, веселей, чтобы все — и умные тревоги, и радости — передавать ребятам; и все пойдет, пойдет! Потому что жизнь — это ты. Работаешь, живешь весело — и жизнь жива. Ты застрял — и жизни тошно...

В несколько дней Иван Кузьмич сделал столько, что и за месяцы, бывало, прежде не получалось. И жизнь пошла, пошла интереснее, веселей.

Иногда, правда, он снова, словно споткнувшись о старое, задумывался и становился жестоковато-скучным, но дела торопили! А уж чем дальше, тем больше.

Несколько дней после уроков ребята пропадали по каким-то тайным делам на заставе, у Майорова и Прыгунова, а потом — после занятий с Ударом — собрались в школьном дворе у верстака строгать и пилить оружие для Зининой заставы.

Старых досок и ящиков в дровяном сарае было хоть отбавляй. И каждый из ребят делал оружие по своему разумению, что хотел.

Ломоносов выпиливал автомат, Зина пока только намечала на чурке гранату-лимонку, Витя уже лимонку резал, хотя то и дело отвлекался, чтобы заставить Удара взять барьер, а для разминки и сам прохаживался по буму. Митя вырезал винтовку второкласснику Жучкову.

Работали все с азартом. Иван Кузьмич, довольный настроением ребят, иногда подходил к ним, посматривал. Пожурил Мышойкина, остановился у пыхтевшего с ножовкой в руках Ломоносова:

— Идет?— спросил Иван Кузьмич.

— Идет!— ответил, отирая пот с губы, Алеша.— Только, боюсь, не очень правильно магазин пристроил. На заставе смотрел, а до конца не высмотрел. Да и вообще надо бы поглядеть толковым военным глазом, да тащить на заставу не с руки, и наши в эти дни очень заняты...

Это было удивительное дело — Ломоносов, да не углядел!

«Толкового военного глаза» у Ивана Кузьмича не было, и потому, подумав, он вышел со двора. А через некоторое время калитка распахнулась. И во дворе появился Иван Антонович — «Броня крепка», про которого в совхозе — серьезно или с улыбкой — но говорили всегда с уважением:

— Что, на комбайне Иван Антоныч? Значит, порядок. Тут броня крепка!

Во время войны он был танкистом, воевал с первого до последнего дня, и это была его любимая присказка: «Ну, броня крепка». Был он на пенсии, но в страдную пору садился на комбайн, помогал убирать урожай.

Войдя во двор, Иван Антонович удивленно охнул:

— Ну, броня крепка! Ты гляди! Целая фронтовая мастерская!

Он подошел к Ломоносову, померил рыжими от табака пальцами расстояние до магазина, сделал несколько замеров по дулу и оценил:

— Точь-в-точь! Как надо! Хороший автомат будет! Если б не автомат,— сказал он с прищуром,— мне б давно люк с крышкой прямо возле рейхстага! Бывало, ударят из «фауста» по танку, мы за автомат и — вперед, броня!

— Иван Антонович, а вы точно Берлин брали?— спросил Мышойкин.

— Не только Берлин! И Прагу!— сказал тан-

кист.— И не только Прагу! — Голос его стал звонче.— А еще и по Маньчжурии шли, Китай освобождали! Нам китайские ребятишки в каждом городе и селе «шанго» — спасибо — кричали! — И присев на старую скамью от парты, он махнул рукой.

— А мы историю нашего села писать будем,— сказал Витя.— Так вы для истории годитесь?

Иван Антоныч пожал плечом:

— Ну не знаю... В истории войны про меня писали, а вот для села — вам видней. Видишь! — подавшись вперед, он показал пальцем на их сопку, сопку Пастухова.— По этой сопке мой отец в гражданскую от беляков уходил. А потом они от него. На той скале у отца пулемет стоял. Так что в самый лоб беляков бил, когда они в Японию драпали! Там, поди, еще гильзы где-нибудь с той поры валяются.

Ломоносов присел рядом с ним на землю:

— А когда самураев били, вы тут были?

— Это в тридцать восьмом-то? Слышать, как пушки гремели, слышал. А сами мы не успели, маловаты были.— Иван Антонович улыбнулся:— Мы тогда в этой самой школе «Бородино» наизусть рассказывали,— и тут же нахмурился:— А только мы с братом на тракторы сели — война! «Вставай, страна огромная!» И мы с поля — и под Москву. На то самое Бородино...

— На то самое? — в удивлении спросила Зина.

— На то самое,— кивнул Иван Антонович.— Только я вот — здесь, а брат — все там...

— Мне бы танк! Я бы их всех...— Алеша сжал кулаки.

Учитель, стоявший у края верстака, горько улыбнулся:

— Эх, Алеша, опять «я», опять! Другие молчат, а ты все: «Я бы»...

Алеша хотел было возразить, но тут согласно смолчал.

— Вот рядом с тобой,— продолжил Иван Кузьмич,— в санатории, человек живет. И подвиг совершил, а славы никакой. И не кричит: «Я, я!»

Алеша переглянулся с ребятами: кто такой?

— Видишь, и ты не знаешь! А он есть,— сказал Иван Кузьмич.— В краевой газете года два назад статью «Высота четверых» не читали?

— Что-то припоминаю...— сказал Иван Антонович.

— Четверо из наших краев на высоте были. Сами погибли, а пять фашистских танков и взвод пехоты уничтожили.

— Ну, а он что? — спросил Митя, положив лимонку.

— То-то и дело, что он там тоже был. Да ранен был крепко. Память ему повредило. Но многое помнит. Помнит, как гранаты бросал, как танки горели! А увидел статью, заплакал и говорит: «Это же товарищи мои! Мы там вместе были!» И ранило его именно там. Висок задет.

— Так это же Николай Акимыч. «Иванов, Бугров, Федоров!» — удивился Алеша.

— Скромный мужик,— сказал Иван Антоныч.— И наград-то всего одна медаль. За Победу! Плохой дерево для других не посадит. А этот целую рощу высадил... Женьшеня бы ему попить, так все бы и вспомнил. Вспомнил бы!

Алеша встал, прошелся и, волнуясь, спросил:

— А в газете знают, что Николай Акимыч на этой высоте тоже был?

— Да нет, наверное...— как-то неуверенно сказал Иван Кузьмич.— Человек-то он скромный. Вряд ли стал бы о себе в газету писать.

— А вы?

— Да что ж писать. Тут справки наводить, проверять надо,— засомневался Иван Кузьмич.

— Это верно, дел, конечно, хватит. А надо бы... Надо бы! — заметил Иван Антоныч.

Алеша отложил пилу, отряхнулся:

— Можно, я пойду?

Он оглянулся: не захочет ли с ним кто еще. Но Мите надо было уже к маме. У Поросюши нашлось какое-то свое серьезное дело. Младшим подавно пора по домам.

Зато Мышойкин-младший спросил:

— Можно, и я с тобой?

Иван Кузьмич вздохнул, а Иван Антоныч одобрительно поддержал:

— А ну давайте!

И Алеша с Мышойкиным скрылись в камышах.

По дороге шагали двое пограничников, а рядом с ними — стриженый парень в солдатской форме и Зина.

Дорогу они одолели, не заметив ни медового тихого тепла, ни подсыхающих на бугре ягод, и незаметно оказались у санатория.

Алеша первым прошел по коридору в библиотеку, позвал Витю — «Открыто!» — и, поздоровавшись, спросил у библиотекарши, худощавой быстрой старушки,подшивку краевой газеты за позапрошлый год.

— Это что ж тебя заинтересовало?— удивленно повернула она голову.

— Бой на высоте!— сказал Алеша.

— А!— как-то заинтересованно и удовлетворенно сказала старушка и, выложив на стол кипу газет, сразу открыла на нужной им странице:

— Эта?

— «Высота четверых»!

И Алеша стал читать рассказ про то, как, подбирая в архиве донесения военных времен, корреспондент обнаружил в одном из них сообщение... Зимой 1944 года группа наших бойцов ворвалась на высоту у села Ново-Петривка и несколько часов вела бой с целым взводом противника. Высота стояла на пути контрнаступления фашистов. Пять танков один за другим загорались от их гранат и единственного противотанкового ружья. Когда наша часть, отбив контратаки врага, поднялась на высоту, бойцы увидели дымящиеся танки, разметанные вокруг тела фашистов... И погибших героев. Их было четверо — Иванов, Бугров, Федоров, Базыкович. Эта высота четверых стала одной из страниц великой борьбы за победу. Никогда не будут забыты их имена. Никто не забыт, ничто не забыто!

— Но их-то было восемь!— сказал запальчиво Алеша.— Восемь!

— Так тут четверо!— показал на газету Витя.

— Восемь!— горячо повторил Алеша, и старушка с интересом прислушалась.

— Иванов, Бугров, Федоров, Базыкович, Виноградов, Плоткин, Крысин.— Алеша их помнил наизусть.

— Семь!— произнес Витя, зажимавший пальцы.

— Себя-то он не считал! Себя в тетрадку не записывал.— И Ломоносов, словно у него были свои доказательства, скомандовал:— Пойдем!

Старушка поинтересовалась:

— Вы к Николаю Акимовичу?

Алеша хотел было сказать «к Иванову, Бугрову, Федорову», но теперь почему-то замялся.

— К Котельникову, к истопнику?— помогла она.

— Ну да...

— А может, не надо его тревожить? Он и так, чуть вспомнит войну и товарищей, очень волнуется...

Но Алеша, подумав, прикинув «за» и «против», твердо произнес: «Надо!»

Николай Акимович Котельников задумчиво похлопывал ладонью по тетрадке, собираясь отложить ее в сторону,— дело было предвечернее и можно было идти к телевизору,— когда к нему постучали...

— Ну, что скажете?— с усталой улыбкой поинтересовался Котельников, повернувшись так, чтобы не очень заметен был страшный шрам на лице: уж очень впились в него глазами мальчишки.

— Так чего скажем!— Алеша посмотрел на Мышойкина.— Так и скажем... Это правда, что вы были в бою, про который в газете написано?

Николай Акимович просто сказал:

— Для меня правда. И для товарищей моих правда...

— А для других? Для всех?— спросил Мышойкин.

— А для других — как докажешь?

Он встал, прошелся по комнатушке — от стола до койки — и пожал плечом:

— Бой был десятого января, а справка из медсанбата, где я лежал, у меня за одиннадцатое. Да и что было в конце боя — не помню. Как танки шли — помню, как бросались под них с гранатами — помню, как окружали нас — помню. А что было дальше — не помню!— Он посмотрел на ребят серьезно, прямо.

— А товарищей помните?— спросил Витя.

— Товарищей?!— Лицо Котельникова вдруг дернулось.

Он взял в руки замасленную тетрадь, справляясь с волнением, открыл, и Мышойкин торопливо прочитал:

— Иванов, Бугров, Федоров, Базыкович, Виноградов, Плоткин, Крысин.— Не было только его собственной, Котельникова, фамилии... Потом те же фамилии начинались с новой строки.

Их в тетради — Ивановых, Бугровых, Виноградовых, Плоткиных, Крысиных — хватало уже, может, на целую роту, а он все писал, писал, поднимая друзей в памяти, чтобы навсегда оставить живыми...

— Так что же вы не сообщили в газету?— спросил Алеша.

— В газету? Зачем? Подумают, что прибиваюсь к чужой славе.

— Но вы же там были! И если не про себя, то про товарищей,— сказал Мышойкин.

— Про товарищей?— Он потер голову почерневшей от копоти рукой, глаза его сузились:— Надо вспомнить...

Через несколько минут ребята уже торопились на заставу. Надо было советоваться с Майоровым, Прыгуновым, а то и с Щербаковым.

Вечерело. На ясном еще алом небе появились первые ранние звезды.

Мышойкин оглядывался: вечером по таким зарослям он шел впервые. Вдруг раздался протяжный мяукающий крик. Витя оглянулся, напрягся, а Алеша сказал:

— Не бойся. Это рысь-дура орет. Она сюда не ходит. Кабаны бывают. Вчера старшина Полтавский пристрелил здорового!

Они выбрались на дорогу, прошли еще с полкилометра и разом остановились.

По алой, будто брусничной, дороге шагали двое пограничников, а рядом с ними шел стриженый парень в солдатской форме, с черными погонами военного строителя.

— Я сам к вам,— говорил парень.— Подрался с этим Мямлиным. Не хочу с ним в одном взводе служить. Я сам на заставу шел, к вам проситься.

Но пограничники молчали.

Немного сзади шел старшина. Он отвечал:

— К нам — так к нам. На заставе разберутся.

А сбоку с прыгающим Ударом хмуро шагала Зина Поросюша.

После сегодняшнего разговора Зина не стала задерживаться ни на ребячьей заставе, ни с Ударом, а сразу отправилась в лес. В зарослях у ручья она искала тенистые места: вдруг да мелькнет окруженный шестью острыми листками строгий стебель с горстью алых огоньков наверху. Собирала она и цветы на могилу Пастухова, и вкусные ветки для олешка Борьки... Но первым делом она искала женьшень.

Зина прошла уже следовую площадку, вступила на тропу, по которой Прыгунов водил их к заставе и

стала вглядываться в темные уголки. Как вдруг у ручья, там, где любила сидеть, разглядывая забредшие в озерко облачка, она услышала легкий треск и увидела человека в солдатской форме.

Он то озирался, то наклонялся и горстями плескал себе в лицо воду, будто долго бежал, потом, хлебнув из ладони, утерся рукавом, снова оглянулся и пошел по их тропе.

Зина обмерла. Но тут же испуг отхлынул, и осталась только тревога: что делать? Человек-то чужой, оглядывается...

Она хотела идти за ним по следу, но вдруг решила, что надо дать знать на заставу. Но, еще не добежав до заставы, Зина налетела на Полтавского и двух пограничников. Довела их до самой тропы и видела, как старшина вышел навстречу незнакомому солдату... Тот остановился, достал документы, стал что-то рассказывать... А старшина удивленно закачал головой...

Теперь солдат шел впереди наряда, а Зина и так неожиданно вышедшие из кустарника Мышойкин и Ломоносов слышали, как он говорил:

— Я к вам сам, я сам!

На заставе Полтавский, подойдя к капитану Щербакову, вскинул руку к фуражке и отчеканил:

— Товарищ капитан! За время несения службы на вверенном участке нарушений Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик не обнаружено. При возвращении нарядом с помощью пионерки Зины Поросюши остановлен неизвестный, по его словам, направляющийся на заставу. Сопротивления не оказывал.

— Проведите в помещение!— приказал Щербаков, а задержанный солдат совсем уже растерянно повторил:

— Товарищ капитан, я к вам сам, я хотел проситься к пограничникам!

Но никто ему не ответил.

Пограничники с любопытством смотрели на Поросюшу: отличилась... А ей стало жалко этого нарушителя, который, может, правда, шел к пограничникам, потому что тоже хотел служить на границе.

И Мышойкин вдруг сказал:

— Чего торопилась? Посмотреть не могла, куда пойдет?

Ломоносов вздохнул:

— Одно дело, сам бы пришел, а другое — привели... Решимость должна быть обдуманной...

Хорошо им было говорить! А если бы побежал! А если бы выстрелил? А отчего он не шел по прямой дороге?! Думалось ей всякое, а все равно было жалко.

Щербаков, одним взглядом оценив настроение ребят, сказал:

— Молодец, Зина. Все правильно!— И спросил:— Что, жалко стало? Может, и жалко. Может, и человек хороший. А отвечать придется по всем правилам. Видали, поскандалил с кем-то в части во время службы — и сразу: не хочу служить! А если сейчас в дозоре Майоров и Прыгунов между собой поспорят — так и с заставы друг от друга бегом, а? А если я, капитан Щербаков, вдруг поспорю с начальством или вон со старшиной — брошу заставу и прибегу в космический городок: «Возьмите меня! Надоела граница, хочу в космос!» Что мне скажут, а, Ломоносов? Знаешь?

Ломоносов опустил глаза.

— Ну, знаю...

— И правильно знаешь,— сказал Щербаков.— А скажут мне вот что: «Не в космос тебя, братец Щербаков, надо, а под суд. Тебе Родина пост доверила, а ты его бросил! Кто ты после этого?»

— А что с ним будет?— тихо спросила Зина.

— Разберутся. Лишним не накажут. Если кто-то виноват, что солдата обидели,— и его накажут. В части о нем уже беспокоятся. Мне звонили...— Щербаков потрепал Зину по голове:— Молодец, все хорошо. И то, что сделала, хорошо. И то, что о человеке тревожитесь, хорошо.— И, тут же переменив разговор, спросил у мальчишек:— Ну, а вы с чем на ночь глядя?

— Так опять с человеком!— Ломоносов рассказал про Котельникова и спросил, правильно ли будет написать письма в редакцию газеты, а еще в Министерство обороны, потому что не может быть, чтобы такой человек не был чем-нибудь награжден.

— Ну что ж, правильно думаешь!— согласился Щербаков и опустил глаза: «Жаль, сами не догадались».— Правильно,— сказал он еще раз и добавил:— И мы что-нибудь сделаем.

Дома Алеша спросил у мамы два конверта, в своем углу включил настольную лампу и, достав бумагу, стал писать:

«Товарищ Халин!

Мы классом прочитали в газете Вашу статью про то, как сражались наши солдаты на сопке четверых. Статья хорошая. Только не все в ней правильно. Всех солдат было восемь. И один из них жив. Он многое забыл от тяжелой раны в голову. Но если Вы его расспросите, то все равно сможете написать больше и про всех...»

Потом, подумав, на верху листа написал: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Следующее письмо было такое:

«Очень прошу сообщить, не известно ли Вам что-нибудь про рядового Советской Армии Николая Акимовича Котельникова. Он хорошо воевал. А последний его бой был на Украине в деревне Ново-Петривка под Днепропетровском 10 января 1944 года. Был он награжден каким-нибудь орденом или нет? Пожалуйста, ответьте. Потому что дело это очень важное».

Подумал и подписал:

«Ученик 5-го класса Ломоносов Алексей Иван.».

После «Иван» он поставил точку, потому что хоть отчество в таком деле очень важно, но как-то не очень удобно да и нескромно пока величать себя по отчеству.

Он запечатал письма в конверты, вспомнил, как по дороге Мышойкин предложил подождать с письмами до завтра, и сам себе подмигнул: завтра-то они уже будут качаться в поезде и лететь в самолете. А дел на завтра и так будет с лихвой, «море, море, море!» Ну, если не море, то целый пароход и баржа сзади!

У Ивана Кузьмича забот тоже хватало: если не пароход, то полная лодка, и грести нужно было как следует. Тетради у младших, диктанты у средних, контрольные у старших!

Правда, последнюю неделю ему было полегче. Зина Поросюша и Витя Мышойкин по решению пионерского отряда занимались с младшими. Одна с первачками, другой с второклассниками. И с обедом возни убавилось. И картошка начищена, и овощи перемыты. Поросята-дикари не орут. Василий не беспокоит. Разве что пес Удар забирается в класс во время урока и тянет кого-нибудь гулять, так его призывают к порядку...

Но случались дела и неожиданные.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Салочки-считалочки

На следующий день Сережа с трудом дотерпел до вечера, так ему хотелось встретиться с Чипом. Когда наконец уроки были сделаны, Сережа закрылся в своей комнате, вынул из стола калькулятор и набрал заклинание: 1234 + 5678.

— 6912,— весело крикнул Чип, выпрыгивая из калькулятора.— Привет! Ну, чем сегодня займемся?

— В прошлый раз ты говорил, что до миллиона можешь на пальцах считать. Это странно. Если на руках тысяча, то на ногах тоже тысяча, а вместе — две тысячи? Постой-постой... Ты, наверное, опять будешь по одному пальцу приставлять и все удваивать. Это значит, при каждой комбинации пальцев ног и при каждой комбинации пальцев рук ты будешь новое число получать? Все понял: надо числа комбинаций на ногах, то есть 1023, **перемножить** на такие же числа комбинаций на руках. Ну, для ровного счета пусть 1000 на 1000 — это и будет миллион!.. А расскажи мне, как ты складываешь,— попросил Сережа.

— А я вовсе и не складываю. У меня пальцы в салочки-считалочки играют.

— Что еще за салочки-считалочки? Я таких салочек не знаю.

— А вот какие салочки.— Чип сжал кулачки и приставил их пальцами друг к другу, так что каждый палец против одноименного оказался.

— Левая рука — салочка,— продолжал Чип,— смотри, я левым мизинцем осалил правый. А правила игры такие: если ты сидел, когда тебя осалили,— ты встаешь, а если уже стоял, ты левого соседа салишь и садишься. Вот и все!

— Ну и при чем же тут сложение? — удивился Сережа.

— А это и есть сложение.— Чип хитро прищурился.— Разве не видишь? Давай сложи 1 и 1. Один уже есть — мизинец на правой руке. Вот я осалил его левым мизинцем, он сел, а правый безымянный встал. Помнишь, сколько это? Два. Значит, один и один — два. А теперь левым безымянным правый осалим: тот уже стоит, значит, ему надо средний правый осалить, а самому сесть. Средний правый встал. Это сколько? Четыре. Два и два —4.

— Э...э,— протянул Сережа,— это ты нарочно так подбираешь. А вот сложи-ка 5 и 3 с помощью своих салочек.

— Пожалуйста,— с готовностью ответил Чип.— Значит, 5 — это мизинец да средний палец, поднимаем их на левой руке. Три — это мизинец да безымянный палец, поднимаем их на правой. Левым мизинцем осалим правый. Тот осалит правый безымянный, а сам сядет. Правый безымянный осалит правый средний, сам сядет, а правый средний встанет. Теперь осталось левым средним осалить правый средний. Тот осалит правый указательный, а сам сядет. Что получилось? Указательный палец — это 8, значит, 5+3=8. Видишь, все правильно получается, только надо по очереди салить левыми пальцами такие же напротив, а те уже сами знают, что делать.

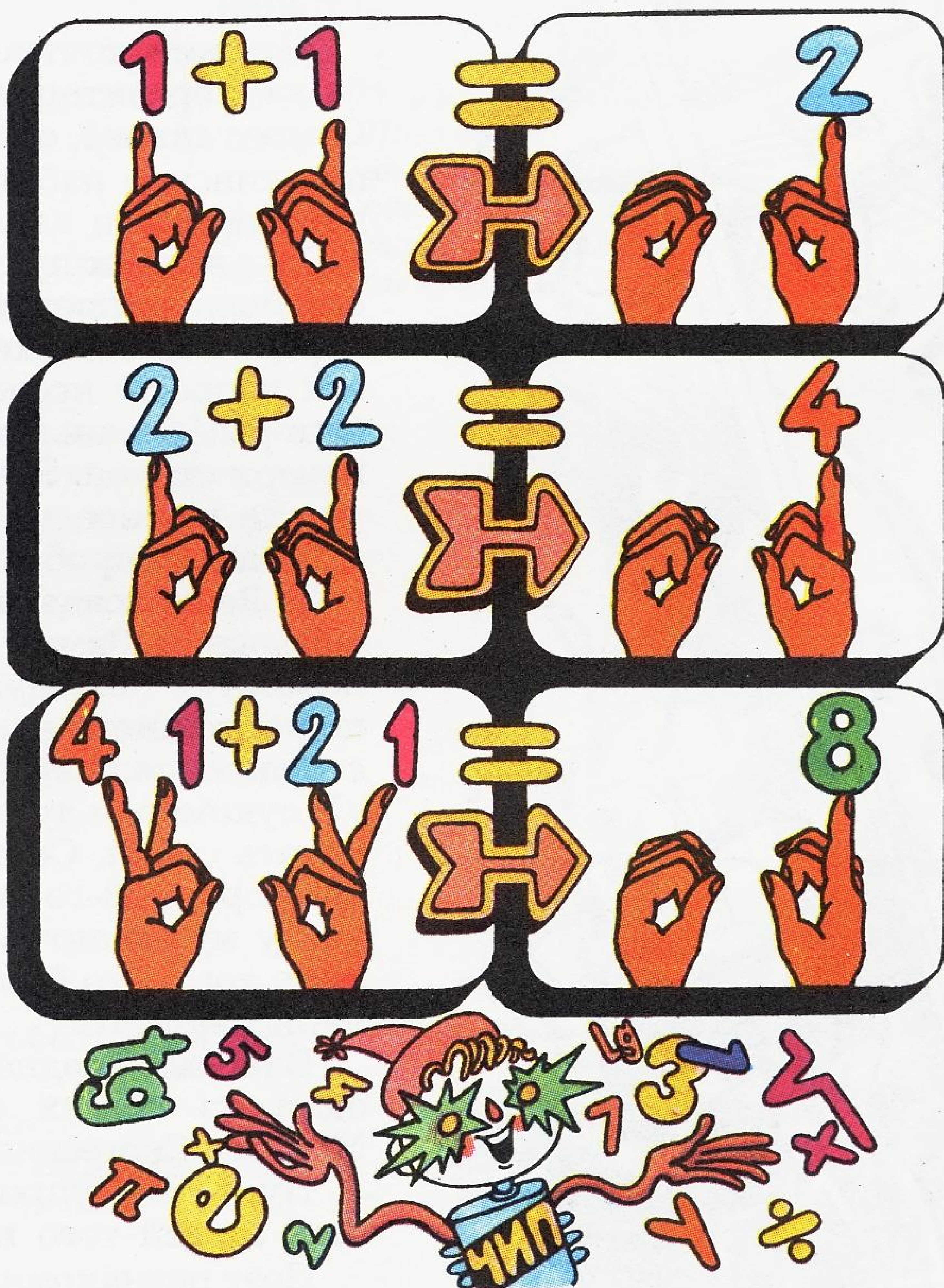
— И что же, так можно до тысячи складывать? — недоверчиво спросил Сережа.

— Ну, на руках — нет, пальцев не хватит,— ответил Чип.— Но ведь это я тебе на пальцах объясняю, а там,— он показал на калькулятор,— у меня целое хозяйство вместо пальцев, там у меня биты. Знаешь, как они быстро в салочки-считалочки играют? Ого-го.

— Послушай, а как же ты умножаешь?

— Не все сразу,— ответил Чип и подмигнул Сереже.— Много будешь знать — скоро состаришься. Это мы оставим на следующий раз.

Рисунки Л. НАСЫРОВА.



Андрей ЧЕРНОВ

БЕСЕДА С ДРУГОМ,

или Профиль на листе №26

Михаил Лунин. Таким его нарисовал в Сибири декабрист Николай Бестужев.

Один художник говорил: «Хочешь понять человека — нарисуй!»

В рукописях Пушкина — сотни рисунков. Пейзажи, звери, птицы. Но чаще — люди. Тут и лукавый сказочный Балда, и Татьяна Ларина, и грозный Пугачев. Тут современники поэта, шаржи на врагов, портреты исторических деятелей разных эпох. Но особенно часто мелькают лица друзей.

Друзья грустят и смеются, слушают, спорят. Готовятся к завтрашним подвигам, вспоминают о прошедшем или просто смотрят куда-то вдаль, за край страницы в рабочей тетради поэта.

Их столько, что, если каждый портрет увеличить и одеть рамкой, потребуется целый музей, чтобы разместить все.

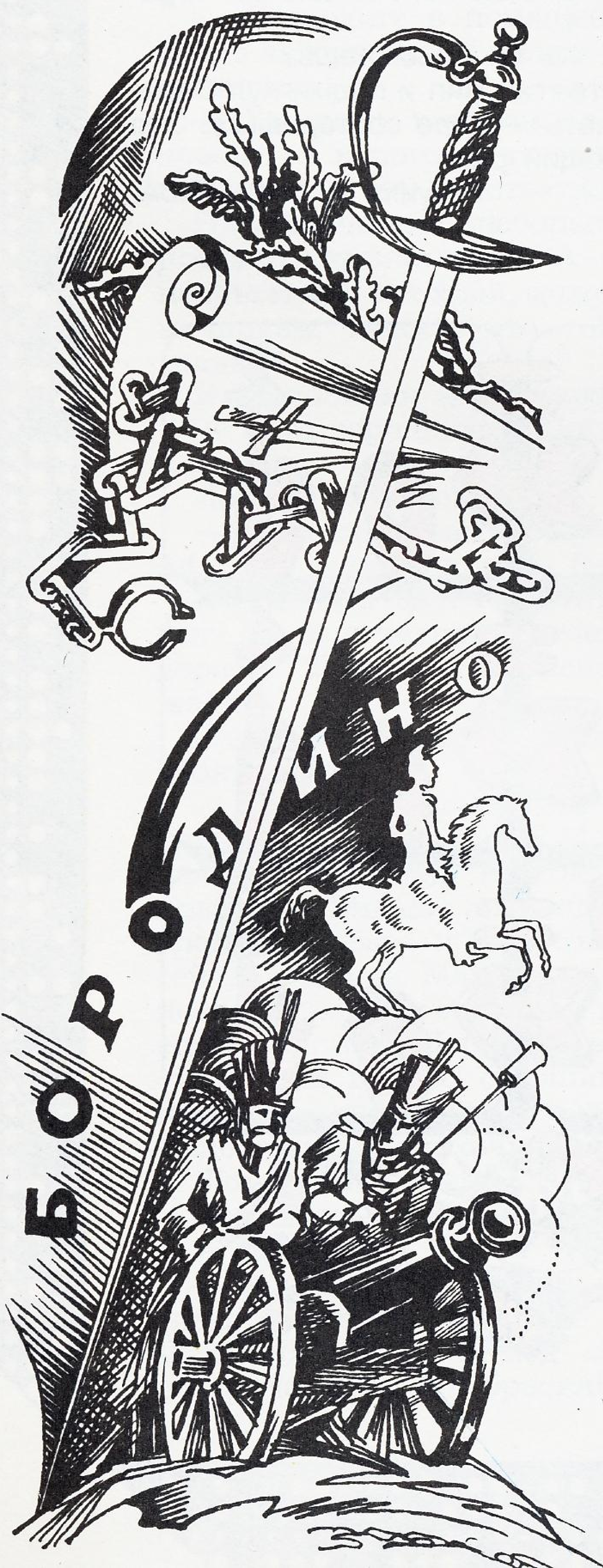
Лица, лица, лица. Ученые, изучающие Пушкина, и читатели великого русского поэта узнали уже около трехсот портретов. А сколько еще неизвестных, или, как говорят специалисты, «неотождествленных», рисунков!

Пушкин почти совсем не рисовал с натуры. Только по памяти. У него была поразительная память и редчайшее умение понимать человека. Самое главное, самое характерное в человеке, его душу — вот что передают пушкинские наброски. Потому и получается: пять-шесть линий, а портрет живет...

Мы читаем пушкинские стихи, и нам хочется знать — в какую минуту они были написаны, о чем поэт еще думал в тот час, нет ли у стихов, как это нередко бывает, какого-нибудь особенного, скрытого смысла? Ответить на эти вопросы исследователям-пушкинистам зачастую помогают рисунки. Они разбросаны на полях рукописей, на чистых страницах, а иногда даже поверх стихов. Значит, если правильно прочитать рисунок, можно узнать что-то важное и о самом поэте.

Итак, попробуем...

В Ленинграде, в комнате-сейфе Пушкинского Дома хранитель рукописей поэта Римма Ефремовна Теребенина снимает с полки большую, похожую, пожалуй, на классный журнал тетрадь. Только я-то знаю, что под обложкой — не пятерки и двойки, а пушкинские стихи. На внутренней стороне обложки пером набросано такое знакомое и родное еще с детства: «У лукоморья дуб зеленый...» Но приехал я в Ленинград не для того, чтобы читать стихи. Сегодня меня интересует только один загадочный профиль на обороте 26-го листа. Сейчас тетрадь встанет на пюпитр (он почти такой, как у музыкантов в оркестре), и я увижу под строкой «Сокрыла ночь...» лицо того, кто был и впрямь «сокрыт в ночи» в 1828 году, когда Пушкин нарисовал его.



В начале двадцать восьмого из Выборгского замка в Читу был переведен один из самых страшных для русского царя «злодеев» — декабрист Михаил Сергеевич Лунин.

Ну, а для Пушкина (и для нас) — это один из отважнейших, благороднейших людей того времени.

Поэт познакомился с Луниным сразу же по окончании лицея. В то время блестящий гвардейский офицер, Мишель Лунин уже все сделал для того,

чтобы через семь лет быть осужденным на 20 лет каторги: это он первым заговорил о цареубийстве, завел «для нужд общества» литографический станок.

Впрочем, тогда об этом знали лишь несколько человек. Гвардия знала другого Лунина — героя двенадцатого года да к тому же задиру и острослова. Лунин мог надерзить самому императору, мог на спор ночью поменять вывески на Невском проспекте, мог даже вызвать на дуэль брата царя.

Власти его побаивались. Пушкин любил. И когда Лунин должен был уехать из Петербурга, Пушкин даже попросил на память прядь лунинских волос.

Их переписка до нас не дошла. Сейчас даже трудно утверждать, была ли она. Может быть, была, и ее постигла участь большинства декабристских писем, дневников и документов: в последний месяц рокового 1825 года десятки, а то и сотни каминов пылали по всей России рукописями декабристов и близких к ним дворян-интеллигентов. Надо было успеть сжечь все опасное до приезда жандармов.

Жег в Михайловском свои бумаги и Пушкин. Потом он сам сокрушался, что в огне погибли среди других бумаг и его «записки», ведь в них шла речь как раз о замечательных людях первой четверти XIX века, а Лунина поэт относил к первым из самых замечательных.

Но, уничтожая свои бумаги, Пушкин нет-нет да и жалел некоторые, особенно дорогие листы. А может, он и тут думал о нас, потомках, зная по своему опыту, что исследователи будущих времен внимательней полицейских следователей и по полунамеку, по одному зачеркнутому слову могут догадаться о многом.

Тот, кто работал с тетрадями поэта, хорошо знает, как много в них вырванных — полностью и не полностью — листов. На обрывке одного из таких документов, у самого края страницы, там, где она вшита в переплет, уцелел набросок лунинского профиля. Поэт нарисовал друга карандашом и даже стал обводить пером. Но портрет почему-то ему не понравился, и Пушкин его аккуратно зачеркнул, пририсовав сверху кинжал: знак цареубийства.

Это было еще в 1820-м. Через десять лет, сжигая декабристскую, десятую главу «Евгения Онегина», Пушкин вновь пожалеет и пощадит листок с именем Лунина:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры...

Мы-то знаем, о каких «мерах» речь. Недаром кинжалом обозначил поэт Лунина на странице рабочей тетради!

Впрочем, есть у этих пушкинских строк и «второе дно».

В одной из од Державина, посвященной царедворцу и екатерининскому вельможе Потемкину, заключен «ключ» к ним:

Друг честности и друг Минервы...

Посмотрите на два пушкинских рисунка. На правом, нарисованном в 1820 году, изображен декабрист Михаил Лунин. Над ним — кинжал, символ «решительных мер». Левый профиль поэт набросал через восемь лет. До сих пор у пушкинистов нет единого мнения — кто это? Исследовательница рисунков Пушкина Лариса Керцелли видит тут декабриста и поэта Александра Одоевского. Я убежден, что это Лунин. По-моему, на обоих рисунках — один и тот же человек, только на левом он старше.

Правда, похоже?

Минерва — римская богиня, почитавшаяся как покровительница ремесел и искусств. У Державина под Минервой имеется в виду сама Екатерина II. Это она сочинила для своего внука, будущего царя Александра I, сказку, героем которой был Решемысл — мудрый придворный. Ода Державина так и называется, – «Решемыслу». Но с тех пор подрос и стал императором Александр, окруживший себя не решемыслами, а аракчеевыми, сгорела Москва, вернулась из Парижа русская армия, покрылась страна сетью тайных кружков. И никакие придворные мудрецы уже не могут спасти монархию. Вот потому-то Пушкин и пародирует державинскую строку, точно выворачивает ее наизнанку. Царедворец, «друг Минервы» превращается в «друга Венеры», а предложенные Луниным «решительные меры» — это замена тех мер, которыми собирался укреплять государство Решемысл.

Вот какая глубина может быть у пушкинской строки. Вот как не случайно стоят в ней слова: за каждым — не один, а несколько смыслов!

Но неужели в пушкинских тетрадях, кроме этих строк и зачеркнутого портрета, больше о Лунине ничего нет?

Есть. Для этого я и приехал в Пушкинский Дом.

Вот она, тетрадь под номером 838. И я уже знаю, что с оборота 26-го листа мне сейчас откроется лунинское лицо...

Нет, все-таки была у друзей какая-то переписка! Иначе откуда Пушкину знать, что Лунин приехал из тюрьмы на каторгу с длинными усами, что он коротко пострижен? Да и само лицо стало взрослей, решительней, резче.

Известно, что Лунин «с оказией» посылал с каторги письма и даже свои портреты. Но не Пушкину, а сестре. А может, и Пушкину?

Найти, узнать портрет — еще полдела. Теперь надо доказать, что это именно Лунин, а не другой декабрист, Александр Одоевский, как это считалось раньше.

Кладу портреты рядом. Нет, у Одоевского нос не прямой, а чуть с горбинкой, волосы мягче, усы чуть другие. Но, самое главное, что так Пушкин рисовал не его, а именно Лунина. И даже сделал ту же ошибку дважды и дважды ее поправил: и на рисунке 1820 года, и на рисунке 1828-го поэт почему-то не сразу нашел, как изобразить переносицу.

Да и не может это быть Одоевский, потому что он родился в 1802-м, и к 1820-му, когда Пушкина выслали из Петербурга, Одоевскому было неполных восемнадцать, и нам ничего не известно о знакомстве юного Одоевского и Пушкина. И профиль на обороте 26-го листа — профиль не двадцатишестилетнего, а сорокалетнего каторжника. Значит, Лунин. Михаил Сергеевич Лунин, один из тех людей, чье имя еще при жизни окружено легендой.

Он дрался под Бородином и получил золотую шпагу «За храбрость», он предлагал проникнуть в штаб Наполеона, чтобы заколоть кинжалом французского императора... Он одним из первых присоединился к тайному обществу декабристов и предложил свои «решительные меры». Недаром же на пушкинском рисунке 1820 года над ним красуется кинжал, а лезвие другого кинжала сохранилось на клочке оборванного листа перед лунинским профилем.

Он стойко держался на следствии, бесил судей своими издевательскими ответами. Он в Сибири, на поселении, не только стал историком декабризма, но и наводнил Россию резкими памфлетами против самодержавия. За это с ним и расправились.

Но об этом вы можете прочитать в книге Н. Я. Эйдельмана «Лунин», которая вышла в серии «Жизнь замечательных людей».

Другой декабрист, Сергей Иванович Муравьев-Апостол, за три года до казни написал по-французски стихи. Приведем их в переводе:

Земным путем пройду до срока,
Мечтательно и одиноко,
Не узнанный при свете дня.
Но там, где небо тьмой одето,
В конце пути по вспышке света
Вы опознаете меня.

Пожалуй, эти стихи декабриста — обо всем поколении, о судьбе прекрасных и чистых людей, которые не хотели мириться с несправедливостью, хотя и могли прожить свою жизнь безбедно.

Это строки и о Михаиле Лунине.

Строго и сосредоточенно его лицо на пушкинском рисунке 1828 года — поэт угадал судьбу, которая ждала его друга.

14 дек. 1825 г.

АКАТУЙ 1845

Оформление Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Александр ПОСКРЕБЫШЕВ

ЗЕЛЕНАЯ ДОРОЖКА

Была зима. Была суббота. Было солнце. Все кругом так искрилось, что даже глаза слепило. И зайчики солнечные скакали.

Гриша взял веник и чистит ковровую дорожку. Нагребет на дорожку снега — сметет. Нагребет — сметет. И снег понемногу темнеет. Откуда только берется зимой пыль?!

«Чи-щу, чи-щу»,— шуршит веник.

— Не спеши, Гриша.— Радуется мать, что сынок у нее такой старательный и не ленится.

Ленится? Зачем же лениться?.. Не каждый день и не каждому дают чистить дорожку.

«Чи-сто, чи-сто»,— повторяет за Гришей веник.

Гриша так увлекся, что не заметил: коврик кончился, и он метет уже просто снег. Остановился, оглянулся. Белым-бело во дворе, а дорожка ярко-зеленая, точно ее только что купили и принесли из магазина. Может быть, это вернулось лето и трава пробилась?

«Тра-та, тра-та-та, та-та»,— стрекочет у Гриши над головой. Стал всматриваться: где она, длиннохвостая дразнилка? На какой ветке?

Вдруг снежинки засыпали Гришу с головы до ног, искристым облаком взвились в воздух. Забегали по снегу зеленые волны. Это мама трясет дорожку руками. И Грише приятно ощущать прохладу снежинок на своих горячих щеках.

«Тра-та, та...»,— затрещало совсем рядом. И только теперь Гриша заметил сороку.

— Я тебе покажу,— погрозил веником.

Сорока глянула любопытным глазом и затрещала еще сильней: «Тра-тра, тра-та-та-та-та...»

Гриша хотел дотянуться веником до сороки, но сверху слетел снежок и прямо ему за шиворот. Гриша даже присел от неожиданности и стал выгребать снег варежкой. А варежка-то сама в снегу!

— Кто это тебя так обвалял? — удивляется мама.

— Сорока,— говорит Гриша.— Смотри, смотри! Гуляет по нашей дорожке... Вот!

— Ей, наверно, холодно, ножки замерзли!

А сорока тем временем клюет, щиплет шерсть.

— Что делает...— шепчет Гриша.— Всю дорожку проклюет...

Сорока уже держит в клюве зеленый клочок.

— Это она себе в гнездо, чтобы теплей было,— пояснила мама.— Кыш, кыш...

А сорока будто не слышит. Взмахнул руками Гриша, варежка слетела с руки и упала на дорожку. Дорожка зеленая, варежка красная, а кругом бело!

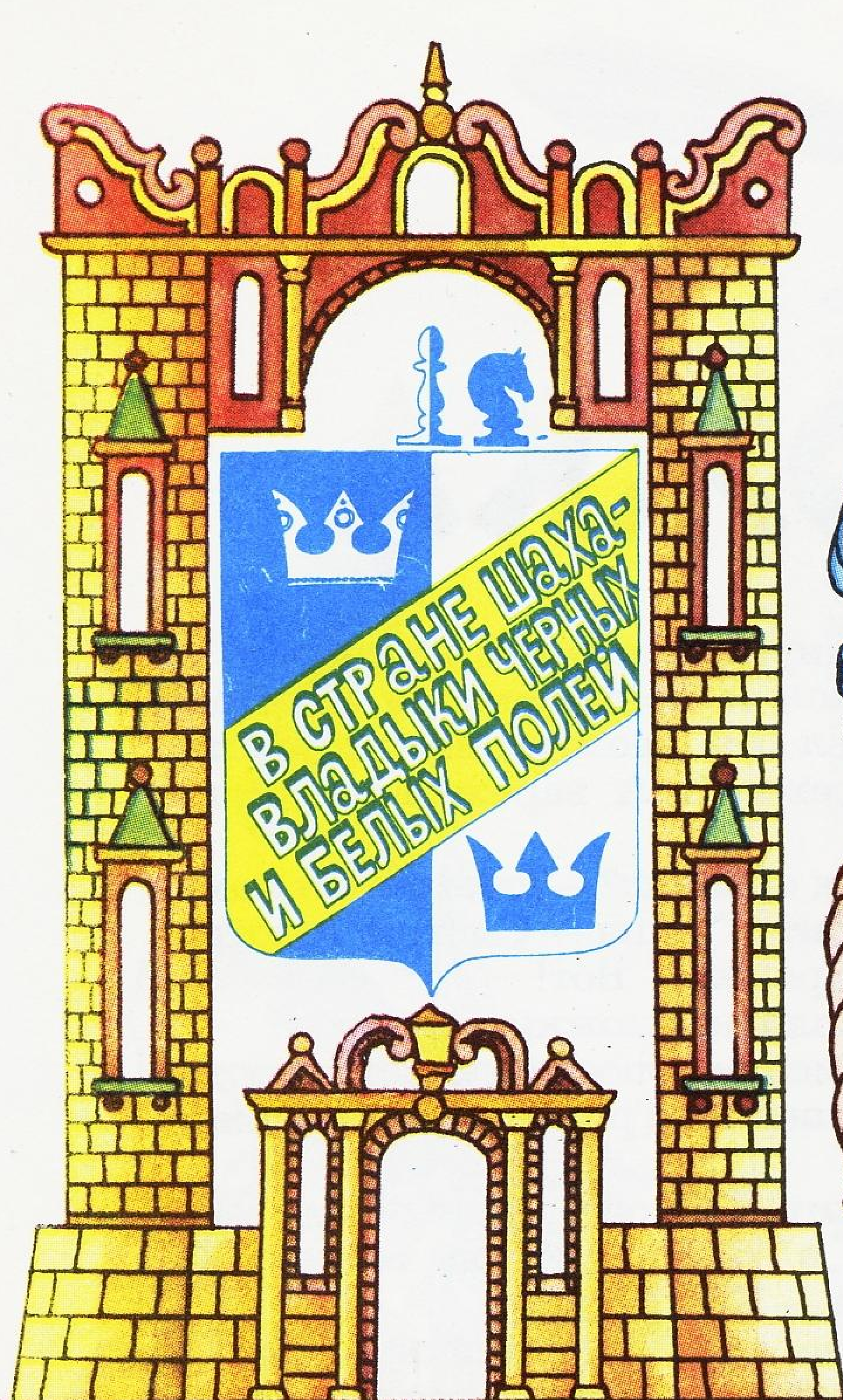
Сорока подпрыгнула разок-другой, раскинула крылья. «Сейчас варежку схватит»,— решил Гриша. Подбежал, упал на дорожку и подмял варежку под себя.

Сорока затрещала сердито, но не выронила из клюва зеленый клочок и улетела.

Подтянула мама дорожку к себе, а на дорожке и Гриша поехал к маме, точно на машине. Ехал и хохотал во все горло. Смешинка напала. Потом поднялся, подобрал варежку и стал вместе с мамой сворачивать дорожку.

Пересказал с белорусского
Владимир ПРИХОДЬКО.

Рисунок А. ДЕРЖАВИНА.



Самый молодой!

В этом номере журнала мы отвечаем на письма ребят, участников нашего заочного конкурса «Белая ладья». Конечно, значительное место в нашей почте занимают письма о матче на первенство мира. С волнением следили многие любители шахмат за спортивной и творческой борьбой в этом замечательном соревновании.

РЕБЯТА ПОЗДРАВЛЯЮТ С ПОБЕДОЙ ГАРРИ КАСПАРОВА, СТАВШЕГО ТРИНАДЦАТЫМ ЧЕМПИОНОМ МИРА. ГАРРИ КАСПАРОВ — САМЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕМПИОН МИРА ВО ВСЕЙ СТОЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ СОРЕВНОВАНИЙ ЗА ШАХМАТНУЮ КОРОНУ.

«Интересно, когда впервые встретились за шахматной доской Анатолий Карпов и Гарри Каспаров? — пишет **Жанна Пиримкустова** из Чимкента. — В школе у нас скоро будет организован шахматный кружок, и ребятам будет интересно посмотреть эту партию».

Давно это было, десять лет назад. Тогда в Ленинградском Дворце пионеров проходили соревнования на приз газеты «Комсомольская правда». Команду Бакинского Дворца пионеров возглавлял Гарри Каспаров. В сеансе одновременной игры, который проводил чемпион мира Анатолий Карпов, тринадцатилетний бакинец получил хорошую позицию, но затем увлекся тактическими ударами, недооценил силу атаки белых и потерпел поражение.

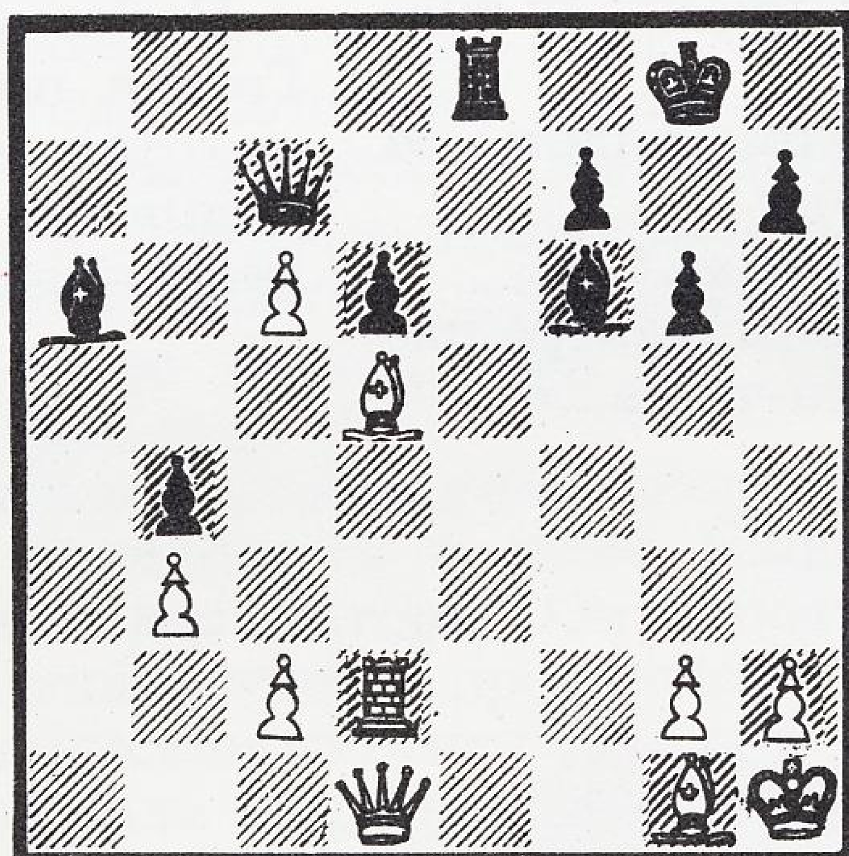


Диаграмма № 1

К этому положению пришла партия Карпов — Каспаров после 28-го хода белых. Далее события развивались так: 28...Сf6—c3 (надежнее было 28... Крg7) 29. Cd2—f2 Ле8—e1 30. Фd1—f3 Сc3—d4 31. Cd5:f7+Крg8—g7 32. Cf7—c4! Этот коварный ход Гарри не оценил по достоинству. Грозит мат на f8, под ударом слон а6.

32...Ле1:g1+ (Больше шансов на спасение давало 32... С:f2 33. Ф:f2 Л:g1+ 34. Кр:g1 Ф:c6.) 33. Крh1:g1 Cd4:f2+ 34. Крg1:f2 Са6:c4 35. b3:c4 Фс7—a7+ 36. Крf2—e2 Фа7—d4 37. Фf3—d5.

Проходная пешка с6 представляет грозную силу, и белые вскоре реализовали свой перевес.

Конкурс «Белая ладья»

В журнале № 10 за прошлый год мы провели первый тур заочного конкурса «Белая ладья». Расскажем, как решаются три конкурсных задания.

Задача-двухходовка.

1. Kd4—c6! Только этот неожиданный красивый ход ведет к цели. «Мне это задание понравилось больше остальных», — пишет **Юра Васильев** из Челябинска. С ним согласны многие ребята.

Задача-трехходовка.

1. Са5—d2 Крh5:h6 2. Фd4—h4+ Крh6—g7 3. Cd2—c3 мат. Задача, к сожалению, имеет второе решение: 1. Фg4+ Кр:h6 2. Ф:h3+ Крg7 3. Сс3 мат.

С этой задачей в двух ее вариациях справились почти все участники конкурса.

С решением этюда дело обстоит хуже. Предлагались разные предложения — 1. а6— а6, 1. Kg4:h6, но они к победе не ведут. Правильно 1. Kg4—f6! Вот что пишет **Женя Каждан,** ученик 5-го класса минской школы № 1: «Если теперь 1...gf, то 2. gh, и пешка проходит в ферзи. Или 1... K:f6 2.gf gf 3. а6 Крс6 4. а5. Теперь черный король прикован, а каждый ход пешкой ухудшает положение черных — они проигрывают.

РЕБЯТА ПОЗДРАВЛЯЮТ С ПОБЕДОЙ ГАРРИ КАСПАРОВА, СТАВШЕГО ТРИНАДЦАТЫМ ЧЕМПИОНОМ МИРА

Гарри Каспаров — самый молодой чемпион мира во всей столетней истории соревнований за шахматную корону.

Шахматы — в школах

Во многих школах ребята рассказывают о шахматных делах в своих школах. Не радует то, что далеко не во всех школах есть шахматные коллективы, проходят турниры «Белая ладья».

Вот, например, что пишет **Дима Кудряшов** из Рязани: «У нас в школе № 50 шахматного кружка нет, а соревнования «Белая ладья» не проводятся». Таких писем немало.

А вот что рассказывает **Коля Плахов** (п. Родники Донецкой области). «В нашей школе нет шахматного кружка, но мы, ученики 6-го класса, иногда собираемся после уроков, решаем задачи, этюды, просто играем в шахматы. В соревнованиях «Белая ладья» не участвуем».

А почему бы тебе, Коля, не организовать настоящий турнир у себя в классе и в пионерской дружине? Ребята могли бы получить спортивные разряды, а команда школы смогла бы играть в районных соревнованиях клуба «Белая ладья».

Не надо ждать, что кто-то придет и все для вас организует. Надо и самим активнее быть, проявлять инициативу.

Это можно пожелать **Сереже Фролову** из Солнечногорска (Московская область), ученику 96-й челябинской школы **Максиму Удодову**, москвичам **Игорю Никитушкину, Юре Павловецкому** и многим другим юным любителям шахмат.

Главный приз — шахматные часы — судейская коллегия присудила **Сереже Булатову** (с. Раменье, Шаховский район Московской области).

Шахматными книгами премируются Юра Постельга (г. Волгоград), Женя Каждан (г. Минск), Дима Кудряшов (г. Рязань), Наташа Фарафонова (г. Липецк), Костя Копылов (г. В. Пышма, Свердловская обл.), Антон Тайманов (Казань), Алексей Клочков (г. Одинцово, Московская область), Коля Душин (г. Иваново), Юра Васильев (г. Челябинск), Глеб Архипов (Минск), Митя Тараскин (г. Суворов, Тульская обл.)

Три по три!

Во второй тур заочного турнира клуба «Белая ладья» включены три задачи, в каждой из которых мат достигается в три хода.

Пятнадцать победителей конкурса получат награды нашего журнала. И снова обязательное условие: рассказать о шахматных делах в своей школе, в соревнованиях клуба «Белая ладья». Ждем ваших писем, ребята. Не забывайте указывать свой точный адрес, а также номер журнала, в котором опубликованы задания.

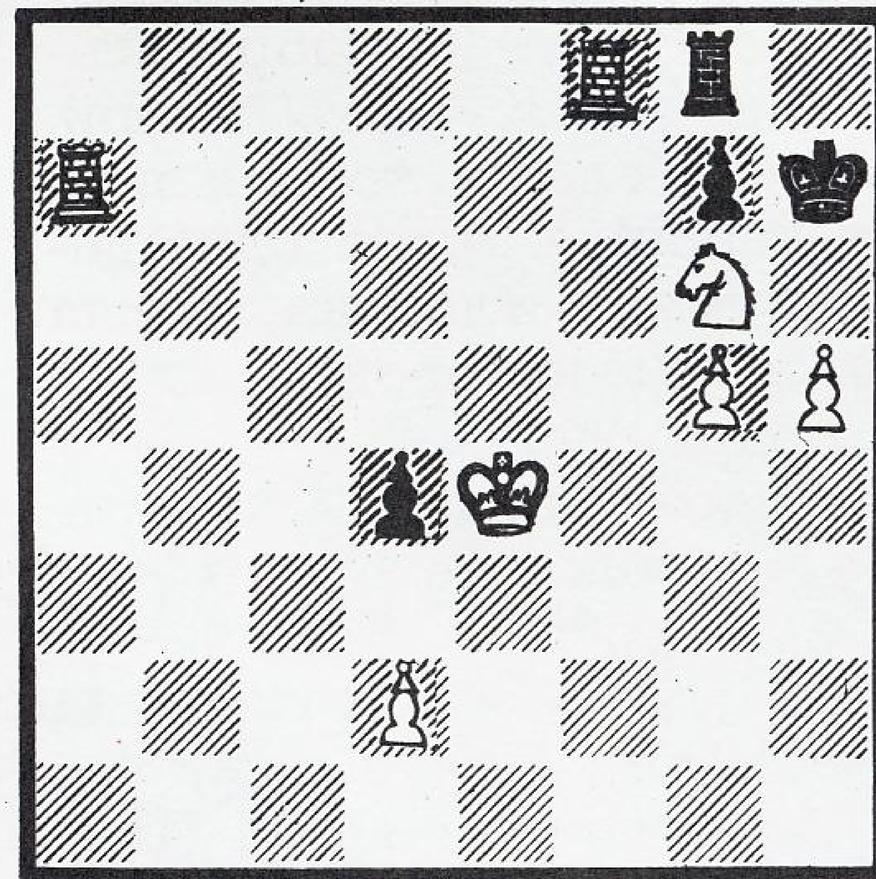


Диаграмма № 2

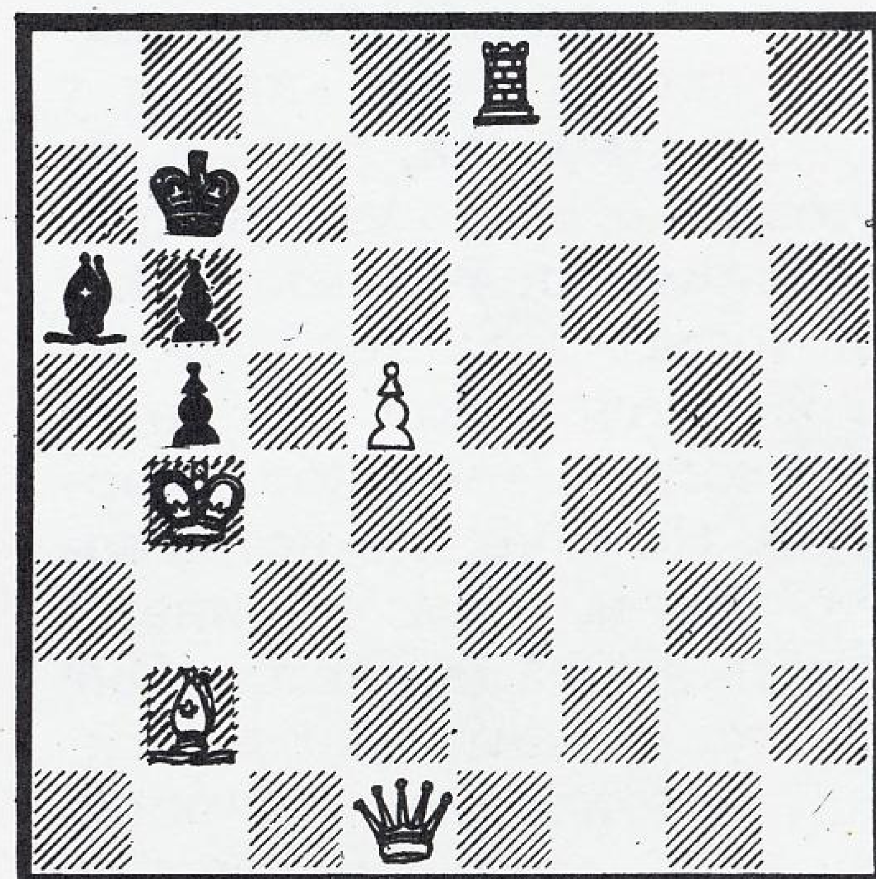


Диаграмма № 3

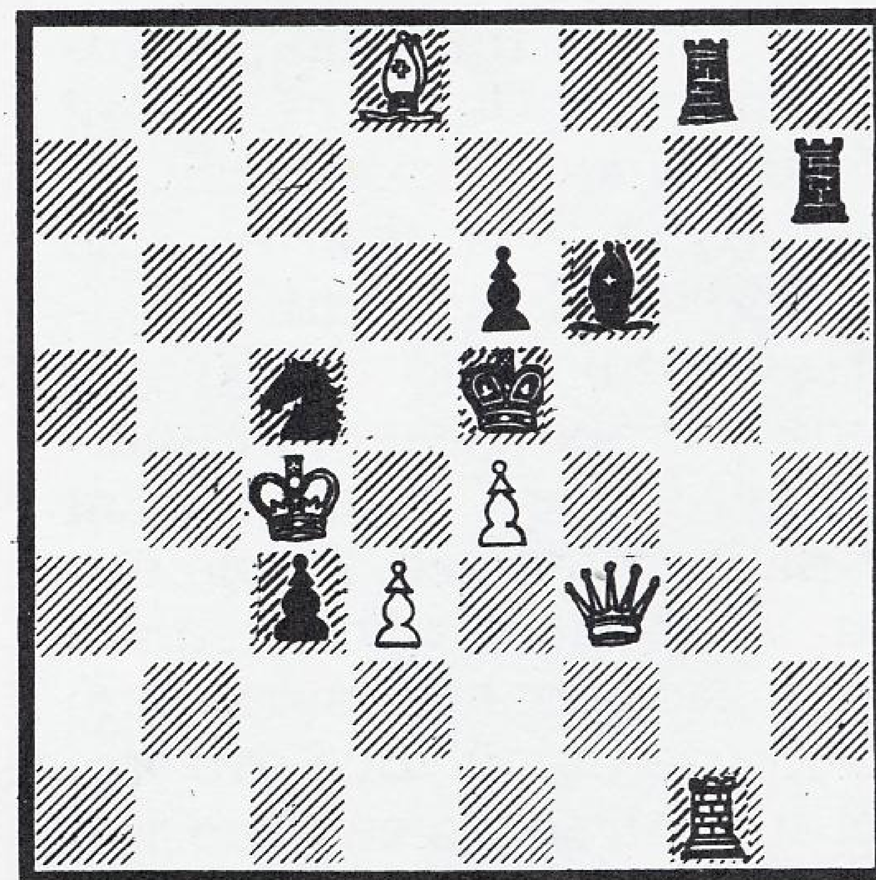


Диаграмма № 4

100 советов Золушке

Лицо, или О чем не договорили как-то раз...

— Как-то раз, Фея, вы прочли мне у зеркала целую лекцию о лице,— сразу начала Золушка, едва успев поздороваться.— Надо, мол, быть умной, доброй и так далее, тогда и лицо будет хорошее. А вот одна девочка и умная, и добрая, а кожа у нее на лице нехорошая, смотреть неприятно.

— Я тебя понимаю,— ответила Фея,— вовсе не значит, что умная и добрая девочка не должна уметь ухаживать за своим лицом, чтобы кожа его была здоровой и чистой. Одно другому не мешает. И научиться этому надо именно в твоем возрасте. Пока Золушка маленькая, кожа у нее, как и у всех детей, нежная, чистая, не требующая особого ухода, кроме своевременного умывания. У некоторых золушек она такой и остается. Такой тип кожи косметологи называют нормальной. Но у большинства золушек, когда они начинают взрослеть, кожа меняется. Она становится — опять же вспомним косметологов — жирной. Лоснится, могут появиться прыщики, угри, покраснения. Именно на это и жалуются многие золушки в письмах, которые я получаю. За такой кожей надо тщательно ухаживать.

Умываться дважды в день теплой водой с хорошим мылом. Намылив мягкую круглую щеточку, старательно очищаешь круговыми движениями кожу на подбородке, возле носа, на лбу. Умывшись теплой водой, долго ополаскивать лицо очень прохладной. Все это касается и шеи, мыть ее надо так же тщательно. Уши, заметим мимоходом, хоть и не нуждаются в столь нежном уходе, мыть хорошо бы каждый день. Кроме умывания, лицо в течение дня очищаем лосьоном для жирной кожи.

Два раза в месяц (повторяю, если кожа жирная) делаем паровую ванну. Смысл ее: глубокое очищение кожи, так как прыщики оттого и появляются, что поры загрязняются, заку-

поривались. Заварив в кастрюльке липовый цвет или ромашку или просто вскипятив воду, наклонимся над ней, накрыв голову полотенцем, и посидим так минут десять — пятнадцать. Но так, чтобы не обжечься; пар не должен быть слишком горячим.

А вот если кожа в прыщиках, если их много и они воспалены и долго не проходят, лучше обходиться без воды. Протирать кожу слабым раствором календулы: ложечка кипяченой воды, ложечка настойки календулы. Сами прыщики аккуратно подсушивать салициловым спиртом. И вообще, если дело худо, попросить маму сводить тебя к врачу-косметологу для лечения кожи.

Обязательно обратить внимание на еду. Хлеб лучше есть черный и немягкий, меньше сладостей, мучного, больше зелени, витаминов. Важно, чтобы правильно работал желудок. Иногда именно плохая работа желудка и бывает причиной полноты и прыщиков. Хорошо утром выпивать сырого молока. Или помазать сливу медом и съесть такой компотик. Много двигаться, и двигаться на свежем воздухе.

— Да,— сказала Золушка, которая до сего момента внимательно слушала и даже кое-что записывала,— выполнить все это не так уж просто. А вот у нас одна девочка в классе, знаете что сделала? Накрасилась. Пришла — красавица, кожа золотистая, гладкая, на щеках румянец, я ее даже не узнала. Даже позавидовала, то есть нет, не позавидовала, а подумала: что же я-то такая бледная...

— Я очень тебе верю, что ты ее не узнала. Некоторые неразумные золушки так злоупотребляют косметикой, что маме трудно их узнать, не то что одноклассникам. Я пока не говорю о том, как это выглядит, но, ради бога, хотя бы из-за соображений гигиены пойми: жидкая и компактная пудра, румяна — это в твоем возрасте самый верный путь испортить кожу. Кожа жирная, поры и без того загрязнены, нужно очень хорошо ее очищать, а твоя одноклассница покрывает ее таким ужасным воздухонепроницаемым панцирем. Да еще не дай бог, если она делает это постоянно. Через некоторое время, смыв однажды такую раскраску, ей страшно будет увидеть себя в зеркале, и даже врачу лечить такую кожу будет трудно.

— Да, но как она выглядела, мы все просто ахнули...

— Я понимаю. Это одно из самых трудных дел — убедить девочек, что косметика и краска им не идут. Даже самые разумные, порой оставшись наедине с зеркалом и маминой косметичкой, поддаются соблазну себя раскрасить. Тон, тушь, румяна. Трудно и даже невозможно их разубедить. Знаешь, почему? Редко кому, даже взрослому человеку, удается увидеть себя как бы со стороны. Тем более это трудно девочке. Ведь девочки в своем воображении видят себя не такими, какие они есть,— они видят себя взрослыми. Поэтому, глядя в зеркало, они думают, что черные намазанные тушью ресницы, тени на веках делают глаза красивыми, пятна румян украшают щеки. На самом деле (я не надеюсь тебя убедить, но хотя бы поверь на слово, просто даю тебе клятву феи), если бы им удалось увидеть себя такими, какие они в этот миг на самом деле, им стало бы очень грустно и смешно. Раскрашенное лицо девочки выглядит вульгарно. Признайся, ты не хочешь выглядеть вульгарно?

— Не хочу, но...

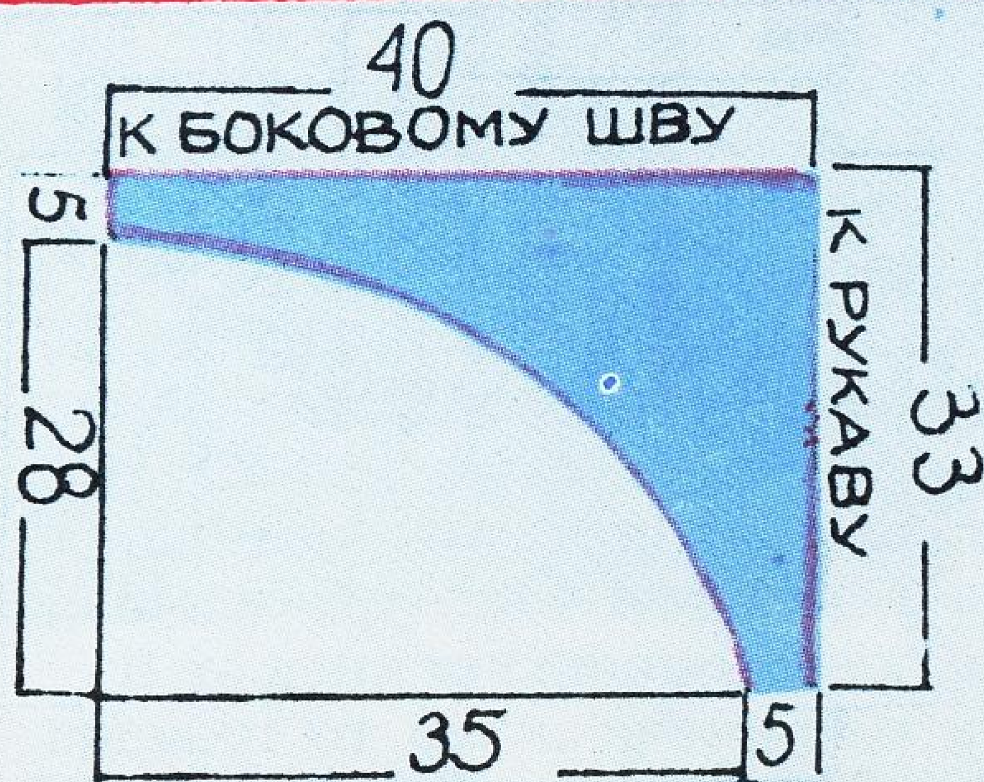
— Все. Больше аргументов у меня нет. Через несколько лет убедишься сама; грим, косметика, краска тебе были совершенно ни к чему. В крайнем случае, я уже говорила, обмахнуть пудрой нос. Ибо, как говорила героиня одного любимого мною литературного произведения: «Даже если умираешь от горя, вовсе не обязательно, чтобы при этом блестел нос».

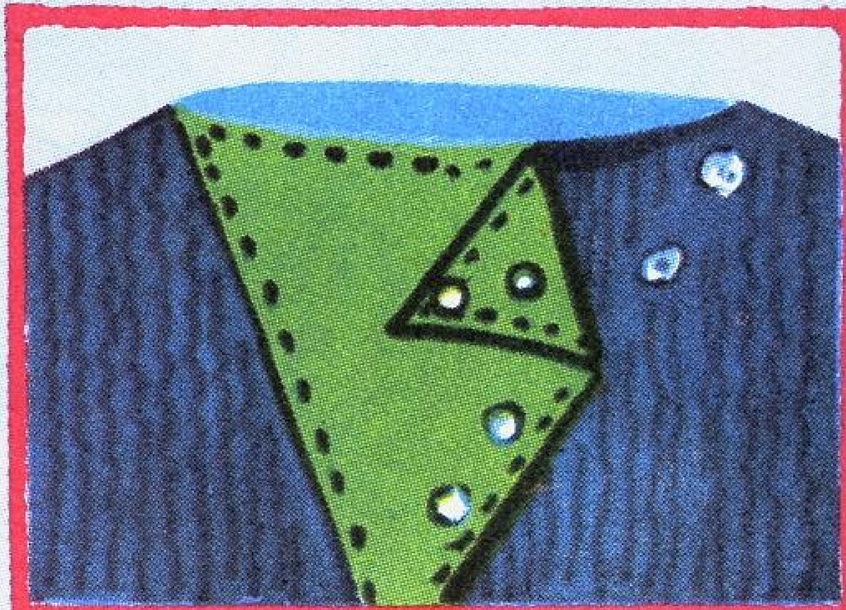
— Фея, но вы ведете себя просто как диктатор, как настоящий взрослый человек: делай так, и только так. А почему? А если...

— Ты не будешь делать «так»? Ну что же, вовсе не каждая фея, дающая советы, надеется, что их выполнят. Но все равно их дают. Это у них просто неистребимая привычка. К тому же советы все-таки время от времени выполняются. Меня очень утешают письма золушек, которые я получаю. Видишь ли... Дело не в том, что взрослые умнее детей, это не так. Но все-таки у них есть кое-что, чего у ребенка нет. А именно, опыт. Опыт — самое волшебное, что есть у феи. Так что подумай.

...Как-то раз (а именно в номере одиннадцатом) я обещала, что сундучок будет с продолжением.

Обещание выполняю.



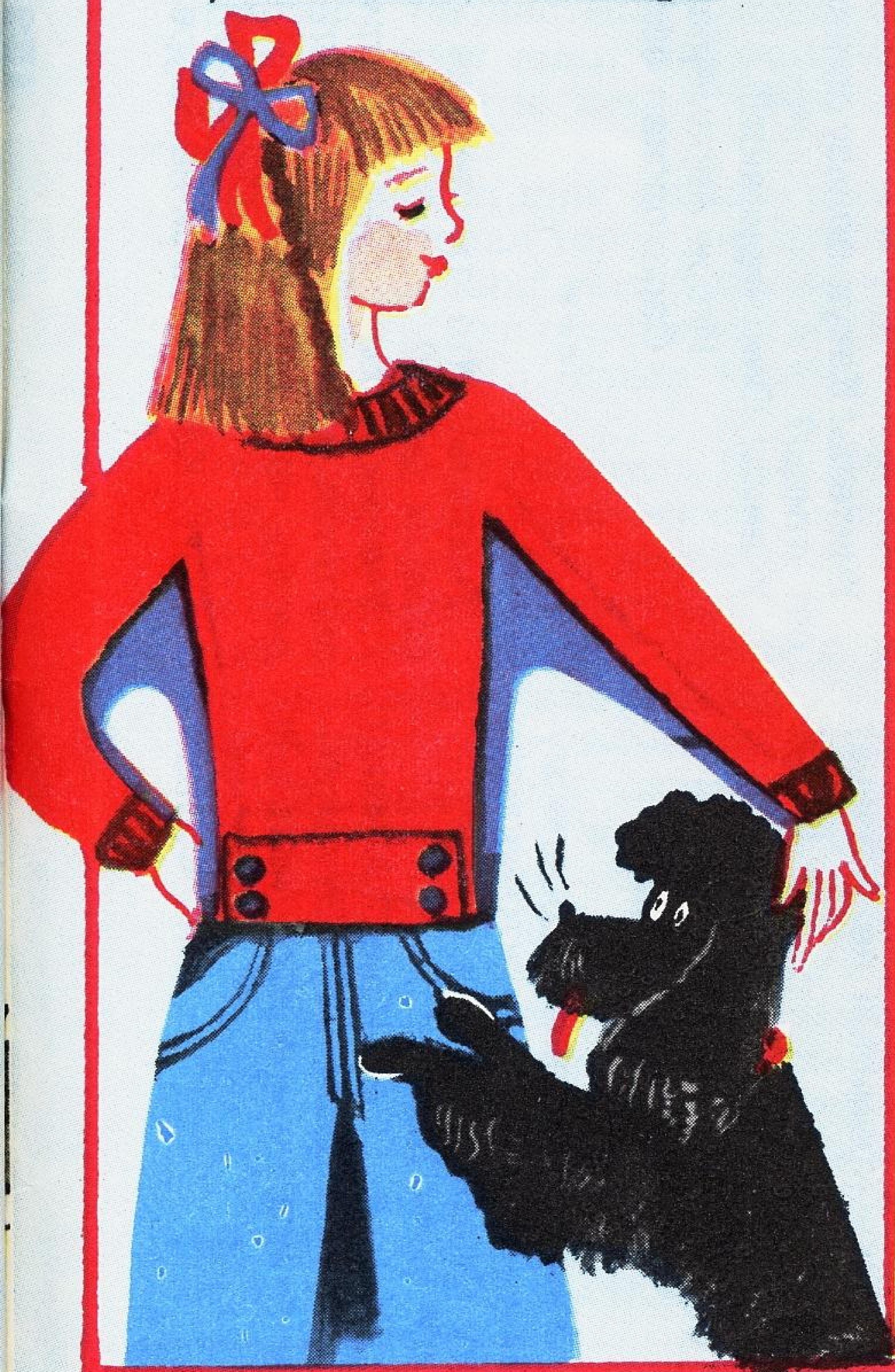


Свитер, вытертый по бокам, можно обновить таким образом. По чертежу скрои из кожи, вельвета, плащевки 4 детали. Две прямые стороны на чертеже равны 40 и 33 см и соответствуют длине бокового шва и рукаву. Если они не подходят твоим размерам, их можно укоротить или удлинить. Распори боковые швы и швы рукава. Выкроенные детали аккуратно пришей на машинке. Ширину свитера в талии отрегулируй, пришив с каждой стороны переда по две пуговицы.

К свитеру с вырезом в форме лодочки пришей спереди треугольник из кожи или плотной плащевой ткани контрастного цвета. Свитер приобретает совсем новый и модный вид. С одной стороны пришей треугольник на машинке, по линии горловины подверни, а на третьей стороне пришей кнопки или пуговицы.

Пофантазируй, может быть, и ты найдешь какие-нибудь варианты переделки старых вещей в новые.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель: Придумай сложное предложение, где были бы слова «хозяин» и «собака»!
Ученик: «Собака, увидев хозяина, завиляла хвостом, а он ответил ей тем же».

С. Исмаилова,
г. Джамбул.

***

Учитель: Перескажи кратко содержание картины «Опять двойка».
Ученик: «Мальчик, получив на уроке двойку, пришел домой, снял шапку и, не повесив ее на вешалку, повесил голову...»

Вика (фамилия не указана),
г. Томск.

НА УРОКЕ ПЕНИЯ

Учитель (играя на рояле музыку Грига): Скажи, кто написал эту музыку?
Ученик (молчит).
Учитель: Не знаешь? А жаль!
Ученик: Вспомнил! Эту музыку написал композитор АЖАЛЬ!!!

Катя Лизовская,
г. Фрунзе.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Где носят своих детенышей кенгуру?
Ученик: В кармане штанов!

Оля Иващенко,
Воронежская обл.

***

Учитель: У птиц особые железы выделяют жидкость, которой смазываются их перья. Почему это необходимо?
Ученик: Чтобы перья не скрипели!!

Оля Згурская,
Моздокский район.

***

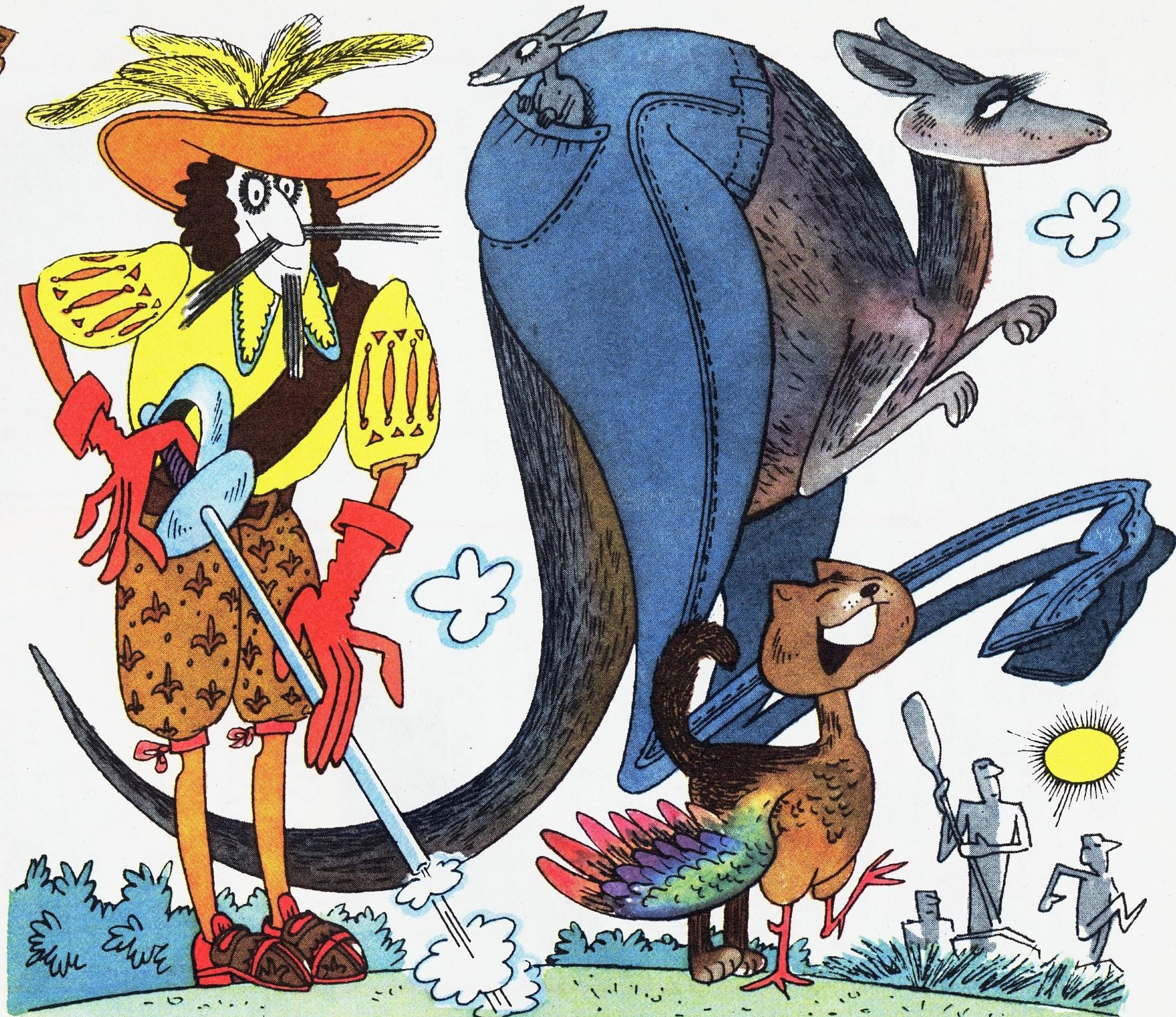
Учитель: Какую пользу приносят птицы?
Ученик: Они чирикают!!

Игорь Авраменко,
Саратовская обл.

***

Учитель: Что ты знаешь о собаках динго?
Ученик: Собаки динго живут и охотятся кучками, по девять-десять человек в каждой...

Елена Хлыстун,
г. Комсомольск-на-Амуре.



Из школьных сочинений

«Самым любимым временем года у него были каникулы...»
«Дело происходило в воскресный день — в понедельник».
«Хозяйка наказала котенка за то, что он визжал на всю квартиру «ку-ка-ре-ку».
«Он выхватил шпагу и, не раздумывая, выстрелил в противника».
«Его ботинки были по уши в грязи».
«Он был небольшого роста, а глаза у него были серые с усами».
«Поле было засеяно полезными скульптурами...»

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Если подружиться с БИБЛИОГРАФИЕЙ

Снова распахнулась дверь нашего читального зала, и я приглашаю тебя войти, дорогой читатель. Зовут меня Наталья Владимировна, в этом году я буду работать библиотекарем.

Вижу, ты остановился и робко оглядываешься. Высокие стеллажи с множеством книг. Квадратные шкафы с таинственной надписью «каталоги». Выставки книг. На столе — коробка с тонкими книжками, которые названы загадочным словом «Библиография». Как же выбрать книгу? Как найти нужную среди множества книг?

Помогут тебе в этом книжные выставки, каталоги и библиография. Каталоги скажут, есть ли книга в библиотеке, на какой полке ее искать. Библиография назовет книги на любую тему, сообщит о новых книгах... Поговорим сегодня об этой помощнице. Ты удивился, как же будут помогать безмолвные брошюры? Но молчат они, пока ты незнаком с ними. Познакомься и попробуй подружиться.

Родилась библиография очень давно, в Древней Греции. Имя ее переводится с греческого как книгоописание. Библиографами называли людей, которые рассказывали о книгах.

На Руси первая библиография появилась уже в XI столетии. Это были списки книг, которыми заканчивалась древнейшая русская книга «Изборник Святослава». Один список перечислял книги «ложные», которые запрещалось читать и переписывать. Другой — истинные, одобренные князем.

В те давние времена книг было мало. Их переписывали от руки, хранили в княжеских или монастырских библиотеках. Часто составляли списки библиотечных книг. Библиография помогала быстро установить, какие книги есть в библиотеке, вести их учет.

Со временем книг становилось больше, налаживалась книжная торговля. Владельцы лавок печатали списки книг, поступивших в продажу. Читатели уже не могли обходиться без библиографии. Она рассказывала о новых книгах, сообщала, где их можно купить.

В 18-м веке писатель Н. И. Новиков создал первый библиографический журнал «Санкт-Петербургские ученые ведомости». В журнале печатали списки книг с аннотациями — короткими рассказами о них. Многие газеты и журналы открыли библиографические отделы. Начали издавать библиографические указатели-книги.

Одни указатели называют ретроспективными, они сообщают о книгах, которые печатались в прошлом. Другие — текущими, они рассказывают о новых книгах. Возникли тематические указатели, которые собирают книги на определенную тему. Появились указатели для специалистов разных профессий: по истории, математике, литературе. Уже не одно столетие помогает библиография исследователям, ученым, всем, кто любит читать.

Тебе поручили выступить на отрядном сборе, сделать сообщение о том, как готовится наша страна к XXVII съезду партии. Ты хочешь больше узнать об истории нашей партии, страны. Библиографический указатель «История нашей Родины» назовет специальную историческую и художественную литературу. Прочитай книгу С. Алексеева «Срочное предписание», узнаешь, как строили Магнитку, Днепрогэс, Турксиб. В книге «Революцион-

ный строй социализма» участники первых пятилеток расскажут тебе о своем времени. Возьмешь книгу Г. Кублицкого «Что приблизит век грядущий», узнаешь о людях разных профессий, которые работают в нашей промышленности.

Если ты человек любознательный и тебе недостаточно школьного учебника, найди библиографический указатель «Приглашения к открытиям», «За страницами твоего учебника».

Ты любишь математику, хочешь серьезно заниматься любимым предметом. Ищи нужный раздел, листай книгу: «В поисках минувших столетий», «Здравствуй, физика!», «Математика — всем!», Теперь выбирай книгу: И. Депман «Рассказы о математике», Ф. Нагибин «Математическая шкатулка». Вот и нужную тебе встретил: Б. Фельдблюм «О самом важном». В аннотации сказано, что узнаешь ты из этой книги, почему математику называют царицей наук, что такое число, где установили 7-дневную неделю и разбили час на 60 минут, какую математическую забаву придумал поэт М. Ю. Лермонтов.

Летом ты собираешься пойти в поход и уже выбираешь маршрут. Хочешь научиться ориентироваться в лесу, ходить по карте. Библиографический указатель «По материкам и океанам» назовет тебе книги. Прочитай книгу А. Куприна «Занимательная топография», она научит находить обратный путь. Книга Л. Успенского «Загадки топонимики» расскажет о происхождении названий сел и городов, которые встретишь ты в пути.

У тебя еще много вопросов к библиографии: найди нужный указатель, подбери книги.

Пора закрывать читальный зал. Но не огорчайся, мы не раз встретимся здесь. Поговорим с тобой о новых книгах, перечитаем уже известные тебе произведения. Ты будешь участником читательских конференций, диспутов, встретишься с писателями, критиками.

Я буду заглядывать в наш почтовый ящик и ждать твоих писем. Напиши, подружился ли ты с библиографией? На какие вопросы она помогла тебе ответить? На какие не нашел ответа?

Н. ДАВЫДОВА

Рисунки С. СОКОЛОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.12.85.
Подписано к печати 17.12.85. А 04686. Формат 84×60$^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 850 000 экз. Изд. № 89. Заказ № 2041.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Уже два года от жильцов дома № 5 по Скворечной улице не поступало ни одной жалобы на «грозу двора» — школьника Олега Р., который до этого не давал прохода ни малышам, ни кошкам, ни собакам...

— Мы должны быть благодарны родителям Олега,— говорят жильцы,— за то, что они два года тому назад переехали вместе с сыном в другой город...

* * *

Возвращаясь из школы, пятиклассник Никита Л. твердо решил, что, придя домой, он будет действовать строго по плану: 1) чуть-чуть отдохнет; 2) сделает уроки по математике; 3) выучит задание по географии; 4) напишет изложение по литературе; 5) подготовится к занятиям по труду; 6) с чистой совестью выйдет во двор и погоняет с ребятами в футбол.

Слово у Никиты не разошлось с делом. Правда, у него не хватило времени на выполнение всех мероприятий, зато он увлеченно и с большим энтузиазмом выполнил самый первый и самый последний пункты своего плана.

* * *

Родители Бори Д. были чрезвычайно огорчены, раскрыв школьный дневник сына и обнаружив в нем три единицы по трем разным предметам.

Пристыженный Боря обещал срочно подтянуться и удвоить прилежание и внимание на уроках. Уже через неделю в его дневнике по тем же предметам вместо единиц стояли двойки.

Елена ФЛОРЕНТЬЕВА

Если
кто-то
свой учебник
под кроватью стал искать,
А нашел там
старый ластик
и помятую тетрадь,
Кубик,
ботик
и машину,
потерявшийся носок,
Шапку рыжую
без уха
и пропавший молоток,
То смеяться
мы не будем,
мы дадим ему совет:
Поищи,
дружок,
под шкафом,
если
под кроватью нет.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

«Здравствуйте, уважаемая команда и капитан «Кораблика»! Я читала, что вашему боцману нравятся стихи о морских странствиях. А ведь о них мечтают все мальчишки... Надя ЕФИМОВА, 10 лет, город Оренбург».

Заветный кораблик

Волны, волны,
Месяц полный
И кораблик на волнах.
Видят странствия морские
Все мальчишки в чутких снах.
На луну слетать охота,
Звезды новые открыть.
Волны, волны!
Месяц полный!
На кораблике б поплыть!
По морям и океанам,
И в неведомые страны...
Чуда, жаль, не может быть!
На кораблике б поплыть...

Вырастают все мальчишки,
Забываются мечты,
И кораблик наш заветный,
Остаешься в детстве ты.
Остаешься тем, кто позже
В сне волнующем, тревожном
Будет к звездам улетать
И о странствиях мечтать.

Диме СПИВАКУ 12 лет. Он живет на Украине, в городе Кировограде.

Музыка

Когда зажигаются звезды,
Мигая ушедшему дню,
Люблю помечтать
у рояля:
Я музыку очень люблю.
Она, словно добрая фея,
Неслышно подходит
ко мне,
Уносит к далеким
вершинам
В свой сказочный мир
на земле.
И, красками всеми играя,
Несет, сквозь пургу
и туман,
Аккордами крыльев качая,
На Север, на Юг,
в океан.
Когда же мне грустно
бывает,
Прогонит тоску и печаль.
Ей в такт за окошком
качает
Зима белоснежную шаль.

«Здравствуй, «Кораблик»! Мне 12 лет. Я учусь в школе № 56 города Львова. Занимаюсь в литературном клубе «Гайдариана» Львовского Дворца пионеров. Занятия кружка проводятся очень интересно. Мы встречаемся с поэтами и писателями города. Я сочиняю стихи. Очень люблю сочинять о природе и животных. До свидания! Ангелина МИКК».

В лесу

Я попадаю в зимний лес,
А может, просто в сказку,
Он полон радостных чудес,
Зимы надел он маску.

Иду по мягкому ковру,
Зима его соткала.
Кусты, деревья все в снегу,
Метель их одевала.

Зайчонок белый, как снежок,
Меня увидев, скрылся,
Лишь след от быстрых его ног
У сосен появился.

Для птиц, защитников лесов
От гусениц опасных,
Осенний сохраняет лес
Букеты ягод красных.

«БАМ».
Рисунок Володи ПОДКОРЫТОВА, 13 лет.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.